

АРТ

СОДЕРЖАНИЕ

КОМИ КЫВЛОН ВО

- Г. Федюнева. Письменность и становление коми литературной традиции (XIX – XX вв.)* 4

СЛОВО О СЛОВАРЕ

- A. Туркин. О втором варианте русско-зырянского словаря Н.П. Попова. Продолжение* 20
- Письма составителей первого русско-коми словаря академику А.Шёгрену. *Публикация Мары Лейнонен* 25

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

- E. Афанасьева. Аскиа лун йылысь мёвпалёмён* 54
- «Зарни киньяс...» (*Том гижысьяслён кывбуръяс да висътьяс*) 55
- A. Полов. «Игра судьбы, а не ума...»* 66
- «Жёт рожденья крыло живое...» (*Стихи молодых поэтов*) 68
- C. Козлов. Не определился* 79

ШТУДИИ МОЛОДЫХ

- D. Оксузьян. Возможности интерпретации исторического текста в терминах исторической экологии с точки зрения философии и феноменологии текста: постановка вопроса* 98
- L. Лобanova. Народные представления о болезнях домашних животных и способах их лечения (по материалам традиционной культуры коми)* 105

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- A. Иевлев. «Кто же я, Господи?..» Стихи* 118
- P. Шахов. Синий патефон. Повесть. Перевод В.Шахова* .. 124
- E. Созина. Книга К.Ф. Жакова «Биармия» в контексте мифотворчества писателя* 134
- T. Снигирева. Слово – песня – молитва в национальном мире современной коми поэзии* 142
- I. Васильев. Мир глазами коми поэтов первых советских десятилетий* 150

АРТ-ФАКТ

- L. Кочерган. «Листья осени...». О художнике А.В. Копотине* 160
- Новое имя: Анастасия Неверова* 174
- Э. Бартенев. «Не говорить больше, чем говорит кадр...»*
Интервью В.Смирновой 177

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. НОВОСТИ. ПИСЬМА

- Новости* 185
- Приложение к журналу CD-диск «Михаил Елькин. Кывбуръяс»*

Издания, вошедшие в Золотой фонд прессы, рекомендуются российским библиотекам для комплектования своих фондов.

Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал

Республиканской литературно-публицистической, историко-культурологической, художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках при финансовой поддержке Правительства Республики Коми.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайтыр»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 10.11.09. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 7636. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

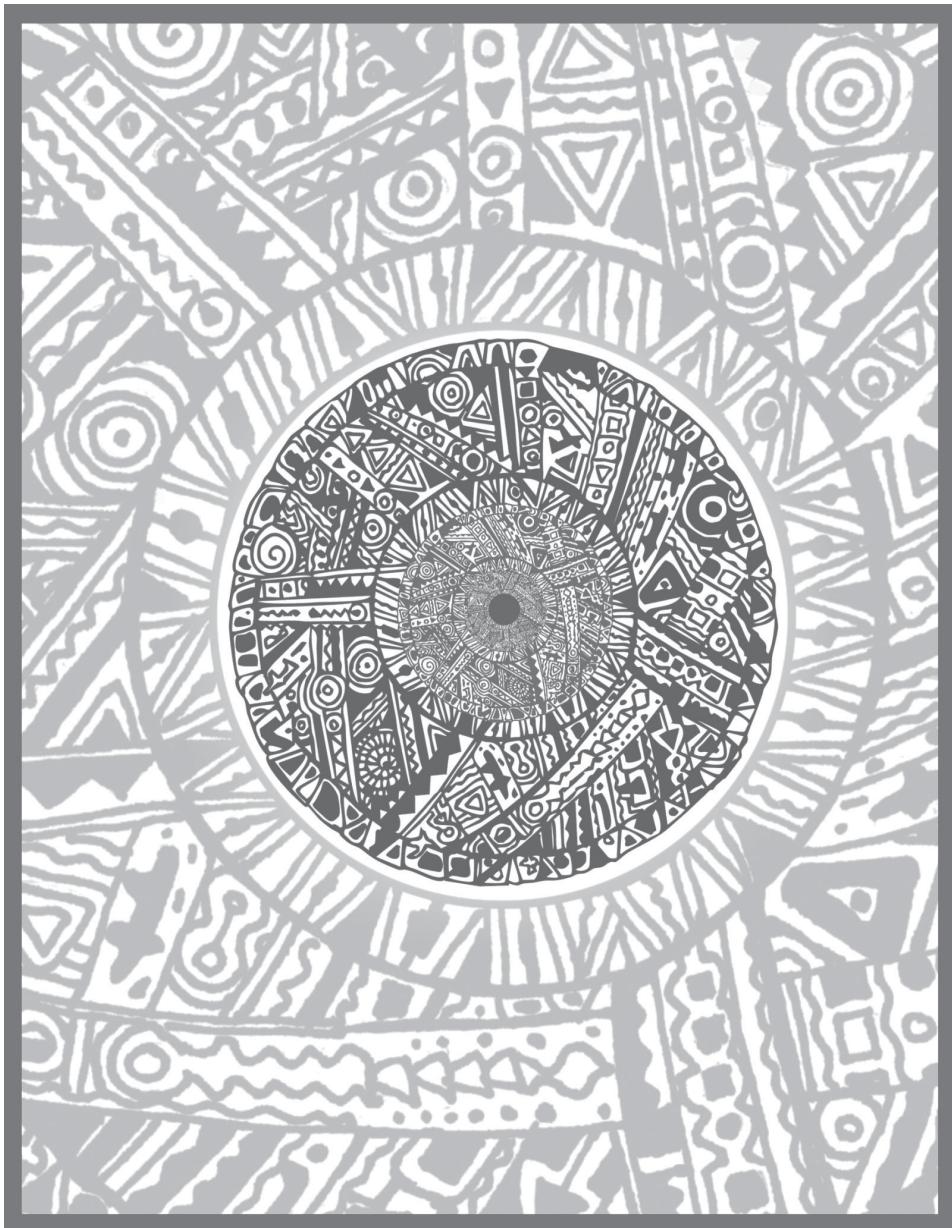
В оформлении обложки использована работа А.Неверовой «Материнство». 2009.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йөзөдтөм гижёдъяс редакция оз рецензиурит и авторъяслы найос оз мөддөд. Редакция оз век во ѿти кывйö авторъяскöд.

КОМИ КЫВЛЁН ВО

ГОД КОМИ ЯЗЫКА

Галина Федюнева

Федюнева Галина Валерьяновна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Научные интересы: морфемика, морфология и словообразование коми языка; типология, история и исторические контакты пермских и других финно-угорских языков; дейктика и дейктические системы в языках разных типов. Автор более 200 научных работ, в том числе монографий «Первичные местоимения в пермских языках», «Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке», «Указательные местоимения и их производные в пермских языках», «Морфемный состав и морфологический тип коми языка», разделов в обобщающих работах и энциклопедических изданиях.

Письменность и становление коми литературной традиции (XIX–XX вв.)

В вопросе о связи письменности с этнической ментальностью существенное место отводится качественной характеристике языка национальной литературы, степени его развитости, вариативности или общенациональности. В исторической ретроспективе генезис форм национального сознания тесно связан с формированием единого языкового пространства, в котором происходит категоризация не только результатов познавательной деятельности человека, но и его стремления к самовыражению, рефлексивной деятельности, созданию новых духовных ценностей и т.д. На самых ранних стадиях формирования социумов языковое и фольклорно-мифологическое мышление выступают синкретично, в виде концептов – констант формирующейся культуры, реализующихся, как правило, в диалектных вариантах. С формированием более устойчивых коллективов наблюдаются и более сильные тенденции к формированию общего разговорного языка и далее – его литературного варианта. Как правило, решающую роль в этнической консолидации играет появление общенационального языка и письменной традиции, которые в свою очередь являются основой возникновения национальных литератур.

С другой стороны, известно, что письменность и формирование литературных языков в своих глубинных истоках восходят к устной поэтической традиции, которая демонстрирует некоторые образцы обработанности и наддиалектного функционирования на самых ранних стадиях существования социума. «На материале многих языков прослеживается преемственность между устными обработанными формами языка дописьменного периода и языком более поздних форм письменности» (ЛЭС:271). Вместе с тем, с появлением письменности процесс когнитив-

ного (и художественного) освоения действительности значительно активизируется, приобретает новые формы и очертания. Происходит качественное изменение общественного сознания, его ментальных ценностей, что выражается прежде всего в «разрушении мифопоэтики как базовой структуры этнического сознания и в появлении письменного сознания как выражения рефлексии индивидуального «я» (Красильников 1998:36).

В становлении письменной традиции у коми также прослеживаются этапы, связанные с формированием его этнического самосознания и ментальности. Древнекоми письменность, получившая распространение благодаря миссионерской деятельности Степана Пермского, по-видимому, опиралась на уже существовавшую систему знаковой коммуникации древних зырян, которая была использована для нужд укрепляющегося православия.

В историческом плане этот первый опыт создания письменности оказал огромное влияние на формирование ментальности коми и его мировоззрение. Появление переводной богослужебной литературы на родном языке и начало обучения грамоте послужили основой для формирования в общественном сознании стойкого стереотипа ценности просвещения не только среди церковных деятелей, но и простых людей. Одним из важнейших составляющих этнической культуры коми становится приоритет образования, уважение книжной традиции, что прослеживается на всём дальнейшем пути развития коми письменности и культуры. Неслучайно, среди финно-угорских народов по грамотности коми оставались наиболее продвинутыми вплоть до начала XX в. Особым отношением к письменным традициям можно объяснить относительную сохранность памятников древне-пермской письменности, а также тот факт, что после утраты стефановского алфавита коми достаточно быстро усвоили русское письмо, о чём свидетельствуют многочисленные письменные памятники XVII–XVIII вв., написанные русскими буквами (см. Лыткин 1952: 50-69).

Надо сказать, что не меньшее (если не большее) влияние на коми менталитет оказала русская письменная традиция, которая давала возможность наиболее грамотным зырянам вступать в коммуникативные отношения с пришлыми «государевыми людьми». Более того, с элементами славянской грамоты коми могли столкнуться значительно раньше XIV в., если принять во внимание многочисленные контакты с новгородскими купцами. Сам Степан Пермский и его окружение были также непосредственными носителями славянской письменной традиции, которой также обучали послушников из местных хотя бы для того, чтобы те могли заниматься переводами церковной литературы на родной язык. При этом вольно или невольно мыслящий на своём родном языке зырянин «примерял» русскую графику к звукам коми языка, производя в этом творческом процессе тот сплав, из которого позже формировалась собственно коми письменность.

Появление стефановского письма считается началом становления литературного языка, хотя как социальная база функционирования, так и степень его кодифицированности не позволяют говорить о формировании национального коми языка и его письменной формы в XIV–XVII вв. Сам по себе этот факт свидетельствует только о том, что в общественном сознании уже сформировалась потребность в новом носителе информации и сложились предпосылки для создания письменности как важнейшей культурной константы. Появился общественный

слой, имевший потребность в использовании письма для наилучшей реализации своих потребностей и коммуникативных задач. Вместе с тем, появление древнекоми письменности, хотя и в очень ограниченном территориально-временном и социальном пространстве, объективно открыло дорогу для проникновения в дописьменное фольклорно-мифологическое сознание коми новых эстетических ценностей, формирующихся под влиянием переводов церковной литературы. Важнейшим импульсом для создания письменности, несомненно, явилась деятельность церковных служителей по обращению «иноверцев» в православную веру. Всё дальнейшее формирование коми письменной культуры (как и у большинства народов) происходило также в церковно-монастырской среде и определялось нуждами духовного просвещения народа с использованием их родного языка. В своей деятельности по созданию письменности миссионеры, а позже передовая интеллигенция неизбежно сталкивались с диалектной вариативностью языков, преодолеть которую пытались созданием образцов письма, как правило, на базе крупных диалектов.

Всё это можно отнести ко всем «малым народам, которые вышли из тьмы неизвестности, безымянности на сцену цивилизации в начале XX в. Им предстояло из ничего сотворить целый мир, перешагнуть рубеж устного творчества и перейти без всяких предпосылок (здесь я подразумеваю общемировые традиции) в письменность. Эти начинающие цивилизаторы, создающие свою письменность, должны были на основе чужих образцов фиксировать на бумаге звуки своей речи, формировать из букв слоги, слова, определять словесные границы, разделительные знаки и предложения без соответствующего аппарата, типографских шрифтов и специальной подготовки» (Домокош 1993: 174). Эти первые «пробы пера» собственно стали тем источником, из которого к концу XVIII в. сложились основы современной письменной культуры, а «уже в XIX в. появилась настоящая художественная литература на коми языке» (Домокош 1993: 56).

Конец XVIII в. стал весьма значимым периодом формирования письменных традиций не только коми, но и других восточных финно-угорских народов: с этого периода начинается отсчёт истории письменности на удмуртском, марийском и мордовском языках, на разных диалектах с использованием русской графики выходят в свет первые грамматики, публикуются отдельные стихотворения (Красильников 1998: 24).

Однако поистине «золотым веком» формирования письменности на языках народов России (в том числе и финно-угорских) стал XIX в. С целью усиления идеологического влияния православной церкви на инородцев в крупных центрах (Вологда, Вятка, Нижний Новгород, Казань и др.) открываются учительские и духовные семинарии, центры по подготовке миссионеров, в том числе из числа инородцев. В общественном сознании всё более укрепляется мысль о необходимости просвещения народов на их родных языках, появляется переводная церковная, а затем и светская литература. Всё это создавало социальную среду для формирования основ национального языка и разработки его письменных норм.

Несомненно, в этом процессе заметную роль сыграли экстралингвистические факторы, а именно, отмена крепостного права и бурное развитие рыночных отношений в Российской империи, в которое активно втягивались все народы, в том числе окраинных территорий. Рынок и рост товарно-денежных отношений требо-

вал новых форм и носителей информации, оперативной коммуникации, а, следовательно, большое количество грамотных людей. Это не могло не сказаться на росте национального самосознания не только русского населения, но и «инородцев», что в свою очередь значительно ускорило формирование письменности и книжной традиции на национальных языках. Этническое сознание коми в известной степени уже было подготовлено предшествующим развитием к рецессии книжной культуры. На этой почве широкое распространение получили идеи просветительства, которые в значительной степени были отражением распространявшихся в России общедемократических идей о необходимости гуманизации общества, совершенствовании человека и общественных отношений. Передовая интеллигенция высказывалась за признание родного языка в качестве основного средства обучения и воспитания человека, развития его умственных и духовных способностей. В середине XIX в. распространение получила т.н. «система Н.И. Ильминского», которая сыграла известную роль в просвещении «инородцев», распространении письменности и изучении их языков (Туркин 1993: 144). Как пишет А.Г. Красильников, «Может показаться удивительным, но наиболее действенные импульсы к возникновению марийской, мордовской и удмуртской интеллигенции исходили из находившегося в Казани миссионерского центра Русской православной церкви под руководством Н.И. Ильминского. Его педагогическая идея была своего рода повторением на новом историческом этапе идеи Стефана Пермского о том, что только родной язык может действительно повернуть формально крещёные нерусские народы к истинному православию» (1998:25). Система Ильминского опиралась на школьное обучение, а это требовало подготовку и издание учебной и религиозно-нравственной литературы, а также подготовку учителей из местных – носителей национальных языков и диалектов. Хотя просветительская деятельность не являлась самоцелью, а лишь средством обращение иноверцев в истинную веру («Не в языке дело, по крайней мере, не в нём одном – писал он – вся суть в верованиях, понятиях, преданиях, которыми живёт народ. Следовательно, нужно прежде всего работать против этих верований и преданий, нужно первое всего и паче всего стараться о том, внутренне обруслить иноверцев и в церковном и в христианском смысле» (Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869 :334), деятельность Н.И.Ильминского сыграла огромную роль в становлении письменной культуры многих нерусских народов (прежде всего тюрksких и финно-угорских), подготовила национальные кадры для дальнейшего национально-культурного строительства и этнического возрождения. За период существования Казанской учительской семинарии с 1872 по 1919 гг. курс обучения прошли 15 тыс. чел., среди них 686 русских, 243 татар, 178 чувашей, 128 марийцев, 110 мордвы, 70 удмуртов, 36 коми-зырян и пермяков. Выпускниками этой семинарии были многие просветители, учёные, писатели и переводчики – представители народов Поволжья (Красильников 1998: 26).

Несомненно, идеи Ильминского оказали влияние на передовую часть российского общества, что, в конечном счёте, отразилось и на формировании письменных традиций и литературных языков, в том числе коми. В постановлении Совета Министров народного просвещения от 2 февраля 1870 г. отмечалось, что «для каждого племени должно быть народное наречие его; учителя инородческих школ должны быть из среды соответствующего племени инородцев, и притом хорошо

знающие русский язык, или же русские, владеющие соответственным инородческим наречием» (Машанов 1892: 59). Как отмечает А.И. Туркин, с этого времени коми письменность вступила в новый этап своего развития. Оживилась работа по переводу на коми язык религиозных текстов, литературы светского характера, переводы стали более качественными, осуществлялись с учётом особенностей национального языка, стремились к более простой форме передачи смысла оригиналов (Туркин 1993: 144).

В становлении письменно-литературных традиций в XIX в. основополагающую роль сыграли два аспекта духовно-творческой деятельности передовой интеллигенции того времени: 1. создание переводной литературы как духовного, так и светского характера и 2. формирование научно-учебного направления в виде создания грамматик и учебных пособий по коми языку и издание словарей коми языка. Эти два вида деятельности идут рука об руку, поскольку детерминированы одним стремлением к просвещению народных масс прежде всего, в религиозном отношении.

1. Переводная церковная литература сыграла огромную роль не только в развитии письменности, но и литературного коми языка, поскольку выступила в качестве основообразующей матрицы оригинальных письменных памятников XIX в., а также первичной эмпирической базой лингвистического исследования коми языка в первых грамматических описаниях и словарях.

Переводы религиозной литературы на коми язык не прерывались начиная с деятельности Стефана Пермского и его учеников, однако наибольшую интенсивность эта работа приобрела именно в XIX в., когда потребность в литературно-письменных носителях стала наиболее очевидной.

Наиболее значимым в этом отношении является перевод «Евангелия от Матфея», один из важнейших памятников письменности на коми языке. В известном смысле, его можно назвать первым «проблемским» современного литературного языка, поскольку перевод был осуществлён на центральное усть-сысольское (= присыктывкарское – основа современного коми литературного языка) наречие, наиболее толерантное по отношению к другим диалектным разновидностям коми языка, т.е. была предпринята первая попытка преодолеть диалектную раздробленность и приблизиться к уровню общенационального языка.

Более того, перевод осуществил высокообразованный по тем временам человек, учитель греческого языка Сольвычегодского уездного училища, затем смотритель Усть-Сысольского духовно-приходского училища, коми по национальности, А.В. Шергин. Совместно с несколькими коми священниками Шергин перевёл текст Нового Завета с церковнославянского (отчасти греческого и латинского) на коми язык, понятный широкому кругу зырян, и написанный с помощью известной зырянам русской графики с добавлением нескольких церковнославянских грамем. В 1822 г. перевод был прочитан во многих коми деревнях, одобрен населением, а в 1823 г. в свет вышла первая книга Нового Завета – «Евангелие от Матфея» (КЯЭ: 560). Спустя сорок лет она вышла на коми-пермяцком языке.

Этот перевод послужил основой и импульсом дальнейшего формирования духовно-письменной культуры коми в среде передовых людей не только коми края, но и России. Так, например, в своих переводах религиозных текстов на коми язык, а также при создании учебных грамматик и словарей коми языка на этот

источник как первую печатную книгу на коми языке опирались М.А. Кастрен, А.М. Шёгрен, Ф.В. Видеман, П.И. Савваитов, Н.П. Попов, Е.А. Попов, Г.С. Лыткин и др. Так, церковные служители Усть-Сысольского уезда В. Кокшаров, М. Георгиевский, Г. Попов, И. Попов и др. (многие из них сами занимались переводами) уже в середине XIX в. отмечали, что зыряне имеют два языка: разговорно-бытовой и религиозно-нравственный, им издавна известны и понятны церковные книги, в их числе «Евангелие от Матвея» на родном языке (Плосков, Цыпанов 2002: 34-35).

Во второй половине XIX в. поток переводной религиозной литературы значительно расширяется, к многочисленным рукописным переводам XVIII-XIX вв., опиравшимся на родные диалекты их создателей и предполагаемых читателей, добавляются печатные издания, ориентированные уже на более широкие слои населения и потому объективно направленные на формирование общенациональных норм. Достаточно сослаться на переводы А.Е. Попова «Краткий православный катехизис на русском и зырянском языках» (СПб., 1863), Г.С. Лыткина «Евангелие от Матфея» (СПб., 1882), «Божественная литургия святого Иоанна Златоуста» (СПб., 1883), «Псалтырь» (СПб., 1885), «Святое Евангелие от Матфея, Луки, Марка и Иоанна» (СПб., 1885), «Деяния святых апостолов» (1885), А.В. Красова «Молитва за государя Императора» (СПб. 1900), А. Попова «Житие св. Стефана, епископа Пермского на русском и зырянском языках» (Вологда 1902) и др., которые не только дают перевод первоисточников, но и обнаруживают стремление переводчиков использовать возможности коми языка и его диалектов, при этом обнаруживается авторский стиль. Переводы XIX в. значительно отличаются от более ранних, считаются более удачными. «Чувствуя живой язык переводов, читатель воспринимал их как произведения устного народного творчества. К сожалению, многие переводы религиозно-нравственного содержания остались в рукописи» (Туркин 1993: 145). С точки зрения «демократизации» языка особенно выделяются рукописные переводы «Последование вечерни», «Последование утрени», «Чин поминования усопших», «Воскресный апостол», «Воскресное Евангелие», «Жизнеописание святых Кирилла и Мефодия», «Акафист и служба святому Стефану епископу Пермскому», «Часослов» (Г.С. Лыткин, 1883), «52 жития различных святых православной церкви», «Житие святого Прокопия Праведного» (А.Попов, 1899), «О книгах старых и новых», «Слова любви, глаголемому старообрядцу» (Н.Попов, 1901, 1902), «Начальные наставления православной христианской веры» (Н.П. Чеусов, 1902), авторы которых стремятся использовать внутренние ресурсы коми языка, все его лексические возможности, а при передаче отдельных оттенков значений используют авторские неологизмы, терминологизацию бытовой лексики и т.д. При этом за основу берётся живая коми речь, доступная для чтения форма, понятная общекоми лексика. Как отмечал Г.С. Лыткин, при переводах русских текстов следует ориентироваться на разговорный коми язык, с одной стороны, опираться на древнюю лексику, а с другой, создавать новые слова, но с условием, что они будут понятны коми читателям. В процессе переводческой деятельности остро встаёт вопрос об использовании в письменном коми языке русских заимствований, поскольку произведения церковного содержания, как правило, давались на двух языках и читающие коми были билингвами.

Несомненно, для становления языка художественной литературы наибольшее значение имели именно переводы богослужебной литературы, поскольку передача христианских сюжетов требовала формирования разных стилистических средств выражения. Из истории формирования многих литератур известно, что у их истоков часто стоят не оригинальные произведения, а литературные штампы и схемы, взятые из переводных письменных памятников. Попытки перевести на коми язык светскую литературу были единичны, к примеру, известны переводы Г.С. Лыткина из книги К.Д. Ушинского «Родное слово».

Вместе с тем, для становления письменной культуры, формирования общенационального литературного языка и его стилистической дифференциации (научный, публицистический, официально-деловой и др. стили) важными были также переводы светского характера, которые получили широкое распространение особенно во второй половине XIX в. Это были тексты официального характера: Зырянское слезное слово на кончину Николая Мудрого (Г.С. Лыткин, СПб., 1855); Зырянское слово на воспечение на престол Александра Николаевича (Г.С. Лыткин, СПб., 1855); Описание священного коронования государя императора Александра Второго. На коми и русском языках (А.П. Попов, СПб., 1856); О кончине государя императора Александра Николаевича. На зырянском языке (Н.П. Чесов, Вологда, 1883). О последних днях жизни и кончине в Бозе почившего Благочестивейшего Государя Александра Александровича (А.П. Попов, СПб., 1897). О всенародном торжестве бракосочетания Его Императорского Величества, Благочестивейшего Государя Императора и Самодержца Всероссийского Николая Александровича с Её Императорским Величеством, Великою княжною Александрою Фёдоровною, дочерью великого Герцога Гессенского (А. Попов, СПб., 1897).

Государственные акты: Сельский полицейский устав для государственных крестьян. На русском и зырянском языках (А.Е. Попов, СПб., 1843). Сельский судебный устав для государственных крестьян. На русском и зырянском языках (А.Е. Попов, СПб., 1850). Приложение к сельскому судебному уставу на русском и зырянском языках (А.Е. Попов, СПб., 1852). Извлечение из наказа государственным крестьянам о предупреждении и прекращении пожаров в государственных селениях. На русском и зырянском языках (А.Е. Попов, СПб., 1852).

Нравственно-воспитательная, лечебно-профилактическая литература: Наставления о прививании предохранительной оспы (А. Шергин, СПб., 1815). Наставление на зырянском языке, как спасать жизнь людям, впавшим внезапно в смертельные случаи (А.Е. Попов, СПб., 1852). Наставление, как уберечься от оспы и как прививать предохранительную оспу (А.Е. Попов, СПб., 1845). Слово о пьянстве, наставление в день святых Петра и Павла (П.И. Савваитов, СПб., 1848). Избранные места из книги училища благочестия на русском и зырянском языках с назидательными нравоучениями, приспособленным к понятиям зырян» (А.Е. Попов, Книга I – Вологда, 1861г., II – СПб., 1863 г.). Мужья и жёны (А.П. Попов, В. Устюг, 1902), Как помочь общенародному горю (А.П. Попов, В. Устюг, 1902) и т.д.

Эти переводы имели конкретно-практическое значение и не преследовали цели нормализации коми языка. Более того, они были весьма несовершенными, особенно в отношении синтаксиса, когда при пословном переводе нарушался исконный порядок слов, особенности коми синтаксиса переводчиками часто не уч-

тывались. Не всегда соблюдался также принцип единообразного письма одних и тех же форм, непоследовательно передавались фонетические особенности коми языка и т.д.

В числе переводчиков были как коми, так и русские, но все они были людьми образованными – священнослужителями, учителями школ, волостными писарями. Они стремились широко использовать лексические возможности коми языка с привлечением его диалектов, созданием неологизмов, а также адаптацией русских заимствований, и в этом плане эти переводы сыграли свою роль в формировании основ литературного языка, особенно его устно-разговорного и публицистического стилей. Переводная литература светского характера должна быть доходчивой для массового восприятия, поэтому приближённой к устной речи, которая всегда отличается от письменного языка, который в данном случае выступает в качестве нормализатора устной формы стандартного общенационального языка.

И хотя каждый из переводчиков опирался на свой родной диалект, они пытались «нащупать» общие закономерности культуры письма, использовать образцы и клише предыдущих переводов, установить некоторые нормы литературного изложения. «Моими переводами, можно сказать, кладётся основание литературной обработки зырянского языка», – писал Г.С. Лыткин в своей книге «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык» (1889: 8).

Переводческая деятельность в XIX в. была поставлена в ранг государственной политики. Переводы как религиозной, так и светской литературы инициировались и издавались Российским библейским обществом, Переводческой комиссией Архангельского православного миссионерского общества, Казанской переводческой комиссией при братстве св. Гурия, Велико-Устюжским православным Стефано-Прокопьевским братством и др. организациями. В качестве рецензентов коми рукописей выступали академики А.М. Шёгрен и Ф.И. Видеман, «учёные – выходцы из коми народа, получившие образование в столице – Г.С. Лыткин и К.Ф. Жаков, а в Устьысольске – цензоры коми-зырянских переводов священники Е.Н. Вишерский и Д.Я. Попов. В начале XX в. в 1901–1904 гг. в Устьысольском и Яренском уездах Вологодской губернии были даже учреждены должности переводчиков с местного коми-зырянского наречия» (Туркин 1993: 145–146).

Второе важнейшее направление формирования письменной культуры связано с изучением и преподаванием коми языка. С укреплением государственно-капиталистических отношений и расширением сферы коммуникативных отношений язык постепенно приобретает статус средства этнического объединения и всё более приспосабливается к потребностям внутриэтнических связей. В этих условиях для членов этнического коллектива всё большую ценность начинают приобретать просвещённость и личная языковая компетенция, которые может дать только специально созданная система образования, постоянно стимулирующая научно-познавательную деятельность общества.

Вместе с тем, следует отметить, что изучение и развитие национальных языков и создание письменности объективно не было самоцелью нарождающейся системы. Это был только инструмент, облегчающий процесс включения инородческих племён в государственную систему управления, на что собственно и была направлена система Н.И. Ильминского. Чиновники от просвещения хорошо по-

нимали, что «...язык – это народ; утвердите язык письменностью, дайте ему некоторую литературную обработку, изложите грамматические правила, введите его в школу и в церковь, и тем самым утвердите соответствующую народность, доселе безразличную к языку массу иноверцев, с явным даже влечением к усвоению русского языка, вы обратите в племя, которое будет дорожить своими особенностями и будет настаивать на своём обособлении» (Журнал Миннарпрос 1867: 91-92).

Несмотря на это, XIX в. несомненно, является краеугольным камнем, на котором зиждется современная коми лингвистическая наука. Его без сомнения можно считать началом действительно научного исследования коми языка в комплексе его лексико-грамматических свойств и функциональных возможностей. В этот период появляются первые грамматики коми языка и крупные лексикографические работы, издаётся учебно-научная литература разного назначения, закладываются основы научной терминологии и стилистической кодификации. Эта работа, проводившаяся, в основном, стихийно, усилиями передовой части общества – учителями церковно-приходских училищ и семинарий, отдельными деятелями церкви, управлеченческих служб, представителями научной общественности, в том числе, русскими и зарубежными исследователями, стала впоследствии катализатором не только формирования литературного коми языка и его научного стиля, но и становления коми филологической науки в целом (Бараксанов, Мартынов 1975: 6).

Первые коми грамматики не преследовали целей нормализации коми языка, выработки непосредственных графических, орфографических, грамматических норм, а исходили из реальных языковых фактов того или иного диалекта, иногда подводя эти факты под нормы русской грамматики. Как пишет Г.Г. Бараксанов, «Можно лишь говорить, что до революции существовали начатки нескольких литературных языков; каждый учёный, занимавшийся нормированием коми языка, создавал свой литературный язык и литературу на этом языке, которую знал сам и ещё, может быть, узкий круг лиц, интересовавшихся вопросами коми языка» (1964: 5)

Поскольку преподавание в школах велось на русском языке, задача создания грамматики сводилась к тому, чтобы обучить инородческое население русской грамоте, усвоение которой предполагалось через выработку навыков письма и чтения на родном языке. Таковыми, напр., были: Флеров А. Зырянская грамматика. СПб., 1813; Попов А.Е. Азбука для зырянского юношества, или легчайший способ зырянам научиться русской грамоте (1865); Попов Н.П. Учебник зырянского языка, или практическое руководство для зырян легчайшему изучению русского языка, составленное по руководству Э. Курсье, дополненному Паульсоном. СПб., 1863; Истомин М.Ф. Об этимологических формах ижемско-зырянского языка с присовокуплением сборника зырянских слов// Архангельские губернские ведомости. Архангельск, 1857, № 12-34; Михайлов П. Практическое руководство к изучению ижемско-зырянского языка, Архангельск, 1873 и др.

Вместе с тем, в первой половине XIX в. появляются коми грамматики, составленные зарубежными учёными и имевшие совсем другие цели. Они были неизвестны и недоступны коми, однако сыграли важную роль в становлении коми филологической науки. Надо отметить, что появились они на волне просвети-

тельства и романтизма, получившего в XIX в. широкое распространение в Европе, а затем и в России. В этот период в образованных слоях населения активно муссируются идеи о свободе человеческой личности, о достоинстве и праве на проповедование каждого члена общества, о небывалых способностях человеческого развития и т.п. Крепнет интерес к древней истории народов, их этногенезу и духовному наследию, всё больше исследователей обращается к изучению вопросов этнографии, фольклора и языков народов, в том числе малочисленных. Эти настроения находят отражение и в среде финно-угорских этносов, особенно в Финляндии и Венгрии, «что обусловлено национальным подъёмом» (Основы 1974: 65).

На развитие культуры и этнического менталитета российских финно-угров большое влияние оказывает Финляндия, которая с начала XIX в. находилась в составе России как относительно автономное княжество. В формировании национального сознания финнов XIX в. существенную роль сыграла публикация Элиасом Лённротом национального эпоса «Калевала». Романтические идеи просветительства всех народов, изучения их истории стимулировали обращение продвинутой части гуманитариев на поиски культурных ценностей прошлого, изучение языков, выявление их родства и т.д. Уже в первой половине XIX в. предпринимаются экспедиции к малым народам России с целью изучения и описания их языков. Среди них особое место занимает деятельность Андреаса Шёгрена и его последователя Фердинанда Видемана, работы которых по ливскому, удмуртскому, марийскому, мордовскому, эстонскому и коми языкам до сих пор составляют научную ценность. Огромное влияние на становление «финно-угорской национальной идеи» оказала также деятельность А.М. Кастрена, который лично собрал огромный этнографический, фольклорный и лингвистический материал по всем уральским (и не только) языкам, в том числе коми. «Его деятельность по сравнительному изучению языков, по этимологизации осталась незавершённой, но его самоотверженный труд вдохновил целый ряд учёных на исследование вопросов финно-угристики» (Основы 1974:68), стимулировал изучение коми языка зарубежными исследователями. Об этом свидетельствуют многочисленные грамматики, напр., наиболее известные из них: Sjögren A. Über grammatischen Bau der Syrjänischen Sprache mit Rücksicht auf die Finnische. Spb. 1830; Gabelenz H.G. Grunzüge der syrjänischen Grammatik. Altenburg, 1841; Casnren M.A. Elementa grammatices Syrjaenae. Helsingforsiae, 1844. (ижемский); Wiedemann F.J. Versuch einer Grammatik der Syrjänischen Sprache. Reval, 1847; Genetz A. Ostpermische Sprachstudien. Helsingfors, 1897. (к-язьва) и словари коми языка: Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhange und einem deutschen Register: [Коми-немецкий словарь с приложением удмуртско-немецкого словаря и немецкого указателя слов]. Wiedemann F. – С.-Петербург, 1880.–692 с. ; Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre: (Aufgezeichnet von Yrjo Wichmann. Bearbeitet und herausgegeben von T.E.Uotila). [Словарный состав зырянского языка с основами морфологии]. Wichmann Y. – Uotila T.–Helsinki, 1942.–486 l (материал собирался в автором в экспедиции 1901–1902 гг.); Vocabulaire de la Langue Wotjake et Permienne. [Рукопись 1808–1811 гг. Содержит 150 коми-пермяцких слов] и др.

Несомненно, труды зарубежных исследователей сыграли свою положительную роль не только в становлении финно-угроведения, но и в повышении престижа

национальных финно-угорских языков и самосознания народов. Однако сказались это гораздо позже, уже в советское время, после того, как эти работы стали известны широкому читателю, были введены в научный оборот и использовались как база для дальнейших научных изысканий и формирования литературных языков.

Непосредственное влияние на формирование коми лингвистической науки, этнической культуры и на просвещение коми народа в XIX в. оказала деятельность коми и русских учёных-просветителей, среди которых особое место занимают Г.С. Лыткин, П.И. Савваитов и И.А. Куратов.

Действительно научной является грамматика зырянского языка П.И. Савваитова, в которой достаточно полно и всесторонне изложены основы современной фонетики, морфологии и синтаксиса. Автору удалось выявить все специфические звуки коми языка, описать основные части речи и их словоизменение, главные и второстепенные члены предложения, описать порядок слов в предложении и выделить их основные типы. В грамматике приведён богатый иллюстративный материал, который Савваитов собирали и изучал в своих экспедициях в Коми край в 1841 и 1846 гг. Во время этих поездок он собирали фольклорный и этнографический материал, изучил все диалекты коми языка, что позволило ему сделать некоторые этимологические заключения относительно древности л-овых говоров. Вместе с тем, грамматика Савваитова может считаться одной из основополагающих работ, положивших начало современному литературному языку, поскольку опирается на присыктывкарские и вычегодские *в ~ л* говоры, а также даёт основы современной графики и орфографии (Савваитов П.И. Грамматика зырянского языка, СПб., 1850).

Г.С. Лыткин считал самыми значимыми для коми языка сысольские говоры и опирался на них как на самые древние, близкие удмуртским. При описании коми языка в своей работе «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык» он использовал грамматики М. Кастрена, Ф. Видемана и П.И. Савваитова, используя при этом свою оригинальную грамматическую терминологию (напр., *ним*, *нимвежтас*, *нимбёрсöд* (кывбör), *йитöс*, *вежлöг* и т.д.). Многие термины используются до сих пор в современных грамматиках и научных работах по коми языку (Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1863).

В своих лингвистических изысканиях И.Куратов стремится выявить и осмыслить не только грамматическую структуру коми языка, но и его типологическое своеобразие в отличие от флексивных индоевропейских языков, а также и других финно-угорских языков, родство коми языка с которыми было уже к тому времени установлено. В его грамматических исследованиях находят отражение такие особенности агглютинативных языков, как относительная самостоятельность служебных морфем, их семантическая «самостоятельность», особое «сопоставление», т.е. порядок слов и др. «Зырянское предложение длинно потому, что в него входят все признаки предмета и действия, о которых говорящий хочет сказать...» (с. 42). «Язык такой логической постройки, каков зырянский и вообще финские, достоин уж внимания потому, что изучение его развивает способность мышления. В этом отношении, конечно, он замечательнее многих европейских языков» (с. 72).

Одним из первых Куратов обратился к вопросам генетического родства коми

языка с языками финно-угорской группы, выделив пермский: зырянский и вотякский языки в особую «биармскую» (permскую) ветвь. Вместе с тем, как отмечает Г.И. Тираспольский, «отношение И.А. Куратова к сравнительно-историческим исследованиям можно охарактеризовать как весьма сдержанное». Генетическим исследованиям Куратов предпочитал описательные «вследствие его убеждённости в том, что первоочередной задачей языкознания является распространение среди широких народных масс глубокого знания родного языка, служащего ключом к пока недоступным ему духовным ценностям» (Тираспольский 1980: 54).

Грамматика И.А. Куратова (Куратов И.А. Зырянский язык // Вологодские губернские ведомости. Вологда, 1865-1866) опирается на среднесысольский л-овский говор и содержит интересные наблюдения поэта над языком, предлагается версия диалектного членения коми языка.

Грамматические исследования П.И. Саввайтова, Г.С. Лыткина и И.А. Куратова имели не только научно-теоретическую, но и практическую значимость, поскольку могли быть использованы в качестве учебных пособий.

Многие научные и учебные грамматики XIX в. вряд ли имели широкое применение или даже вообще были известны, поскольку в школах Коми края коми язык не изучался. Преподавание коми языка было только в некоторых духовных учебных заведениях: в 1843 г. был открыт коми класс в Вологодской духовной семинарии (12 лет коми язык преподавал А.И. Попов по составленной им грамматике). Тогда же преподавание коми языка было введено в Яренском духовном училище (преподавал А.Е. Попов). В 1860 г. начали преподавать в Архангельской духовной семинарии (преподавал русский священник Павел Михайлов) и Тотемской учительской семинарии. В качестве учебной литературы предлагали использовать свои работы преподаватель С.-Петербургской духовной семинарии П.И. Саввайтов (Грамматика зырянского языка. СПб., 1850, Зырянско-русский и русско-зырянский словарь, СПб., 1850) и преподаватель С.-Петербургской VI гимназии Г.С. Лыткин (Букварь зырянско-русско-церковнославянский, 1890; Первая книга для чтения. Народные произведения с переводом на русский язык, 1901) и др. Рассчитанные на практическое использование в деле обучения коми языку эти грамматики, кроме описания фонетических и грамматических особенностей коми языка, содержали разного рода тексты (отрывки церковных переводов, фольклорные произведения и т.д.), краткие словари и разговорники.

Однако объективно первые грамматики были направлены на выработку научных основ коми языка в целом, выявление его диалектного варьирования и формирования на этой основе общих представлений о стандартном национальном языке. В процессе продолжается сбор и накопление языкового материала разных диалектов, объективно ведущий к поиску диалектной базы общенационального литературного языка, необходимость в котором уже явно витала в воздухе.

Огромное значение для выявления диалектных различий и их унификации в рамках общенационального языка имела работа по лексикографированию словарного состава коми языка, которая в XIX в. получила огромный размах. Параллельно с составлением грамматик и изданием светской и духовной литературы для чтения велась непрерывная работа по созданию словарей. Среди них наиболее известные:

- Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F.A.Wolegows [Список коми-пермяцких слов 1833 года, изданный К.Редеи на основе записей Ф.А.Волегова (ок. 4 000 слов)]/ Rédei K.– Budapest, 1968.– 139 с.; Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских/ Волегов Ф.А. 1835 [Опубликован в 1977 г.].
- Зырянско-русский и русско-зырянский словарь/Савваитов П. – СПб., 1850.– 502 с.
- Зырянско-русский словарь по ижемскому наречию. Практическое руководство к изучению ижемско-зырянского языка/Михайловский (Михайлов) П.– Архангельск, 1873.
- Зырянско-русский словарь. Русско-вотско-зырянский словарь. Зырянско-вотско-русский словарь // Лыткин Г.С.: Зырянский край при епископах пермских и зырянских язык.– СПб., 1889.
- Краткий Пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный Антонием Поповым в 1875 году. [Рукописный словарь. Около 2500 слов].
- Словарь коми-пермяцкого языка, описание предметов древнего быта и ремёсел, записи по этнографии коми-пермяков/Теплоухов А.Ф. – Государственный архив Пермской области. Ф. 613. Оп. 1, 2, 3.
- Словарь русско-пермяцкий. – Усолье, 1848. [Рукопись. Содержит ок. 4000 слов].
- Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhange und einem deutschen Register: [Коми-немецкий словарь с приложением удмуртско-немецкого словаря и немецкого указателя слов]. Wiedemann F.– С.-Петербург, 1880.– 692.
- Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre: (Aufgezeichnet von Yrjo Wichmann. Bearbeitet und herausgegeben von T.E.Uotila). [Словарный состав зырянского языка с основами морфологии]. Wichmann Y. – Uotila T.– Helsinki, 1942.– 486 l.
- Vocabulaire de la Langue Wotjake et Permienne. [Рукопись 1808–1811 гг. Содержит 150 коми-пермяцких слов].

По существу, все грамматические описания того времени также содержали краткие словари и разговорники. Некоторые словари XIX в. остались в рукописи. Среди них наиболее крупный «Русско-зырянский словарь» Н.П. Попова (1843 и 1864), на основе которого были изданы словари Ф.И. Видемана и Г.С. Лыткина, а также словарь А.М. Шёгрена, ряд рукописных коми-пермяцких словарей и др. Однако большинство увидело свет в типографском исполнении. По этому поводу А.Г. Красильников справедливо пишет: «...история развития письменной культуры восточных финнов, в отличие от многих других старописьменных народов, свидетельствует об отсутствии исторически длительного рукописного этапа. Здесь письменность и книгоиздание, хирографический и типографский этапы письменности начинаются практически одновременно, что придаёт выраженную специфику культурно-этнической истории. Учитывая данное обстоятельство, не следует, вероятно, отказываться от бытовавшего в советской гуманитарной науке

тезиса «ускоренного культурного развития» российских малых этносов, однако применение этого тезиса, на наш взгляд, не следует ограничивать (и тем более начинать) только этапом социалистического развития. Фактически он начинается значительно раньше, с отмены в России крепостничества и начала бурного развития капиталистических, рыночных отношений. Рынок разомкнул традиционную интровертность восточно-финского общества, включив его в товарно-денежные отношения, что значительно ускорило наметившееся развитие письменной культуры. К рубежу XIX–XX вв. такое ускорение становится очевидным при простом просмотре библиографических списков книг, изданных на восточно-финских языках в течение XIX века» (Красильников 1998: 28).

Колоссальная работа, проделанная в XIX – нач. XX вв., послужила благодатной почвой для расцвета национальной культуры и литературных традиций в последующие десятилетия. Огромная историческая значимость этого периода в том, что он подготовил почву для формирования достаточно многочисленного слоя национальной интеллигенции, книжных людей, которые получив образование в духовных семинариях непосредственно приступили к изучению, обработке и распространению национальных духовных ценностей, формированию национальной культуры и созданию подлинно художественных произведений. Просветительская деятельность национальной интеллигенции имела своим прямым результатом тот факт, что уже к началу XX в. идеи просвещения овладели достаточно широкими массами простых людей, сформировали имидж «человека образованного», привили элементарные навыки письма и чтения среди крестьян. «...всё больше появлялось людей, которые препятствовали окончательному отмиранию коми языка, коми культуры. Для развития и пропаганды языка они использовали все возможности» (Туркин 1993: 148). Возможности для этого расширились благодаря открывшейся в Усть-Сысольске в 1906 г. типографии З.Д. Следникова, в которой были напечатаны многие фольклорные сборники и произведения коми поэтов.

Особо следует упомянуть небольшой «Русско-зырянский словарь» А.А. Цембера (1910), который стал первым словарём, изданным в Усть-Сысольске. Он был разослан во все школьные библиотеки, поскольку содержал краткую грамматику коми языка и был доступным учебным пособием для обучающихся коми языку. Цембер также опубликовал два фольклорных сборника «Коми майдан кывъяс» (1912) и «Коми майдан да сылан кывъяс» (1914), в которые кроме сказок, песен, частушек и плачей включил произведения коми поэтов П. Клочкова, М. Лебедева, Д. Попова, А. Чеусова. Изздание этих книг явилось крупным событием в жизни коми народа (КЯЭ: 544).

К концу XIX в. формируется устойчивый историко-этнографический интерес к родному языку, его культуре и истории. Многие образованные люди активно записывают фольклорные тексты, собирают этнографические материалы, в обществе укрепляется интерес к этнической истории и культуре коми народа. На этом фоне расцветает творчество классиков коми литературы И. Куратова, К. Жакова, а затем и В. Савина, В. Чисталёва, В. Лыткина и др., которые уже выступают как представители профессионального национального искусства.

«Таким образом, к началу XX в. усилиями представителей нескольких поколений Homo sckriptus (людей письма), среди которых были деятели церкви,

народного просвещения, управлеченческих служб, был создан тот задел, который впоследствии, в первые десятилетия XX в., приведёт к качественной трансформации всей этнической культуры восточно-финских народов» (Красильников 1998: 29). Это в полной мере относится и к становлению письменности, литературы и в целом этнической культуры коми народа.

Литература:

Бараксанов Г.Г., Мартынов В.И. Развитие коми филологической науки. Серия препринтов «Научные доклады» Коми филиала АН СССР. Вып. 20. Сыктывкар, 1975.

Машанов М. Обзор деятельности братства св. Гурия за 25 лет его существования. 1867–1892, Казань.

Туркин А.И. Социальные условия развития коми языка в XIX – начале XX века // *Linguistica Uralica*. Tallinn, 1993, № 2. С. 142-148.

Бараксанов Г.Г. Коми литературный язык, история его формирования и диалектная основа: дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук.– Сыктывкар, 1964.– 241 с. (АН СССР. Ин-т языкоznания. Коми филиал). НА КомиНЦ УрО РАН.

Журнал Миннарпрос – Журнал Министерства народного просвещения, 1867, № 4-6, ч. 134.

Тираспольский Г.И. И.А. Куратов – языковед. Сыктывкар, 1980.

Красильников А.Г. Фольклор, письмо, литература. К вопросу о роли письменности в трансформации этнической культуры. Ижевск: УдГУ, 1998. 70 с.

Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов (перевод с венг. яз.). Йошкар-Ола, 1993. 287 с.

СЛОВО О СЛОВАРЕ

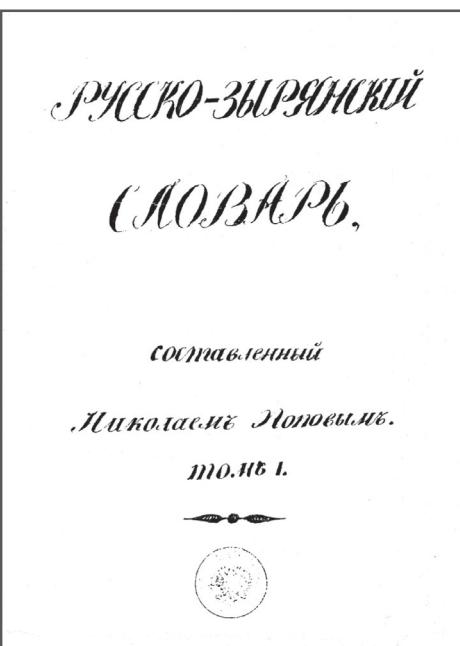
Адольф Туркин

Туркин Адольф Иванович (Кёстты Вась Миш Ёдёль) (01.01.1936 – 18.06.1996) – коми учёный, писатель. Родился в д. Ероздино Усть-Вымского района Кomi автономной области. Окончил филологический факультет Ленинградского университета, учился в аспирантуре при Институте языкоизнания АН СССР. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию «Топонимия нижней Вычегды». В 1966–1973 гг. работал научным сотрудником Института языка, литературы и истории Кomi филиала АН СССР, с 1973 г. –

старший научный сотрудник в секторе финно-угорских языков Института эстонского языка АН Эстонии (Таллинн). Туркин А.И. исследовал творчество Жакова К.Ф., составил сборник его произведений «Под шум северного ветра» (1989). Его статьи печатались в России, Германии, Финляндии и Эстонии. Он известен и как переводчик финских и эстонских авторов на коми язык, в т.ч. карело-финского эпоса «Калевала». Действительный член общества родного языка (1977, Таллинн), зарубежный член Финно-угорского общества (1983, Хельсинки), зарубежный член общества «Калевала» (1985, Хельсинки), член-корреспондент Финского литературного общества (1990, Хельсинки), действительный член Урало-Алтайского общества (1990, Гамбург). В 1987 награждён юбилейной медалью общества «Калевала» (Хельсинки), Лауреат Государственной премии Республики Кomi за исследования коми языка (1997).

Основные сочинения: «Кёні тэ олан?», 1977; «Краткий коми топонимический словарь», 1981; «Топонимический словарь Кomi АССР», 1986.

Публикуемая нами статья А.Туркина «Русско-зырянский словарь Н.П. Попова» посвящена первым составителям русско-коми словаря.

Титульный лист рукописного словаря
Н.П. Попова.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллин)

О ВТОРОМ ВАРИАНТЕ РУССКО-ЗЫРЯНСКОГО СЛОВАРЯ Н. П. ПОПОВА

Настоящая статья примыкает к работе автора о первом варианте словаря.¹ Здесь анализируется второй расширенный его вариант.²

История создания. Среди бумаг канцелярии конференции Академии наук имеется дело о русско-зырянском словаре штабс-капитана Попова.³ По переписке составителя Н. П. Попова и непременного секретаря К. С. Веселовского можно проследить историю создания этого словаря.

После завершения работы над первым вариантом словаря из печати вышел словарь церковно-славянского и русского языка.⁴ Академия выслала его Н. П. Попову для руководства при дальнейшей работе над русско-зырянским словарем. Автор «немедленно приступил не к одному уже только исправлению некоторых недостатков словаря, а к совершенной его переделке, относительно как формы, так и вернейшего перевода русских слов и выражений на зырянский язык».

Как видно, теперь уже за основу был взят словарь церковно-славянского и русского языка. Нам не известно, работал ли Н. П. Попов один или продолжал руководить небольшой группой лексикологов. В предисловии он пишет: «Все нужные к составлению словаря материалы собраны были мною в местах зырянского населения, и живая речь народа была главным источником приобретаемых мною для этого сведений».

Словарь написан рукой Н. П. Попова. Неточности в написании коми слов (в первом варианте их было достаточно) не замечены. Нужно считать, что основную работу по составлению словаря все же Н. П. Попов выполнил сам.

23 октября 1862 г.⁵ два тома словаря в шести книжках (буквы А—О) были отправлены в академию для ознакомления и опубликования. В деле имеется записка К. С. Веселовского Н. П. Попову о том, что на заседании историко-филологического отделения 20 февраля 1863 г. словарь предварительно просмотрел академик Ф. И. Видеман, отзыв которого от 19 апреля 1863 г. на немецком языке на четырех листах большого формата сохранился. Как видно из отзыва, Ф. И. Видеман внимательно проанализировал словарь, указал на его положительные и отрицательные стороны. Хотя он и не рекомендовал словарь для издания, все же обратил внимание академии на то, «что труд г. Попова, хотя и не в желаемом для лингвистики порядке, все-таки содержит в себе такой клад зырянских слов, с богатством которого до сих пор далеко не может сравниться никакой другой сборник».

В 1863 г. был объявлен конкурс на XXXIII соискание Демидовских наград. Завершив работу над следующими третьим и четвертым томами (О—V), 15 октября 1863 г. Н. П. Попов представил весь словарь на этот конкурс. Комиссия получила словарь 27 октября 1863 г., зарегистрировала под № 25 и поручила разбор академику Ф. И. Видеману.⁶ Всего на конкурс было представлено 40 сочинений.

¹ См. А. Туркин, Русско-зырянский словарь Н. П. Попова. — СФУ XII 1976, стр. 293—299.

² Архив востоковедов при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Р. II, оп. 5, № 9—21.

³ Архив ЛО АН СССР, ф. 2, оп. 1—1862, № 19.

⁴ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук, т. 1—4, Санктпетербург 1847.

⁵ Даты приводятся по старому стилю.

⁶ Архив ЛО АН СССР, ф. 2, оп. 1—1863, № 1.

* Опубл. в журнале «Советское финно-угроведение». 1977. № 8. С. 293—296.

Так как Н. П. Попов почти не изменил словарь и он целиком совпадал с представленным в 1862 г. в академию вариантом, Ф. И. Видеман в новом отзыве от 23 марта 1864 г. не изменил свое мнение об этом труде. Однако поскольку сочинение было представлено с иной целью, являлось «плодом почти тридцатилетних занятий» автора и содержало в себе «еще неизвестный никому лингвистический клад», Ф. И. Видеман ходатайствовал о присуждении Н. П. Попову одной из Демидовских наград.

17 апреля 1864 г. состоялся XXXIII Демидовский конкурс, на котором было присуждено 10 премий. «Русско-зырянский словарь (рукопись)» Н. П. Попова награду не получил, так как по положению премия за рукописное сочинение не выдавалась. Напечатание же данного словаря, как известно, не предполагалось.

Как бы предчувствуя отрицательное решение комиссии, Н. П. Попов еще 7 апреля 1864 г. обратился с письмом к К. С. Веселовскому с просьбой приобрести словарь для академии за соответствующее денежное вознаграждение. В письме от 25 мая 1864 г. К. С. Веселовский уведомил Н. П. Попова о том, что академия готова приобрести рукопись словаря за 1400 рублей серебром, что почти в 2 раза превышало Демидовскую премию. В ответном письме от 16 июня 1864 г. Н. П. Попов выразил согласие передать академии рукопись словаря за предложенную сумму.

Таким образом, многолетний труд Н. П. Попова был приобретен для библиотеки Академии наук. Позднее словарь, вероятно, через К. Г. Залемана попал в Архив востоковедов при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, где и хранится в настоящее время.

Общая характеристика словаря. Рукопись словаря в темном толстом картонном переплете (формат 22×36 см) состоит из четырех томов. В свою очередь первый, второй, четвертый тома состоят из трех частей, а третий том — из четырех. Слова написаны четким каллиграфическим почерком Н. П. Попова и расположены по алфавиту в две колонки. Распределение слов по буквам и по томам точно соответствует словарю церковно-славянского и русского языка.

Автор нумерует листы словаря по томам. Новая архивная нумерация в каждой части отдельная. Общее количество листов равно 2426. По примерным подсчетам словарь содержит около 70 000 слов. В словаре-образце же — 114 749 слов.

По совету А. М. Шёгрена в словарь вложены междустраничные чистые листы для записи «вновь приобретаемых слов и выражений», а также «для исправления не вполне верно последовавших переводов». Исправления на страницах словаря карандашом и красными чернилами сделаны его автором.

На обложке словаря написано «Русско-зырянский словарь, том 1^й, книга 1ая». На титульном листе (стр. 1) следует текст: «Русско-зырянский словарь штабс-капитана Николая Павловича Попова, рукопись, состоящая из тринадцати переплетенных частей, была представлена на XXXIII соискание Демидовских наград. На основании определений Историко-Филологического Отделения 29 апреля 1864 года § 66 и 12 августа того же года § 128, эта рукопись приобретена от автора с тем, чтобы она хранилась в I Отделении Библиотеки Императорской Академии Наук. Непременный Секретарь К. Веселовский». На стр. 2 находится заглавие «Русско-зырянский словарь», а в верхнем углу листа отметка «XXXIII Демидовск. Конкурс № 25». Всю стр. 3 занимает надпись «Русско-зырянский словарь, составленный Николаем Поповым. Том I». На стр. 4 помещено небольшое предисловие. В качестве эпиграфа приведены слова Карамзина из словаря Рейфа: «Язык и Словестность суть не только способы, но и главные способы народного просвещения». В предисловии автор, в частности, указывает, что словарь составлялся более 25 лет.

Алфавит и графика. Кomi слова написаны русскими буквами. На стр. 5—8 дается «Алфавит и правила произношения зырянского языка». Алфавит составлен на основе русской азбуки и содержит 27 букв, а именно: *a, b, v, g, d, e, z, zh, dz⁷, i, j, k, l, m, n, o, ö, p, r, s, ü, t, y, ç, ы*. Выделяется восемь гласных, 18 согласных и одна полугласная (*j*). Мягкость согласных на письме обозначается знаком ‘. Особый интерес вызывают правила произношения гласных и согласных звуков. Приведем

⁷ По техническим причинам в виде *dž* мы передаем аффрикату *dž*; в словаре эти буквы составляют одно целое.

некоторые из них так, как их понимает автор: а) «е произносится открыто, как русское э или даже как твердое е»: *ме 'я', вежа 'святой'*; б) «э имеет более открытое произношение нежели е и приближается к гортанному звуку ... ё»: *эзыс 'серебро'*; в) ё — «гортанный звук и очень близко подходит к немецкому, изображаемому такой же точно буквой: Körger» и составляет «чечто среднее между о и ы»: *бёрдö 'назад', öтik 'один'*; г) «ձ имеет близкое сходство со звуком ձ, но выговаривается более слитно и сквозь зубы»: *ձզескыд 'тесный'*; д) «ժж отличается от ժ тем, что всегда выговаривается слитно и твердо, имея звук средний между ժж и չչ»: *ժժуджыդ 'высокий, глубокий'*.

Все остальные звуки произносятся так же, как и в русском языке.

Полутласная *ј* используется для обозначения особых йотированных звуков *ја* (*я*), *јо* (*ё*), *ји* (*ю*), *је* (*е*), которые в качестве самостоятельных букв не выделяются.

Здесь же говорится об ударении. Автор пишет, что в коми словах «ударение всегда на начальном ... слоге». В сложных словах, составляющих одно понятие, ударение сохраняется на первом слоге каждого слова.

Лексика. Собственно словарная часть начинается со стр. 11. В русской части словаря Н. П. Попова не отличается от словаря церковно-славянского и русского языка, но не является полной копией — пропущены некоторые слова, иллюстрации. Принципы подачи материала сохранены: к русским словам и выражениям приведены коми соответствия. В качестве иллюстраций даны примеры из библии в переводе автора, коми пословицы и поговорки, фразеологизмы и образные выражения. Приведем некоторые примеры: *белоручка — жəл вəрзедтõм морт, всезнайка — беслыс кулан лун тöddyс, ласковая теля две матки сосет — мелы кукан кык мам нöнялö; небыд кыв чегõм лытõ ютас, а чорыд кыв быдса лытõ чегас, лезть в глаза — канõн синмас четчина, он ни бельмеса не смыслит — сыja весіг тынгуссõз гёбэрво; сыja куллыс сурсõз тõдд, старого воробья на мякине не обманешь — сыja тöла-гожома морт; сыjоc мышиег вылõ он ыллõд; пöрыс пон оз уwt тыртõм pu вылõ, у него нет только разве птичьего молока — сылон сöмын кык кача синбугэл, да порс сур, да чарла нуртгэс абу.*

Словарь содержит немало своеобразных лексем, отсутствующих в современном коми литературном языке и диалектах, например: *вабырд 'промоина', важпöч 'прабабка', веснін, веснінпу 'липа', вёрдк 'рига', горш карчкан, горш чöдлач, сарган, сыслуга 'кадык', гудрас, кётас, кизертас 'раствор', дöшла 'мяч', джынды 'полуостров', једжыдкаj, кёнсыкаj 'снегирь', јен-ыб 'небо', космоус тölyс 'апрель', кöкбöж-каj 'сова', кёла 'старница', ловсер 'натаура', леб, реж. 'зонт', нансуктан тöлыс 'август', нырадз 'ноздря', ёшан 'безмен', парч 'кнут', патэс 'площница', пучорас 'древесина', ром 'блаженный', сераку 'плакат', шукоб 'непогода'.*

Особый интерес представляет лингвистическая терминология, которая в настоящее время не употребляется: *имя существительное — нýмкыв, имя прилагательное — бердса нýм, имя числительное — лыдпеткóдан нýм, падеж — кывпом, положительная степень — сернокутан кывчупöд, превосходная степень — медвылыс кывчупöд, сравнительная степень — унджык ног петкóдлан кывчупöд, склонение — кывпом вежас, слог — кывсер.*

Известно, что памятники коми письменности обычно отражают особенности современных им диалектов. С этой точки зрения диалектный состав лексики исследуемого словаря представляет большой интерес. В нем представлены следующие диалекты (по описанию автора): верхневычегодский (вв., ввич.) — в верховьях реки Вычегды, верхнесысольский (вс., всыс.) — в верховьях реки Сысолы, вымский (вым.) — по реке Выми, вычегодский (выч.) — вообще по реке Вычегде,ижемский (иж., ижем.) — по реке Ижме, лузский (луз.) — по реке Лузе, нижневычегодский (нв., нвыч.) —

в низовьях реки Вычегды, пермский (perm.) — в пределах Пермской губернии⁸, печорский (печ.) — вообще по реке Печоре, удорский (уд., удор.) — в т. н. Удоре.

Приведем некоторые слова, не получившие отражения в ССКЗД и в монографических описаниях диалектов: вв. *шёгла* 'мачта', *сёрнас* 'рубаха'; вс. *выјös* 'межа', *кенүк* 'пенка', *пусчун* 'ез'; вым. *ыјка* 'улица'; иж. *нырборд* 'ноздря', *öбöс* 'дверь'; луз. *адз* 'пожня', *бёжа* 'горностай', *вешжалан* 'портки', *джекан* 'стул', *коліпјабöр* 'скворец', лэн 'нельма', *межачупöд*, *чупöд* 'межа', *мёдлун* 'понедельник', *ордöс*, *кёром* 'рубаха', *рытва* 'игрище', шы 'хлев', *чутпел* 'kadka'; нв. он 'сон', *тега* 'зарод', *ыјка* 'улица'; perm. *jördöс* 'рубаха'; печ. *джекан* 'стул'; сыс. *выjt* 'межа', *ягрып* 'скворец', кома 'бабка', *куша* 'лягуша', *угум* 'кадык'; уд. *ајка* 'тесь', *горзан* 'младенец', *дзулöг* 'пороз', *певтан* 'палтус', *пыртсіm* 'ус', *шöрлун* 'среда', *ыджыд мам* 'баба', *чужмор* 'горностай', *чув*, *чул* 'выдра'.

Недостатки. В предисловии сказано, что палатализованный з выступает только перед а; ё, ё, ё, ё встречаются перед а, о, ö, у; н, т — перед а, о, ö, у, ы. В словаре же вышеуказанные согласные встречаются и перед е, например: *шызэм*, *мырсем*, *шојтчэм*, *шыледа*, *вöзнесëнне*, *платте*.

Одной буквой ч обозначаются две разные фонемы ч (*tʂ*) и тш (*tʂ̥*), например: *черi* (*tʂeri*) 'рыба' и *чын* (*tʂin*) 'дым'.

В написании сложных слов нет единой системы, например: *тош-ув* и *чёкаув*, *матёвоом* и *пёгёбö воём*. Слитно написаны слова, состоящие между собой в синтаксической связи: *јенлышогман* 'угождающий богу', *бурёёлём* 'добroe сердце', *веёкыдкivыv* 'на правую руку'.

В целом построение словаря неудачно. Механическое добавление коми соответствий к русским словам и выражениям привело к многочисленным повторам, так как в словаре-образце наряду с русскими и просторечными словами были и церковнославянские, например: *алектор* и *петух* 'ајкурöг', *вепрь* и *кабан* 'вёрпорс'. В коми языке отсутствуют глаголы с приставками. В словаре-образце глаголы, например, с приставками *вы-*, *за-*, *до-*, *из-*, *на-*, *по-* занимают десятки страниц, и коми соответствия к ним многократно повторяются.

Автор включил в словарь многие названия рыб, птиц и растений, которые не встречаются на коми территории. Естественно, он не смог найти к ним коми эквиваленты и перевел просто: *чери сікас* 'вид рыбы', *пу сікас* 'вид дерева', *турын сікас* 'вид травы', *чак сікас* 'вид гриба', *каj сікас* 'вид птицы'.

В словаре имеются неверные объяснения слов, например: *ехидна* — *кувтöдыс* змеj *сікас*, *маис* — *шобды сікас*. На эти некоторые недостатки в свое время указывал академик Ф. И. Видеман, но автором они не были исправлены. Все это привело к тому, что объем второго варианта вырос почти в полтора раза, а лексика не увеличилась. Естественно, в таком виде академия не могла издать словарь.

Из громадного русско-зырянского словаря Н. П. Попова мы выбрали лишь некоторые слова и выражения, представляющие наибольший интерес. В дальнейшем необходимо тщательно исследовать весь текст рукописи. Несомненно, данный памятник коми письменности содержит ценный лексический материал и представляет большой научный интерес.

⁸ Вероятно, автор имел в виду современный коми-пермяцкий язык.

Письма составителей первого русско-коми словаря академику А.Шёгрену*

В архиве А.М. Шёгрена в Национальной библиотеке в Хельсинки находятся письма к нему от составителей Русско-зырянского словаря с 1829–1854 гг. Это – И.Мальцев (3 письма 1829–1830), Алексей Суханов (7 писем 1828–1834), 1 письмо от вдовы Мальцева (1833), и 22 письма от Николая Попова (1833–1854).

Подготовила к публикации письма Marja Leinonen (Хельсинки, Финляндия).

Начало в № 3 2009 года

11-е письмо Попова Шёгрену

4-го Ноября 1846-го года
Г. Устьсыольск

Милостивый государь,
Андрей Михайлович!

Получив почтеннейшее письмо Ваше от 12-го минувшаго Октября, я непременным долгом себе поставляю засвидетельствовать Вам мое истиннейшее высокочитание, поздравляя Вас с благополучным возвращением из ученаго путешествия Вашего, и впервых, как и всегда, спешу изъявить Вам живейшую мою благодарность за оказываемое, при многочисленных занятиях Ваших, внимание и разсмотривание и Словаря моего.

Извещаю Вас теперь, что я изготовив три начальные буквы для Зырянско-Русского Словаря, остановился перепискою на-бело единственно в ожидании возвращения Вашего, дабы принять от Вас потребный совет, мне по всей справедливости должно согласиться, что фразеология в словах для примеров, находящаяся в Русско-Зырянском словаре моем, умножит излишне сочинение и действительно затруднила бы при теперешнем сочинении моем; но вот что я полагаю: писать примеры в словах в таком только случае, когда какое слово употребляется не в прямом по переводу онаго значении, или в особенных оборотах по свойству зырянского языка, помещая при том в число примеров, пословицы и другия выражения Зырянского языка, кои буквально не могли бы выразиться на Русском. Для обращика я написал здесь несколько слов для нового сочинения, и прошу вас покорнейше по разсмотрении уведомить меня о недостатках, либо о каких либо отступлениях от Лексикографии; а я между тем ныне делаю приготовительную выборку для других букв.

* Шёгрен Андрей Михайлович (1794–1855), финн по национальности, российский лингвист, член-корреспондент Петербургской Академии Наук. В 1827 году во время научной поездки по северу России в г. Усть-Сыольске встретился с лексикографами-любителями, работавшими над составлением русско-коми словаря. Шёгрен курировал эту работу вплоть до самой своей смерти.

Относительно переведенного мною на Зырянский язык Псалтыря с жизнеописанием Царя и Пророка Давида, я известить Вас имею, что оный находится ныне у вас в С.Петербурге, и имянно, в Департаменте Государственных Имуществ, куда был представлен председателем Вологодской Палаты этаго Министерства Борисом Иван. Нагель; вот уже тому близь двух лет и я не знаю, что из этаго последует; прошу совета вашего.

Теперь, Милостивый государь Андрей Михайлович, я решился беспокоить Вас еще, собственно и в разсуждении себя. Вот я уже нахожусь по увольнении от службы моей более 5 лет в отставке; но как таковая безслужебная жизнь не может льстить и быть приятною человеку моих свойств, недопускающих быть в бездействии и самое малое время; то обращаюсь к Вам и прошу не оставить меня своим наставительным уведомлением: не можно ли мне получить какое либо место, под ведением Академии Наук, находящееся в С.Петербурге; ибо любовь к занятиям по части Наук и образовательного Просвещения, давно влечет меня на это поприще; это я пишу только предположительно, и не смею более распространяться, чтобы Вас не утруждать посторонними обстоятельствами.

Вот и обращик новаго Словаря моего:

Зырянско-Русский Словарь А. Аб, Б, Ба, Ваб, Вав...

Здесь как усмотреть изволите, в существительных именах на щет родов их, я принял имена мужскаго, женскаго, женскаго, а все прочие женскаго родов; означение же частей речи пишу в сокращениях Русское; да и вообще по всем отношениям буду ожидать вашего совета и наставления.

Всегда с истиннейшим и глубочайшим моим к Вам высокопочитанием и таковою же преданностию оставаясь, при пожелании Вам искреннейше всех от Бога благ, остаюсь

Милостивый государь,
Вашим
Покорнейшим слугой
Николай Попов

12-е письмо

7-го Июля 1847-го года

Г. Устьсыольск

Милостивый государь
Андрей Михайлович,

От 4-го Ноября истекшаго года, на почтеннейшее письмо Ваше от 12-го Октября того же, я, что нашел нужным к сведению Вашему о себе и о занятиях моих, имел честь Вас уведомить; но как наслышен был я, что Вы, кажется находились в отъезде из Санктпетербурга по сделанным Вам препоручениям, касательно разных ученых исследований, то и остановился утруждать Вас вторично. Не имею щастия получить от Вас на упомянутое письмо мое уведомления до сего времяни, я не мог не решиться счесть нужным, опять, как и всегда считать непреложным себе правилом, писать к Вам теперь, и невольно, так сказать, утруждать Вас по-

корнейше моею прозъбою, не оставить меня, всегда дорого ценимым мною Вашим извещением, по изложенному в упомянутом письме моем от 4 Ноября. Я всегда и вполне восторжен бываю духом, получив когда либо всезанимателное для меня писание Ваше.

В течении истекшаго уже полугодия без переписки нашей, я, имея ввиду главным то, чтобы иметь сведение о Русско-Зырянском Словаре моем, прошу Вас покорнейше, в разсуждении этаго предмета не оставить меня известить, и это будет для меня чувствительнейшее одолжение Ваше. К сему, считаю не ненужным уведомить Вас, что я с 17-го Марта сего года состою уже в Государственной Службе, а именно: Дворянским Заседателем в здешнем Уездном Суде, с сохранением прежнаго своего Военного чина Штабс-Капитана.

За сим, не затрудняю Вас дальнейшо многоречивостию, я непременным долгом поставляю себе, при засвидетельствовании Вам моего истиннейшаго душевнаго высокопочитания и глубочайшей преданности, пожелать Вам от Бога всех низпосылаемых благ, с каковыми искреннейшим желанием моим и остаюсь на-всегда

Милостивый государь,
Вашим
Покорнейшим слугой
Николай Попов

13-е письмо

9. Февраля 1848 года
Г. Устьсыольск

Милостивый государь
Андрей Михайлович,

Непременным для себя долгом поставляя свидетельствовать Вам мое истиннейшее высокопочтание, поспешаю сим Вам уведомить, что всеприятнейшее писание Ваше ко мне от 25-го Декабря минувшаго года, я имел большое удовольствие получить 9-го истекшаго Генваря, и, как по содержанию онаго, равно и всегда остаюсь к Вам преисполненным наичувствительнейшою моею благодарностью за приемлемое Вами столь лестное для меня участие Ваше в сочинении моем Русско-Зырянского Словаря. Во первых, имею честь уведомить Вас, что 6-го числа сего Февраля я получил с почты пакет из ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Наук за №р. 135 с бумагами и именно: мнение Ваше о Словаре моем в засвидетельствованном переподе и подлинныя Ваши замечания; но Словарей, как тех, кои Вы ходатайствовали у Академии о присылке мне для руководства, так и моего Русско-Зырянского первой половины я еще не получил и вероятно оныя получатся со следующею почтою.

Как только я буду иметь столь превосходные Словари, Вами рекомендуемые к руководству для исправления своего, то не медля и примусь за свое дело; ныне же, покуда, просмотрев и вникнув в полейнейшия для меня замечания Ваши, и из-

влекши из них нужнейшее, во первых по предмету Зырянского Алфавита, – для составления постоянной и правильной Зырянской Азбуки, согласно вполне с Вашим заключением, я положил решительно: 1) Двоегласные, так мною ошибочно составленные и названные буквы, не считать отделенными буквами, так как они суть не буквы, а склады; 2) Гласную букву Ее не считать употребляющеюся только будто бы в середине слов, и не смешивать оную с Ээ, как имеющею более отверстий звук и которую в Азбуке и поместит в след за Ее; 3) По тому же порядку слов согласная Шш, должна тоже непосредственно следовать за таковою же Сс; 5) Образовать и поместить в число букв, в порядке после согласной Чч, слитные или сложные "Д" и "д"; 6) Знак ' в средине слов для означения присутствия как бы Русской безгласной Ъ, отставить и не употреблять в письме во все; 7) Букву или небукву Ja ja в средине слов не употреблять, но по правильнейшему и близкому с произношением сходству, писать вместо ее Јэ јэ, так на пр. нјэн', нанјэвны, чјэчд, сјэл'па; 8) Употреблявшуюся до сего времени полугласную Jj, вместо Русской Ъъ, в смягчении звуков, заменить косвенным знаком черточки, поставляемой над предыдущею ей согласною буквою и писать, на пр. пел', шел'кјэвны, сјэл'па и тому подоб. вместо пелј, шел'к'авны и сјалјпа; 9) Состававшуюся доселе полугласную Jj сгласною Ээ, не употреблять и писать правильнее: ләб, ләдзјэвны, ләбзины, а не, лјәб, лјәдзјавны и лјәбзины; 10) Букву русскую Щ употребляемую и слышную в произношении слов Зырянами-Ижемцами Архангельской губернии, поместить в Зырянскую Азбуку на своем месте, означив впрочем употребление оной только у них – и наконец, 11) Вот настоящая Зырянская Азбука, по сделанным вновь точнейшим исследованиям моим, и главнейше, по Вашим советам, относительно необходимости по произношению Зырянских слов своих:

Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Ээ, Жж, Зз, Дж дж, Дз дз, Іі, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Ёё, Пп, Рр, Сс, Шш, Тт, Уу, (Цц у ижемских зырян), Чч, "Д д", "Ч ч", Ыы и ј.

И того всех 30. букв. Так ли это будет?

Теперь нахожу для себя необходимым испросить у Вас совета и наставления по этому же предмету, дабы еще более усовершить правильнейшее письмо на Зырянском языке. Буквами названные мною прежде и явно ошибочно, (кроме разъясненных уже ja, је и јэ) – ју, јы, јі, јо и јö, можно ли допустить (кроме јі) в средине слов, и правильно ли будет писать: лјукјэвны, дјынö, (к, ко, как бы дыынö), јі (лёд, как бы йи), сјорнітны, сјёкыд, јёла, јёв (молоко, ибо по мнению моему на пр. это слово нельзя писать эв, јев или ев; разве не будет ли правильно јёв, и тогда соединение букв ј и ё изчесло бы совершенно); также относительно и јо, на пр. в слове сјорнітны (как бы сёрнітны) ? По этому предмету я прошу Вашего совета и мнения, дабы или и воспользоваться приступив к исправлению Словаря своего.

Что касается до перевода иностранных слов, то я намерен принять только одни употребительнейшие у Русских, выключая те, кои имеют равносильное название на Русском языке, или малоупотребительны, следуя во всем прочем сделанным указаниям в Ваших замечаниях; только недоумеваю в том: переписывать ли мне Словарь вновь /: что было бы нужно, как при изменении правописания Зырянского, так по случаю дополнения или исключения некоторых слов /: но это потребует конечно времени и труда более; если же исправление делать на особых лоскутах, то будет ли это удобно в последствии при печатанию Словаря, в

разсуждении изменения в зырянском правописании, а также и по причине дополнения или изключения из словаря некоторых слов? Я в большом нахожусь теперь ожидании тех словарей, кои по ходатайству Вашему Академия Наук согласилась выслать ко мне для руководства; эти Словари, имеющие пред всеми прочими преимущество и есть уже совершенно образцовые, весьма бы спопспешствовали к должностному совершенствованию моего сочинения, дабы на последующее время менее бы оказаться могло как неполноты Словаря, так и каких либо недостатков или погрешностей в оном.

Прилагая при сем обращик Зырянского письма по вышеизложенному и измененному, на основании Ваших полезных советов, правописанию, покорнейше прошу Вас просмотрев его, заметить, нет ли что нибудь, так сказать, не так, и тем подвинуть меня в дальнейшем развитии дела, утверждаемаго на основании прочном и неоспоримом кем бы то ни было, а особенно нашими местными Зырянофилами.

Прошу Вас, Милостивый государь Андрей Михайлович, извинить меня в нескором ответе моем на почтеннейшее писание Ваше! Этому причина только та, что я ожидал от Академии присылки Ваших на Словарь мой замечаний.

За сим, паки принося Вам чувствительнейшую мою благодарность за всё Ваше благое, в течении стольких лет уже мне оказываемое, и из глубины души моей желая Вам всех от Бога благ, а наипаче доброго здоровья, а к тому и всякаго щастия непрерывно.

С истиннейшим и всегдашним к Вам моим высокопочитанием и таковою же глубочайшею преданностию, честь имею оставаться и пребыть всегда

Милостивый государь,
Вашим
Покорнейшим слугой
Николай Попов

Приложение: 111. Псалом Давыдов
Прежнее – нынешнее исправленное

14. письмо

10. Мая 1848 года
Г. Устьсыольск

Милостивый государь
Андрей Михайлович.

Свидетельствуя Вам мое истиннейшее и достодолжное высокопочтание, спешу на почтеннейшее писание Ваше, которое получил 27. прошедшаго Марта, ответствовать, и во первых с большим извинением в неисправности моей, что ранее сего не исполнил, по причине нездоровья, несколько дней меня остановившаго в должностном со стороны моей действовании.

Получив 14. прошедшего февраля из Академии Наук при официальной бумаге Словари: Академический /4 том./ и П. Соколова /2. Том./, также и сочинение моего первую половину Русско-Зырянского Словаря, – я тотчас и первоначально устремился к сравнению и изучению сих образцовых сочинений, следствием чего и было то, что проверив словарь свой, нашел оный значительно во многом по переводу слов на Зырянский язык и недостаточным, и по местам не совсем верно изложенным, так, что многих употребительнейших слов русского языка, имеющих настоящая значения на Зырянском, оказалось не помещенными в оный; к тому ж, сообразив, что имеющийся у меня запас Зырянских слов в дополнение к словарю моему довольно значителен, и что правописание Зырянское по Вашим справедливо-точным замечаниям и указаниям, принятые мною вполне, весьма изменилось, то по всем сим обстоятельствам я решился / и уже начал / Словарь свой писать снова, держась уже формы упомянутых образцов, – представляя себе притом, что если исправлять мне Словарь свой на отдельных лоскутах, то по вышеизложенным мною оказавшимся в нем недостаткам и значительной его неполноты, едва ли менее потребовалось бы времяни и труда, да к тому ж было бы и неясно и сбывчиво. И так, с надеянием на помошь Божию, приступив к переписке Словаря, я уже окончил вчерне одну букву Г. которую, еще проверя и перебелив, предполагаю послать в Академию для предварительного вашего разсмотрения и утвердительного уже положения в разсуждении постановки словаря, что впрочем предаю на Ваше благоразмотрение и до получения от Вас уведомления не приведу в исполнение, а между тем буду заниматься обработкою других букв первой половины словаря моего.

Буква, по Зырянски не иначе должна быть переведена как **пас** /состр. знак/:, что подтверждают и наши ученые из Зырян, а гласная буква **шысетыс**, т.е. издающая голос; и вот у меня заглавие буквы Г.

Г.(глагол), четвертая и согласная в Русской азбуке буква, Г.глаго́й, ...

Главнейшее изменение формы словаря принято мною в том, по образцовым словарям 1) Чтобы варианты слов были изложены все * /сноска: кроме технических и т.п. не в общем употреблении на месте/ чего недоставало значительно в моем словаре, с разделом оных так: 1). 2). 3). и т.д. Я в этом случае нахожу несообразности в словарях Академическом и Соколова в некоторых местах и соображая, избираю по мнению моему вернейшее, не увлекаясь в подобных случаях тем или другим. 2) слова, к какому они роду относятся, означать: Церк. Стар. Простон., и пр. а в приводимых из Священного Писания примерах, ставить Библ. не означая из какой имянно части или места Библии какая фраза, /: не знаю, необходимо ли последнее?/. Впрочем же по советам Вашим, мне данным, всё к возможному совершенству словаря предпринято и посильно мною исполняется.

Времяни конечно потребуется на переделку Словаря, и потому более, что теперь мне менее к занятию свободного времени, чем прежде, а во вторых и то, что в этом деле на переписку помощника, бесполезно было бы искать, по случаю изобретенного и усовершенствованного ныне Зырянского правописания; но, благодаря Бога, что в делах полезных я не соскучиваюсь, надеюсь при помощи Его и это дело исправить по возможности.

В Академию Наук я не сделал донесения с изъявлением моей благодарности за присланнныя оною мне в дар образцовые словари, в том быв мнении, что испо-

нию это при представлении в оную /как выше упомянуто/: переделанной по новому образцу небольшаго объема буквы Г. которую предполагаю еще к концу Марта окончить; но принявши за дело, и к тому ж по случившемуся нездоровью, оказалось в протечении и довольно времяни, почему и приношу мое в этом случае искреннейшее извинение.

И так за сим, Милостивый государь Андрей Михайлович, всегда пребываю к Вам с наичувствительнейшею мою благодарностию, за толикия Ваши и постоянно оказываемыя мне одолжения полезнейшими вспомоществованиями, советами и научениями Вашими по занятию моему Зырянскою Лингвистикою, без чего я не был бы в состоянии достигнуть настоящей желаемой цели, – и желая Вам искреннейше всех от Бога благ и наипаче вожделенного здравия –

С истиннейшим и глубочайшим к Вам моим высокопочитанием и таковою же душевною преданностию, честь имею оставаться и пребыть всегда

Милостивый государь,
Вашим
Покорнейшим слугой
Николай Попов

15-е письмо

24-е Генваря 1849-го года

Г. Устьсыольск

Милостивый государь
Андрей Михайлович.

Я премного виноват перед Вами, молчав столь долгое время; но что же делать? По мнению моему, писать и доводить до сведения Вашего, так сказать, кое об чем, мне совестно и, вообще не ловко как-то. Вот Вам и опять новый ученый труд Северо-восточной Лингвистики, к которому, в полной уверенности нахожусь, вы устремитесь по природной склонности Вашей к делам этого рода.

По советам Вашим, я не решился к Словарю моему прибавлять особенных местов, потому что, получив по благорасположению ко мне Академии Наук Словари: оной 2-го Отделения и П. Соколова, я увидел, что до берега еще не доехал, а потому и принял намерение Словарь свой переписать вновь, хотя и довольно времяни потребуется на это, да как быть! С помощью Божиего, начав дело и обращаясь к Вам, я покорнейше прошу, представленный с сею же почтою обращик буквы Г. просмотреть и указать мне, какие еще недостатки в нем есть. На щет Зырянского правописания найдутся, может быть, погрешности с моей стороны, но это дело Грамматики; я же наиболее тщусь теперь собрать язык Зырянский и не допустить его до истления, что непреложно должно последовать. Пишу теперь прочие буквы первого тома и, вообще по Зырянской диалектике, я имею ныне помощником нашего Устьсыольского Троицкого Собора Отца Иерей Мисаила Георгиевского, который принял это на себя с известным всем его радушием ко всему полезному; а дабы переписка на-бело Словаря моего не потребовала новаго

лишняго труда, то в предупреждение этаго я и принял за нужное послать на благоразсмотрение Академии Наук экземпляр буквы Г. на тот конец что, если одобрен будет принятый мною план, то и продолжать по оному дело. Что касается до долговремяного молчания моего, этому главная причина та, что по наставлениям и указаниям Вашим в прошедшем лете я посильно изучал язык народа Зырянского, к тому ж, будучи сам ныне в Государственной Службе, никак не в состоянии, как до сего, уделять много времени на это полезное и любимое мною занятие. Вполне уверенный на Ваше безпрерывно ко мне простирающееся благорасположение, питаю себя приятнейшею надеждою, что старого Зырянофилы своим благосклонным вниманием не оставите. Присылаемый экземпляр буквы Г. по разсмотрении и с замечанием о недостатках, прошу Вас покорнейше прислать ко мне обратно, особенно потому, что при прочих буквах он необходим к соображениям.

С истиннейшим моим Вас высокопочитанием, честь имею оставаться и пребыть навсегда

Милостивый государь,
Вашим
покорнейшим слугой
Николай Попов

NB. В каком-то положении у Вас мои, 3 и 4 томы РЗ. Словаря?

16-е письмо

30 Мая 1849 года
Г. Устьсыольск

Милостивый государь,
Андрей Михайлович.

На последне-полученное мною от 14 Апреля почтеннейшее письмо Ваше, дoшедшее ко мне 2 сего Мая, поспешаю своим ответом и во первых изъявляя вам величайшую мою благодарность за благосклонное всегда и доныне внимание ваше к занятию моему по части Зырянской филологии, имею честь теперь сим письмом уведомить вас, что по получении письма вашего, я не медля приступил к разсмотрению замечаний ваших на посланный мною новый обращик Словаря моего, заключающий в себе букву Г. * /сноска: этот обращик – с замечаниями Вашими, как равно и последние два тома перво-опытного моего Руско-Зырянского Словаря, получил я официально из Академии Наук 9 сего Мая/ Эти замечания ваши принимая, как служащия к вящему совершенствованию Словаря, я должен по крайней возможности употребить в дело, и замеченныя вами некоторые отступления от порядка исправить.

Теперь, начавши с мнения Вашего о переводе слова **буква** на Зырянский язык **пас**, имею объяснить Вам, что я действительно утверждаюсь на этом переводе и по довольном разсуждении о сем предмете с почтенным нашим Иереем, Отцем Мисаи-

лом, прямым знатоком природного языка своего, о коем в прежнем письме я уже писал Вам, – положено нами удержать этот перевод, как правильнейший, нежели *шыпас или гёлёспас*; ибо, хотя *пас* собственно будет знак, но ведь объясняется, что это знак Азбуки: *азбуки или азбукі ын пас*; следовательно перевод будет достаточен по мнению нашему; и на Немецком языке буква = *Buchstab*, что кажется подтверждает заключение наше, и относительно этаго в прилагаемом при сем к Вам письме упомянутаго Отца Мисаила, изложено им и подробнейшее изъяснение сего предмета.

Нахожу при этом нужным предуведомить Вас о почтенном Отце Мисаиле, что до сего времени он не решался и считал не весьма пристойным писать к Вам в разсуждении, как этаго перевода буквы *пас*, равно и вообще о правильнейшей орфографии Зырянского языка, относительно употребления введенных букв и особенно *е, э, ј и ё* так, чтобы как эти, так и прочия буквы все могли выражать истинный выговор Зырянских слов, ныне же, как ревнитель всякаго полезного дела, он по убеждению моему излагает пред Вами мысли свои, дабы, как полагаю я, и для Вас было уверительнее на щет и правильности перевода с Русскаго на Зырянский язык и правописания на оном, по действительной потребности этаго с настоящим произношением Зырянами слов своих. Что касается до изменения мною вообще Зырянского правописания против посылаемаго мною обращика буквы Г. надобно мне искренно объясниться перед Вами, что мы с Вами едва ли не ошибались в мнениях своих о гласных буквах *е, э, и ё*, которыя в Зырянском языке играют, так сказать немалую роль. К сему присовокупляю еще, что я убежден и сам ныне к принятию в Зырянский Алфавит буквы Ц, с объяснением ея, что она по Зырянскому звуку ея, не есть настоящая Русская цы, а цю, нечто составленное из ц и ч Русских и есть согласная смягченная. Еще, по точном изследовании Зырянского произношения, принят и строчный знак , который тоже необходим для показания, где он помещен, что тут выпущена Русская буква – небуква Ъ, на пр. надобно писать уже не коды, а код і, не кёны, а кён і, потому что Зыряне произносят эти и подобныя слова как бы Русскими буквами кодъи, кёнъи. Этот же знак нужен и в кёс ыны, кёс ѡём, пер ѡём и пр. ибо без него привелось бы читать: кёсыны, кёсьём, перъём и тому под. Предлоги, или по свойству Зырянского языка послесловы, положено писать от имян отдельно.

Таким образом, тщательнейше изследовав с Отцем Мисаилом Зырянское произношение, находим мы, что для выражения звуков Зырянского языка нужно и должно быть 30 букв и 2 пояснительных знака, и вот следует весь алфавит Зырянский:

А, б, в, г, д, е, э, з, дз, ж, дж, і, ј¹, к, л, м, н,
А бе ве ге е э зе дзе же дже и ѡод ка эл эм эн

о, ё, п, р, с, т, у, ц'', ч, дч, ч ?, ы
о ё пе эр эс те у цю че дче че ? ы

и два знака: 1) надстрочный ', смягчающий согласные буквы, и 2) строчный ', означающий в средине речений пропущение Русской буквы ъ.

(¹) эта буква 1) в начале и средине речений смягчает гласные буквы, как на пр. јен, јаг, јі, јыв, кёс ѡём, пер ѡём, вук ѡём и пр. и 2) в средине после гласных букв

и на конце слов заменяет Русскую полугласную й, на пр. лујны, вајны, којны, лојны, мыј выј дој и пр.

(‘) буква ц по Зырянскому произношению имеет особенный звук и есть не прямое Русское ц, а как бы слитно произносимые буквы ц и ч, то есть ц^и, на пр. цјун’, как бы цчюнь по Русской орфографии.

И вот на основании этой совершенствуемой Зырянской азбуки, я представляю и примеры Зырянского письма: 1) Молитва, Царю небесный и 2) начало из 2 главы Евангелия от Матфея:

(образец 1 стр.)

Теперь остается мне вседушевно желать, чтобы как состав и порядок Зыр. Азбуки, равно и правописание Зырянское оказались согласными с Вашим мнением, чем самым и положено б было прочное делу основание и устраниены бы были разнохарактерные толки по сему предмету своенравных и спутывающихся в своих суждениях Зырянофилов.

Кроме буквы Г./: кою по окончательном утверждении Зыр. Азбуки и правописания нужно будет переписать/, у меня по новому образцу вчерне изготовлены уже обработкою буквы а, б, в и д; следовательно близъ четвертой части всего словаря; но переписывать оныя на бело без положительно принятой азбуки и правописания решиться нельзя; по чему я всепокорнейше и прошу Вас излагаemyя в сих двух письмах мысли и мнения наши благосклонно разсмотрев, не оставить меня почтеннейшим Вашим уведомлением, дабы не замедляя временем можно было не приступить к переписке белового экземпляра 1 тома Словаря, а я между тем буду продолжать новую обработку букв е, ж и з.

За сим, в лестном для нас ожидании от Вас этаго необходимаго Вашего отзыва и мнения о вновь излагаемом способе Зыр. правописания и составленной азбуке, – с истиннейшем к Вам моим высокопочитанием и с таковою же искренностию преданностию пребывая остаюсь

Милостивый государь,
Андрей Михайлович,
Вашим покорнейшим слугой
Николай Попов

17-е письмо

16 Января 1850-го года Г. Устьсысольск

Милостивый государь
Андрей Михайлович.

Во первых непременным долгом поставляю себе поздравить Вас с наступившим Новым Годом, с искреннейшим при этом пожелании Вам как оный, так и все последующий проводить в вожделенном здравии, с получением всего наилучшаго как на проходимом поприще полезнейшаго служения Вашего, так и во всю жизнь Вашу. Письмо Ваше от 19-го истекшаго Октября с книгою Зырянской Грамматикой Г. Кастрена, к большому удовольствию моему я имел честь получить, за присылки коей и приношу Вам чувствительнейшую мою благодарность. А ка Вы

намерены еще попросить и Г. Савваитова о доставлении ко мне или к О. Мисаилу сочиненной и им также Зырянской Грамматики, то и за таковое благонамеренейшее желание Ваше мы должны и еще наиболее и премного быть Вам благодарными.

Теперь обращаюсь к Вам, Милостивый государь Андрей Михайлович главнейше по предмету предстоящей мне переписки беловой по новому образцу Словаря моего и все еще не начатой /: между тем как в настоящее время идет обработка черновая /: – не начатой и потому имянно, что дело за решительным введением некоторых букв для выражения на письме слов Зырянского языка. –

Вполне соглашаясь с Вами на порядок и число букв Зыр. Азбуки я все еще не убежден принять употребление буквы ц. которую О. Мисайл допускает вместо ч. в некоторых случаях, на пр. по его мнению надобно писать: чом, чак; цегны, цер (не чегны, чер); ціпан, цір /не чіпан, чір//; чўсқыд, чўка, чўкмунны; цўсқыд, цорыд, цукörtны, цевтны, цаг, цун', цан', /не чўсқыд, чорыд, чукортны, чевтны, ч'аг, ч'ун', ч'ай/ и т. под.' Хотя на родине О. Мисаила, по р. Сысоле букву ч. и произносят как бы ц; но это по мнению моему просто, если можно выразиться, **цвякают**, и я считаю это произношением испорченным подобно как и в Русском простонародии буква ч. Употребляется иногда в выговоре как ц. на пр. что, цево, цюдо, цяс, цисло. Вместо: что, чего, чудо, час, число и пр. К тому ж ни в переводе Евангелия от Матфея и ни у кого из занимающихся в настоящее время зырянским языком, эта буква ц не приемлема. По этому-то и Ижемцы, как полагать надобно, также как и Сысоличи, употребляют ц. только по испорченному своему местному произношению буквы ч.

При чем (я до сего времени кажется не писал еще к Вам об этом предмете) надобно заметить что из числа согласных букв в языке Зырян Мягкозвучных только 8 следующия: д, з, дз, л, с, т и ч, на пр. бад', роз', надз', пел', пан', вес', бат' и туч'. Прочия ж 12 согласных: б, в, г, ж, дж, к, м, п, р, ш, дш и ц не допускают мягкого произношения и ни в каком случае не могут соединяться с ј или с знаком: ' нигде не может явиться ни бј, вј и пр. Или б', в', г', ж', дз' и пр. Соображаясь с этим, прошу Вашего разрешения относительно буквы э? Если уже принято писать: нэн сен то в средине слов как удерживать на пр пан'эвны, панјавны или пан'јавны (хлебать, есть ложкой), кёдз'эвны, кёдзјавны или кёдз'јавны (хладеть, охлаждаться) и пр. тому подобн.?

Вот наконец остались для меня еще не разрешимыми к употреблению буквы ц и э, и эта последняя во всех ли случаях должна только заменять нашу Русскую я после мягкозвучных согласных? При сем на обороте на благоразсмотрение Ваше прилагаю обращик моего последне-принятаго писания на Зыр.языке, и прошу Вас покорнейше, что еще замечено будет Вами, не оставит меня почтеннейшим уведомлением Вашим.

За сим, как и всегда, с истиннейшим к Вам моим высокопочтением и таковою же глубочайшею преданноситю оставаясь есмь и пребуду всегда

Вашим
Милостивый государь,
Покорнейшим слугой
Николай Попов

Приложение:
Для образца (1 стр.)

18-е письмо

2-го Апреля 1851-го года
Г. Устьысольск

Милостивый государь
Андрей Михайлович.

Во первых всеискреннейше желая Вам всех от Бога низпосылаемых благ жизни, а наипаче доброго здоровья и нерушимаго душевнаго спокойствия, – долгом поставляю себе поздравить Вас с наступающим Великим Празником Светлаго Христова Воскресения, при пожелании Вам провести оный и все дни жизни Вашей в радости, полных удовольствиях и во всяком благополучии.

Спешу теперь, Милостивый государь, Андрей Михайлович! Принести пред Вами извинение в долгом моем молчании и неуведомлении Вас о ходе дела по переработываемому мною полному Русско-Зырянскому Словарю и в оправдание себя пред Вами в этом привести могу разве только то, что хотел я вдруг уведомить Вас о замечательной подаче вперед моего занятия, о которой Вас и уведомляю, что переделывая Словарь совершенно вновь, по образцу Академического, я теперь уже перешел за половину переделки, с значительнейшим его дополнением, и пишу уже букву П. Приближаясь к половине и этой огромной буквы, так что, при помощи Божией, по расчету моему, эта первоначальная черновая постановка совершенствуемаго мною Словаря, кончиться может к Октябрю мцу сего года, а полагая, что пересмотр и еще возможное исправление и дополнение онаго, займут остальные три мца сего года, то беловая переписка Словаря полагается не ранее как в начале 1852 года; а в какой поспешности она пойдет, то видно будет из этаго практическаго моего занятия, и тоже, предположительно, продолжится не менее годичнаго времяни, так что вся эта работа моя окончиться может не ранее как к 1853-му году.

Словарь мой, как и з настоящей переработки его видно, увеличится полнотою, почти на половину; оказывается, что большое количество употребительнейших слов не входило в Словарь мой, а притом найдено и значительное количество ошибок в переводах на Зыр. язык слов и выражений, что более последовало от ошибочности Г. Рейфа в некоторых объяснениях Русских слов и фраз. На счет же продолжительности моего занятия, надобно привести ту неоспоримую истину, что служебныя мои настоящия обязанности, не мало отвлекают меня от занятия словарем, который конечно мог бы уже быть по настоящее время весь переделкою покончен и представлен в Академию.

Присем я нахожу нужным побезпокоить Вас моею покорнейшую прозъбою, на счет сочинений Г. Саввавитова, его Грамматики и Зыр. словаря; не можете ли присылкою оных удовлетворить справедливому моему желанию иметь их, что послужило бы мне к вящим соображениям при настоящем моем труде, подобно

как и Г. Кастрена Грамматикою, ко мне посланною, Вы меня весьма обязали, за что и приношу мою наичувствительнейшую благодарность.

Теперь благовременно, покуда еще до беловой переписки Словаря не дошло, предстаю перед Вас еще с моими вопросами: 1/ Глаголы я пишу в алфавитном порядке по настоящему их времяни в 1 лице, а не по неокончательному наклонению, как это в Словарях Академическом и Соколова, – то которое, по мнению Вашему, допустить ? 2) В отглагольных именах и некоторых других существительных именах и пр. как писать правильнее: от **кыјны, лыјны, кыјом, лыјом** или **кыем, лыем; кујод или куед** «навоз», **сајод** или **саед, вајодны или ваедны, сыјо, сајо** или **сые, сае** и проч. ? 3/ Отрицают некоторые Гг. Зырянофилы писание: **вокјас, лунјас, мортјас, выговаривая** это: **вокяс, луняс, мортяс, а не вокъяс, лунъяс, мортъяс.** – Эти вопросы мои, требующия вашего совета и разрешения клонятся лишь к тому, дабы Зыр. орфографию наиболее приблизить к ея усовершенствованию, соответственно настоящему выговору Зырян.

И за сим, с истиннейшим и глубочайшим к Вам моим высокопочитанием и таковою же преданностию оставаясь, честь имею пребыть всегда

Милостивый государь,
Вашим
Покорнейшим слугой
Николай Попов

19-е письмо

28-го Июля 1851-го года
Г. Устьысольск

Милостивый государь
Андрей Михайлович.

Ваше почтеннейшее письмо от 27 минувшаго Мая, я имел удовольствие в свое время получить, благодаря Вас всеусерднейше за продолжение оказываемого Вами внимания к сочиняемому мною Русско-Зырянскому Словарю и неоставление меня постоянно полезнейшим Вашим мне содействием по этому предмету.

Хотя Вы в письме Вашем и уведомляли меня о намереваемом отбытии Вашем из С.Петербурга; но так как ныне представал мне удобный случай к извещению Вас о продолжающемся труде моем постоянно, то полагая, что может быть это письмо Вас и застанет в Петербурге, – спешу Вас уведомить, что ныне продолжаю переделку Словаря во второй половине огромной буквы П. Что же касается до Зыр. Грамматики Г. Савваитова, то не получал еще от него таковой, хотя и весьма было желательно и полезно для меня иметь оную.

Это письмо Вам доставляет почтенный Лесничий наш Г. Ниппа, Арист Богданович, добрый наш знакомый, который и лично может пред Вами свидетельствовать о мне и моих занятиях.

И так за сим, за непременный долг поставляя себе засвидетельствовать Вам мое истиннейшее высокопочитание и при пожелании моем искреннейше доброго

здравия Вам и всякого благополучия и желаемых успехов во всех делах и предначинаниях Ваших, – оставаться честь имею всегда

Вашим
Милостивый государь,
Покорнейшим слугою
Николай Попов

20-е письмо

16 февраля 1852 года
Г. Устьысольск

Милостивый государь
Андрей Михайлович.

При сей встретившейся окказии, я не мог упустить во первых, чтобы не засвидетельствовать Вам моего истиннейшаго высокопочтания, при пожелании Вам всех благ, а во вторых и уведомить Вас, что с помощью Божиую, я в 28 день минувшаго Января, Словарь свой вчерне весь по образцу Академического переделал и с того же дня начал переписывать на-бело. Оказалось, что Словарь мой значительно умножился, так что вместо 43 вышло до 64 тысяч слов. Ожидая нетерпеливо лестнейшаго для меня от Вас писания и не имея долго этого щастия, я не пропускаю времени, чтобы не засвидетельствовать Вам моего высокопочтания и прошу покорнейше, удостоить меня уведомлением Вашим. Еще осмеливаюсь беспокоить Вас о Грамматике и словаре Г. Саввaitова, о чем всепокорнейше прошу, так как теперь при беловой переписке моего Словаря, может что нибудь послужить к дополнению онаго.

И за сим, при торопливом отъезде доброго приятеля моего, Стряпчаго нашего, Конст. Алекс. Аксенова, не распространяясь дале, при засвидетельствовании Вам моего высокопочтания, честь имею пребыть и оставаться навсегда

Милостивый государь,
Вашим
Покорнейшим слугою
Николай Попов

21-е письмо

29. Декабря 1852 года
Устьысольск

Милостивый государь
Андрей Михайлович.

При сем письме за долг поставляю и имею честь поздравить Вас с наступающим Новым Годом, с искреннейшим пожеланием моим, чтобы Вы как оный, так и

последующие за ним, провели щастливо и благополучно, в полном совершенном здравии и душевном спокойствии, пользуясь вполне успехами во всех действиях Ваших.

Спешу за сим извиниться пред Вами в долгом моем молчании, чрез что приводил Вас в неизвестность о ходе сочинения моего Русско-Зырянского Словаря.

С самой весны сего года я так занемог и страдал сильно действовавшею в крае нашем лихорадкою, что не в состоянии был заниматься Словарем, и потому то оный не много и подавался вперед до текущаго месяца. Ныне же, по милосердию Всевышняго Создателя, получив от угретавшаго меня недуга облегчение, я паки принялся за свое занятие, сообразно разрастающим силам моим, — и уведомляю Вас, что довел уже беловую переписку Словаря до буквы Л. которую и пишу в начале. Следовательно, полтора Тома по размеру Словаря Академии на бело кончил и полагаю, что при помощи Божией в наступающем году весь могу покончить, если обстоятельства поблагоприятствуют.

В Мае сего года получены мною исправно при письме Вашем книги Словарь и Грамматика Зырянского языка, соч. Г. Саввайтова, за присылку коих и за принятые Вами по сему предмету для меня беспокойства и хлопоты, приношу Вам наичувствительнейшую мою благодарность, каковою обязан я был и всегда состою перед Вами, за все Ваши оказываемыя по просьбам моим удовлетворения, чрез кои столько навлекаю Вам беспокойства при многотрудно-полезнейших для света занятиях Ваших.

И так, при засвидетельствовании Вам моего глубочайшаго высокопочитания и совершеннейшей преданности честь имею оставаться и всегда пребыть

Милостивый государь,
Вашим
покорнейшим слугой
Николай Попов

22-е письмо

16 Марта 1854 года
Г. Устьсыольск

Милостивый государь
Андрей Михайлович.

Во первых долгом поставляю свидетельствовать Вам мое истиннейшее высокопочитание и поздравляя Вас с наступившим Новым Годом, желаю вседушевно, чтобы как оный, равно и предбудущия все преведены были Вами в добром здравии и непременяющемся счастии сопровождаясь вполне желаемыми успехами во всех благополезных предназначениях Ваших.

Спешу теперь пред Вами принести свое извенение, по случаю долговременного моего молчания и неуведомления Вас по предмету продолжаемаго сочинения моего Русско-Зырянского Словаря; это молчание мое произошло не от какой либо беспечности моей, но единственно по случаю неполучения от Вас на мое последнее

письмо извещения из С.Петербурга; ныне же, как только мне известно стало, что вы обретаетесь на месте своего служения и в добром здоровье к совершеннейшему моему удовольствию, то и поспешил писать к Вам с обыкновенным моим извещением о ходе работы моей по Русско-Зырянскому Словарю.

Как небезызвестно Вам вполне, что занятия словарями, а особенно в роде составляемаго мною таковы, что требуют усиленной терпеливости по немалому времени для того потребному, – то по всей вероятности заключите и сочтете неудивительным, что по сие время не мог я окончить беловой переписки своего Словаря. Если уже взялся я обработать его по форме таковаго 2 Отдел. Академии Наук, то и намерен устоять в этом деле, для чего и жертвуя неослабно всем, сколько имею, досужным временем.

В настоящее время перепискою Словаря дошел я уже до половины буквы П; следовательно пишу 3-й Том и уже вторую его половину, и при помощи Божией в нынешнем году надеюсь окончить и всю его переписку, если не воспрепятствует тому что либо непредвиденное; переписка моя конечно могла бы подвигаться вперед и гораздо скорее, если б тоже время не производил я как тщательнейшей проверки правильности имеющихся у меня в немалом количестве собранных материалов; к тому ж и постигнувшая в прошлом 1852 году меня болезнь в течении полугода много попрепятствовала успешному ходу дела.

При сем считаю также нужным уведомить Вас и о объеме Словаря моего; половина его, т.е. 1-й и 2-й томы до буквы О. составляет моего, известнаго Вам характера письменности, до 272. листов /: 1088 страниц/: каковое количество предположить должно и для последних двух томов Словаря. Неизлишним счел я просить Вас, Милостивый государь Андрей Михайлович и о следующем: если есть возможность, нельзя ли мне попользоваться словарем Священника Василия Михайлова, о коем упоминает П. Савваитов в предисл. к своему З.Г. и Р.З. Словарю, что было бы весьма полезно для большей еще полноты Словаря моего, выборкою и помещением в оный слов, может быть еще не дошедших до моего сведения. Где этот словарь находится, в Академии или в частности у кого либо? По миновании в нем надобности, я в совершенной целости и исправности обратил бы оный по принадлежности.

Льщу себя приятнейшею надеждою получить на это мое писание Ваше уведомление каковыя всегда столь для меня драгоценны, и за сим, в заключение, спеша искреннейше пожелать Вам всех от Бога благ, совершеннейшаго здравия и душевного спокойствия неизменно.

С истиннейшим к Вам моим высокопочитанием и таковою же преданностию честь имею остаться и пребыть всегда

Вашим
Милостивый государь,
Покорнейшим слугой
Николай Попов

При сем осмеливаюсь засвидетельствовать свое глубочайшее почтение, помня ваше благорасположение в бытность вашу в Устьсыольске в кое время я служил в Земском суде Заседателем и удостоил вашего посещения, и с этого времени проживаю без выезда в Устьсыольске ныне нахожусь с 1834 г., а библиотекарем

Устьсыольской общественной библиотеки. И книг у нас довольно до 1340 (1840?) томов и службу продолжаю вместе в Николаем Павловичем

Остаюсь с истинным почтением и преданностию
Милостиваго Государя Покорной слугой
Андрей Иванович Попов

Письмо о. Георгиевскаго Шёгрену

15. августа 1849

Устьсыольск

Милостивый Государь,
Андрей Михайлович!

Говорить на бумаге не возможно, а только писать. А письмо, все-таки будет письмом. Но что делать, надобно повиноваться необходимости. Чего не льзя избегнуть. Крайне уже с моей стороны не вежливо и то, что с 8 июля, до сих пор не имел щастия поблагодарить Вас, за Ваши наставительное писание. А между тем и самое письмо Ваше снова вызывает к письму, а не к делу.

О буквах, какими писать зырянские слова, с моей стороны добросовестно было высказано, так только то, что я желал писать слова теми буквами, какими можно выразить на бумаге Зырянские слова, произносимые в полном смысле зырянином, и мне не для сего было их изобретать от себя. А потому, если в буквах Вы находите какую либо не сообразность, то предоставляю в полную Вашу волю, составить их по ученым Вашим исследованиям, какими угодно знаками. А нам остается одно, лишь бы передать бумаге зырянский разговорный язык по зырянски. И так, какия знаки или буквы Вами будут приняты, им самим и берем употреблять, лишь бы с Вашей стороны потом не произошло каких-либо перемен.

Но о падежных окончаниях и о послеположениях в зырянисме (?), позвольте сказать несколько слов в оправдание мое пред Вами, как по моим понятиям, я о них сужу. Г. Флёрэв, первый принял за падежное окончание **löн**, и Гг. пишущие и писавшие уже после него Грамматики Зырянского языка, приняли это окончание, тоже за падежное. Правильно ли? По крайней мере, мне не удалось доискаться, чтобы **löн**, был окончанием родительного падежа, соображаясь с синтаксисом зырянского языка, на пр. **Ме дојди кырым повредил я руку.** Кырым, как сказуемое, конечно должен быть в винит.падеже. **Ме эг дојд кырымös.** Я не повредил руку. Здесь **кырымös**, должен быть уже не винит.падеж, а родительный, иначе винительный имел бы два разныя окончания. А если родит., то и окончание его должно бы быть **löн**, по моему, соответствует предлогу **у**. Напр. **Этаэ мортлон пым дерт, Иван либо Петыр.** У этого человека имя, непременно Иван, либо Петр. **Вёв löн кок туј** след лошади. Из слова в слово: **у лошади знак ноги.** Но как русские говорят: **след лошади**, а не **у лошади след**, то, по моему понятию, русское произношение слов и вело в ошибку; признавать **löн**, окончанием падеж-

ным. Хорошо на латинском языке и правильно *mihi est liber*, а на русском у меня есть книга (на зырянском менам эм книга). С латинским согласно) Этот пример из Вашего письма.

Но и в этом случае, если Вам кажется правильным писать послеположения в связи с существительными, мы готовы следовать Вашим указаниям, если только не нужно скольконибудь различать 3-е лицо глагола смеяться. Лит. э не есть какая либо господствующая лит. в зырянской орфографии. Или, быть может, что на перемену твердых букв на мягкия, имеет влияние и русский язык, как я замечаю и за собою, но надобно только вслушаться, каков выговор зырянина, который по русски и не говорит не потому, чтобы ему было стыдно говорить на этом языке, (как описывал Г. Брусилов, бывший Гражданский Губернатор в Вологодской Губернии, обыкновенно проезжавший Губернию по широкой столбовой) но по тому, что во все не знает по русски. Так и, единственную зырянскую гласную букву ё, произносимую расширением рта, часто переменяют на э, и пишут: **шыэн, нялэн, пуртэн, кырымэн**. Напрасно! Зырянин не выговорит мягко такого слова, которое будто бы он произносит с сердца. Еще смешивают буквы ы и и, пишут так: **коды вмес. коди, изис вм. из ѿс**. Впрочем последнее слово имеет, кроме этого, в том и другом случае свое значение, напр.: **изис** зн. **мельник**, а из ѿс из **камня**, а по этому, если писать произвольно при переводе, то русский должен уже догадываться о значении слова; по смыслу речи: из ѿс, с намерением пишу я отдельно, потому что Гг. ученые, предлоги сливая с существительными, затерялись в исчислении падежей в своих Зырянских Грамматиках. Удивительно ли, что некоторые насчитывают их до 15? Разумеется, падежей позади существительных имен, будут иметь значения падежного окончания.

Лит. ц цю. Кто ее выгнал из зырянского букваря, и когда? Не изъяснимо. С цю, в исчислении зырянских букв, (Ист. Карам. Том V, гл. 1, ст. 125) или они действительно зырянские, дает право сказать, что лит. ц, не есть излишняя; или по крайней мере лит. ц не совсем выдерживает звук, какой должен быть слышен от этой лит. перед мягкими гласными буквами, а по сему некоторых Гг. выдумали заменить этот недостаток точкою над ним с. Но точка не научит правильно выговаривать русского по зырянски. Напр.: если написать цјун а не сјун, палец, то русский выговорит точно так, как зырянин, без всякого наставления, как выговаривать лит. с с точкою?

Позвольте надеяться, Милостивый государь, на Ваше снисходительное расположение, что Вы в наших недоумениях, укажите верную дорогу к началу и окончанию Русско-Зырянского Словаря.

Покорнейший Ваш Слуга
Мисаил Георгиевский
Священник Устьысольского Троицкого Собора

Письма Суханова Шёгрену

1-е письмо

Декабрь 30 дня 1828 года

Чердынь

Ваше высокоблагородие
Милостивый государь!
Андрей Михайлович

С наступающим новым годом честь имею поздравить желаю оный привести во всяком благополучии при исполнении ваших желаний и при добром здоровье.

Сердечно сожалею что вас немог застать здесь. По обязанности моей я вам докладываю: что зырянския письмена на иконах вожемской церкви не могут приобрести пособия к переводу. Есть ли недоставите на оные подлинной или настоящей азбуки нашего языка, а я принужден искать оной, но только вам известный Мальцов отказался мне дать. Покорнейше прошу доставить ко мне в устьсыольск или сюда настоящую азбуку зырянскую. а я имею одну миллерову.

За сим честь имею подтвердить. по вашему приказанию я составляю лексикон зырянского языка по коему у меня уже слов до 500, по Алфавиту зырянскому. прошу естьли можно доставить мне берхово описание а особенно грамматику соликамского протопопа.

Впротчем препоручая себя вам какой на щет сего зделайте приказание готов исполнить, нельзя ли изъявить милость не лишить меня сюда на место :/ так как я остаюсь здесь на январь месяц :/ или в устьсыольск вашим благосклонным уведомлением. О названии рек, местечек, деревень, урошищ и естьли можно ручьев по соликамскому и чердынскому уездам в подробности нельзя ли доставить мне подробное описание.

За известие уведомляю я был в селе Бондюжском где сказали, что есть икона Богоматери на зырянском диалекте надписи, но оная церковь згорела в 1804 году и потому незнают образа был ли оный и кто про него уведомил.

Я слышал что у яренского протопопа есть рукопись на зырянском языке.

Песень зырянских немного я отыскал, жалею что с собой не привез.

Вы не оставте меня наставлением что мне предпринять.

Впротчем имею честь пребыть

Вашего высокородия
Милостиваго государя
Покорнейший слуга
Алексей Суханов

(И паки прошу меня неоставить мне прислать зырянскую настоящую азбуку)

2-е письмо Суханова Шёгрену

Генваря 4 дня 1829 года
Чердынь

Ваше высокоблагородие
Милостивый государь!
Андрей Михайлович.

За приятное ваше писание и уведомление от 30 декабря которое письмо получил 3 генваря приношу мою чувствительнейшую и усерднейшую благодарность. Почталион принес распечатанным, я не мог узнать кто это зделал. Экспедитор отперся и письмо было не по карте а видно просто на руках. Есть ли еще удостоите меня вашим приятным уведомлением то прошу прислать по карте.

Я читал в книге под названием: Словарь исторический о бывших в россии писателях духовного чина Грекороссийской церкви, под статьею, Стефан епископ пермский, где сказано, что в лепехина записках названия зырянским бывают особые, но в старинной книге (полагаю миллерове) есть другия названия и почерки и сказано оныя находятся в библиотеке московского общества истории и древностей российских; мне мальцов сказывал, что он прочитал надглавныя письмена зырянской иконы над 3-ми ангелами авраамом и саррою помошю другой у вас бывшей азбуки а не миллеровой. Здесь же я с васильем никитичем прокопьевым незнаком. Есть ли буду случай иметь то непремину у него увидеть берхову книгу мне обещали, а Граматику протопопа соликамского попросите николая павловича переслать мне нужна для словаря я слышал что лутче флеровской и будто у него времен 10. Поэтому наш язык изгибистie и греческаго. – к словарю слова отыскиваю с трудом. Не имею руководителя т. е. русскаго словаря. В чердыни видно я пробуду этот месяц.

Уведомляю вас. мальцов женился по дочери ношульского умершаго священника ныне там и живет занимается торговлею, нельзяли приложить записку чтобы он мне дал списать с зырянских азбук и надписи вами оставленных – чиновники у нас все те же только казначей новый наш родственник василий иванович попов брат нашего зятя андрея ивановича.

У яренского протопопа полагают книгу из церковных.

Вы любопытствовали ли или нет, что здесь есть верст более 100 к уралу по вишере **писаный Камен** полагают, что тут была vogульская граница с сибирью и сказывают есть начертания неизвестных букв кои полагают vogульскими

Я у вас названия мест рек и проч: просил для того, что они наши зырянские особенно чистый вы- (?) сии например:

Села: Кушман горт	ретечной дом
Вильгорт	новой дом
Искар	каменной город
Нырыб	носовое высокое поле
Реки: Вишера	по средине полосы
Колва	надобная вода

Яйва	мясная вода
Иньва	женская вода
Косва	сухая вода
Заводы: Пожва	ситная вода
Чермог	как топор
Деревни: Туй	дорога
Висин	полосное место
Город: Чердынь	подле топора

Прошу покорно написать адрес куда вас в С. Петербурге уведомить.
Впротчем честь имею пребыть с моим высокопочтанием

Вашего высокоблагородия
Милостиваго государя
Покорнейший слуга
Алексей Суханов

М. Г. Николаю Павловичу свидетельствою мое почтение и надеюсь что он доставил письмо по адресу.

3-е письмо Сухонова Шёгрену

Февраля 10 дня 1831 года
Устьсысолльск

Ваше благородие
Милостивый Государь
Андрей Михайлович.

Имею честь поздравить вас с почетною ученюю должностию желаю за сим и более особенно что бы имя ваше прославилось в потомстве.

После моего бытия в чердыне из соликамска я имел удовольствие получить от вас письмо. К извещению вашему уведомляю что кореспондент ваш иван родионович мальцов волею божией скончался в ношуле 21 декабря минувшего 1830 года незадолго перед смертию к вам он послал часть **словаря зырянского и описание ношуля**: но словарь еще не весь и частию и поспешно написан. Есть по моему мнению много слов неудоборазумительных на нашем языке, разсмотревши копии с сих документов спешу вас уведомить: здесь имеет ныне пребывание отставной штабс-капитан Николай павлович попов сын здешняго штабс-лекаря человек умный сведущий и со способностями знает не один язык имеет рвение и охоту к составлению настоящаго зырянского словаря, по силе и возможности и я ему со своей стороны помогаю и надеюсь что труд его скоро увенчается успехом. – Он же еще охотник до древностей кои старается собрать особенно в яренске и устьвыме ненайдется ли исторических отрывков, так же летом намерен посетить чудские могилы, и разбирал список зырянских надписей с образов но ничего не

мог найти. Верны ли очи! Нельзя ли прислать верные списки кои находятся в фризевом письме к академику Фуссу. – о бумагах яренской воеводшей канцелярии неотыщется ли писцовых книг. Ибо мы о здешнем городе ранее 1608-го года известий не имеем. Так же постараемся узнать точно ли у яренского протопопа зырянская рукопись: – вот вам намерения наши; – рекомендую вам сего моего наставника

В газетах я читал, что вы в академии изволили читать о чуди, по сему я и решился писать к вам в петербург узнав что вы непутешествуйте уже. нельзя ли милостивый государь сообщить сведение о следующих предметах.

Читал я, что зыряне произошли от Скандинавов. Древняя биармия или пермь по моему мнению должна простираться повсему северному пространству россии до гор уральских но неизвестно почему зыряне сами себя называют коми то есть комму от слова *kömm tñ* – обувная земля. Ныне мы называем сим именем пермской губернии северную часть. Посему и видно, как и писатели утверждают что vogulichi зырян оттеснили от берегов Камы сюда но не всех, а в соликамском и чердынском уездах или настоящей древней перми обитают и поныне зыряне – там реки села и деревни почти по за пермь носят зырянское название где и язык их уже забыт; так же утверждают что сибирь есть название зырянское от слов си бур что значит в буквальном смысле судьба добрая а в разумевательном благословение ибо мы ныне сие слово называем на оборот бур си, и есть ли си бёр то есть позади волос хотя слово и ближе но мне кажется неправедливо. По этому ваше мнение о происхождении зырян от моголов справедливо особенно азиатская их наружность но я незнаю кочевали ли они в средине азии. –

Противное тому скажу: почему начиная с устья вычегды по двине почти до архангельска много сел деревень носят зырянское название так же и реки, на пример села: **пермогорье, пермская гора, ягрыш яг рыж** бор рухлый, тоймы как села так и речки тоем толченый. Сетра сэтёра смородинно, усть юмыш юм сладость, пучега пу чег дерево переломленое, топса топ со! Вплоть. Вот ! Тулгас тув кыв? Толкнет, кургомень кургов эмь горковато есть. Чамола чём ов в клетке житье. Шиллишко шиллялан ин усмехивающееся место, пиянда пиян сыновья. Калья каль приотворено, ныкола ныв колём девичья надобность. Емецко и речка Емца от слова эм есть, или ем игла. Пиньша пинь шы зубный звук. Чолмокша чёв мог молчаливая надобность, с?я с?ем судьба или благословие, ракула рака ув под вороною, товра тёвру ветерок, мекентя ме кён и тэ я где и ты, вапчуги вачиoug кривизнием вода, гокчерма глок чер му кривотопорная земля. Речка юра юра головная. Уйма уема брожено. Названия рек: кроме окончательного га носят зырянское же название напр: **вага ва** вода пинега пиня зубная, **ваенъга ваем** принесенная. Даже и самый город холмогоры можно применить колём гор что значит **надобная каменница**. – По сим названиям должно полагать что по всей двине обитали зыряне даже название, **югра** коих полагали подвине можно сказать тоже – **югыр** луч, от слова **югыд** свет. – По сим сходствам так же что и Лопари сходны с нами языком, а может быть чухна и корелы. Должно полагать что зыряне выходцы из Скандинавии. – от чего в таком большом пространстве названия есть зырянских, но на против, почему по всей двине и пинеге нигде не сохранился язык древний зырянский или пермский. – Естьли удостоите принять сии доводы покорно прошу сказать которое мнение справед-

ливое, и могу надеяться что вы удостоите вашего уведомления. – Естьли удостоите то прошу покорно вручить свое письмо нашему гражданину николаю кононовичу лодыгину живущему на васильевском острову в – (пропуск) линии в доме титулярной советницы степановой над – (пропуск) доставить ко мне.

Ваши путешествия я отчасти читал в академических ведомостях были и в историческом журнале но мы здесь неполучаем: что касается до нашего народа покорно прошу сообщить и снабдить вашим советом.

Зырянская грамматика соликамского протопопа видно еще не в печати нельзяли снабдить оною а равно надеюсь что вы издаете ваши путешествия нельзяли оными удостоить и нас. Так же Г. Строев ненашел ли документов о нашем народе.

С глубочайшим почитанием имею честь пребыть
вашего благородия
Милостиваго государя
покорнейший слуга
Алексей Степанович Суханов

4-е письмо Сухонова Шёгрену

Апреля 4г дня 1831 года Архангельск

Ваше благородие!
Милостивый Государы!
Андрей Михайлович.

Почтеннейшее ваше письмо от 5/17 мая имел щастие и удовольствие получить уже из Устьсыольска здесь минувшаго июля За приятнейшее ваше писание и уведомление коим вы удостоили меня приношу мою к вам чувствительнейшую благодарность.

Я очень рад что вы обратили внимание на наш край и поручили нашему отцу протопопу отыскать на окончание труда покойного мальцова способного к этому человека, на сие часть имею уведомить вас как я прежде писал что есть у нас Г. Николай павлович попов который принялся обще со мною за сей труд; докладываю вам, что у нас уже собрано до 10.000 зырянских слов но сие занятие требует рвения, труда, и времени то поспешить оным никак невозможно. Мы с ним положились преодолеть все препятствия какия бы ни были и открываясь вам, что нас ни что не остановит. Естьли угодно вам принять наш труд то мы очень радуемся такой доверенности и щастию удостоится внимания вашего и естьли не примите то мы всё будем трудиться хотя для себя однако доложу вам что отец протопоп обещал просмотреть наши труды и содействием своим нас неоставить. Открываю вам наши неудобности, нет у нас российского словаря по коему бы мы могли найти все слова какия можно выразить на нашем языке. так же и бумаги покойного мальцова нужно непременно просмотреть ибо вдова его нам в копии с оных отказалася. прошу вас покорнейше выслать российский словарь и бумаги мальцова я здесь пробуду до октября месяца, или прошу выслать

оняя в устьсыольск на имя николая павловича попова по соображении с коими мы к вам обратно непреминем выслать с нашею благодарностию. О товарище своем Ник. Пав. Попове скажу что он точно имеет охоту к составлению словаря нашего и отысканию древностей он конечно не природный зырянин но по зырянски говорит в силу и обороты нашего языка вникнул. В отыскании древностей постараемся но на сие надо время а что отыщем непреминем вас уведомить. План нашего словаря следующий: Коренные и употребительные слова от производных отличаем особо незнаю все ли производные поместить которыя у нас не употребительны но кои выражить найдутся и у нас слова; оныя нужны для перевода а не в разговорный язык, еще особо пишем фразы; Когда составится полный словарь тогда нужно его поверить зыряно-российским как тот так и другой то есть: российско-зырянский по готовности и аппробации не преминем к вам выслать нужен ли вам будет зыряно-российский.

О произхождении зырян со временем надеюсь увидеть в вашем сочинении. Так же название зырян самих себя коми. по возможности постараемся узнать буде только можно будет. Название Сибири я писал что зырянское с того, я читал в записках академика Лепехина в 4 части следующее: «имя Сибирь, произошло в России чаятельно, от такого народа, который о сей земле первую ведомость подал, а именно по моему мнению от пермяков или от зырян». Сия то мысль и заставила меня отыскивать сего слова на нашем языке. я нашел подходящее си бур то есть благословение может они назвали ее для того что она доставляла им хорошую зверинную ловлю а впрочем я неутверждаю. – сие подлежит историческому исследованию.

Г. Строев не нашел ли каких документов о нашем kraю и народе, желательно узнать о сем.

Впрочем препоручая себя совершенно в ваше добре расположение пытаю себя лестною надеждою что небольшой наш труд удостоится благосклонного вашего внимания осмеливаюсь исспрашивать у вас наставления в принятом нами труде коим покорнейше прошу неоставить.

Имею честь пребыть с истинным моим высокопочтанием и глубочайшею преданностию

Вашего благородия
Милостиваго Государя
покорнейший слуга
Алексей Степанов Суханов

5-е письмо

Мая 26. Дня 1832 года
Архангельск

Ваше высокоблагородие!
Милостивый Государь!
Андрей Михайлович.

С искренним моим усердием и почтительностию передаю вам занятия мои: – Прошлаго лета послал я к вам письмо, в коем приложил вновь найденную мною

азбуку зырянскую полнее прочих, кою можно назвать 4-ю, я ее нашел в городе яренске, и оную приложил на ваше имя в письме к павлу александровичу зубкову. – прошу покорнейше получить оную от его домашних. – Естьли вы неполучили; при сем наслучай посылаю скопированную копию вы извольте увидеть, что она полнее прочих азбук и на обороте я как замечаю, означенены год и число, ЗСКА. То есть 1713 год; следовательно оная списана до пожару истребившаго усть-вымский рукописи в 1740-м году; Отдаю сие на ваш разбор.

Словарь зырянский приходит к желаемому концу, доселе мы руководствовались розанова словарем, ныне получили месса словарь, по этому нужно сделать дополнения: уже буквы – К, и Л, оставались совершенно обработанными, но нужно дополнить алфавитным порядком – из месса, по этому и встретилась – неожиданность. Слова я делю на язык разговорный и язык книжный, последний принимается в одних переводах, который означим особенным знаком, – особенно слова метафизическая. – я надеюсь что скоро придут к концу; для примеру со временем пошлем вам одну литеру обработанную, тогда нам могите преподать совет, каким нам планом руководствоваться к составлению вполне словаря.

При оном мы приложим Грамматических замечания, кои нас при составлении словаря окружили неожиданно: по свойству нашего языка я нахожу, что у нас в глаголе более времен – особенно давнопрощедших 2, и во временах прошедших и будущих с отрицательною частицею, не, делается изменение, так же и в предлогах, по падежам подвергается оный изменению. – и замечаю, что наш язык имеет при всей своей необработанности и недостатке особыя красоты и силу. – я еще невижу зырянской грамматики соликамского протопопа в печати, потому и нахожу, что он составит как вы мне изволили сказывать, лучше флёрковской грамматики, может быть он изъяснит свойство нашего языка.

Так же невижу еще ваше сочинение о нашем краю я думаю вы опишите нашу топографию и статистику – имею непостижимое желание узнать когда и выпустите в свет?

Мнение ваше согласное с Гаттерером и Праем когда нас изводите из средины азии и нас щитайте столкнутыми народами наводнившими Римскую Империю. – Я не понимаю для чего мы променяли ясное небо Азии, на пасмурное небо Севера, не лучше ли нас произвести от норманнов по общему мнению историков, ибо в нас нормандского больше, чем азиатского, видом мы азиатцы но характером норманны, смышленны, смелы, упрямы до чрезвычайности, женский пол в свободе имеем; и отпечаток азиатского: ростом мелки, волосом черны, недоверчивы но неревнивы.

Прошу покорнейше о получении сего письма уведомить и преподать ваш совет к действию нашему – вдова мальцова щитаает 200 р. будто обещанных вами мужу ея.

С глубочайшим моим высокопочтанием и преданностию имею честь быть

Вашего высокоблагородия
Милостиваго Государя
Покорнейший слуга Алексей Суханов

6-е письмо

Сентября 2 дня 1832 года Архангельск

Ваше высокоблагородие
Милостивый Государь
Андрей Михайлович.

Присем посылаю к вам азбуку зырянскую найденную мною в Яренске. Она кажется древняя, лет за 100 назад тому, особенно до пожару истребившаго усть-вымские церкви может быть с рукописями в 1740 году. Я сличал ея с другими считаю, что сия полнее и есть особья литеры. Коих в других нет, на обороте мне кажется поставлен год СЗКА т.е. 7221. или 1713. Вы извольте сами разсмотреть какая то надпись, и о получении покорно прошу меня уведомлением неоставить.

Собирианием зырянского словаря мы с сотрудником стараемся.

Грамматики зырянской соликамского протопопа еще в печати невидать также и вашего описания о зырянах скороли вы намерены издать.

В минувшем июле здесь помер Г. Брант. Смерть его привела в онемение, особенно нас живущих в немецкой слободе. Всеобщее сожаление сопровождало его в могилу, на погребение его столько было народа, что в 1819 г. или вовремя прибытия покойного государя Александра I. такого многолюдства небывало. Сожаление искреннее начертано было на лице каждого, провожали в безмолвии, только изредка молодые шалуны заглядывали в милые личика. – Он возвысил здешнюю торговлю и своим обширным умом и деятельностию обнимал ее, он был самовластителем здешней торговли древние греки поставили бы его урну в олимпийском Цирке, а новые агличане похоронили бы в вестминстерском аббатстве. – Ему бы должно ставить могилу на самом гибе в здешней гавани, где бы каждый приходящий моряк указал бы юноше: вот здесь лежит Брант. – он любил благотворительность так же как и свое любимое занятие – торговлю.

Впрочем имею честь пребыть с истинным моим к вам высокопочтанием и преданностию.

Вашего высокоблагородия
Милостиваго Государя
Покорнейший слуга Алексей Суханов

7-е письмо

Мая 16 дня 1834 года
Устьысольск

Ваше высокоблагородие,
Милостивый Государь!
Андрей Михайлович

Минувшаго 11-го Апреля с сотрудниками послали мы в Академию составляемаго нами российско-зырянского Словаря букву К на разсмотрение и аппробацию Академии нашего плана; просили оную дать нам позволение, тем ли порядком онъи вести, просили и вас покорнейше содействовать покровительством к успешнейшему оканчанию. – ныне осмеливаюсь вас Милостивый государь Андрей Михайлович, неоставит вашим уведомлением. Одобрила ли Академия онъи, и какия нам преподаст наставления, а между тем докладываю вам, что мы следуя таким же систематическим образом, составляем онъи в черне, а окончательно будем приводить тогда, когда Академия разрешит наш труд – и вас прошу покорно о содействии, и попросить нельзяли бы поскорее нам доставить разрешение. – и вас прошу как благодетеля и покровителя, не считите ли вы нужным – о содействии кого просить особенно и не будет ли каких условных положений. – с искренним вашим участием в сем полезном деле, я буду ожидать вашего благотворного наставления, коими вы меня во всякое время неоставляли.

Я еще невижу ваш труд о нашем крае в печати; так же составилась ли зырянская Грамматика Соликамского протопопа.

Прошлаго года я послал к вам найденную мною Зырянскую азбуку. – верно ли было мое замечание, что на обороте выставлен год (1713) покорно прошу вас не лишить уведомления: и как кажется оная полнее прочих азбук.

С истинным моим высокопочтанием и преданностию имею честь быть

Вашего высокоблагородия
Милостиваго Государя
Покорнейший слуга Алексей Суханов

Батюшка мой свидетельствует вам свое почтение.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Аскиа лун йылысь мёвпалёмён

Уна юалём чужё коми литературалысь аскиа лунсо мёвпалігён: кутшомён лоас сийё, шуасны-ё мыйкё выльтор гижысь том войтырыс, оз-ё понды литература петкёдлыны сёмын аньяслысь мёвпъяссö да лов кылёмъяссö, ёд ёнджыкасö ён гижёны нывъяс?.. Мыйла унаён том йёз пиысь, кодъяс босытчылёны гижны, шуны ассыыс кыв, бёр вошёны – яръюгыц кодзуувъяс моз ѿзылёны да регыд кусёны ота енкёлаас?.. И пондас-ё кыскыны найёс гижан удж дорё вояс мысти? Став тайё юаломыслы воча кывыйыс регыдён ёдвакё сюрас.

А талун ми тёдмёдам лыддышысысьös некымын том авторлён гижёдъясон. Налён ичётик кывбуръясын да висытъясын эм и олёмсö вежортём, и мичлунсö петкёдлём... И пыр кылан радейтёмлышь лов шысö. «Тёдлыны радейтём, гашкё, и волё мортыс тайё Му вылас?..» Од сийё и садьмёдё ловтö... мед и унджыкысысьös дой пыр. Нёшта на том авторъяс восьтёны ассыныс видзёдлас олём вылёт, гижёны сы йылысь, мый найёс майшёдлö. Дерт, оз пыр на артмы аддзыны стёч кывсö, озырмёдны гижёдсö мича образъясон, но чайта – налён ставыс водзын, сёмын колё ышёдыштны найёс та вылёт, сёрнитны литература йылысь, гижан удж йылысь. Та могысь и котыртёма «Арт» журнал редакция бердын том авторъяслы литературной семинар. Том йёзлён эм кёсйём гижны, вуджёдны клас-сикъяслысь да и онія том авторъяслысь гижёдъяс, аддзысылыны радейтана поэтъяскöд, прозаикъяскöд. И зэв бур, мый лои сетёма налы став тайё позян-лунсö.

Быд шуём либё быд гижём кывлён мёд мортлён лов пытшын и енкёлаас эм йёллога. И та вёсна гижысь кывкутö онія и локтан кад водзын, йёз водзас. Кёсъя, медым том гижыссыяс мёвпалисны та йылысь, кёсъя, мед радейтисны да пыдди пуктисны кывсö, ёд кывйо овмёдём лов шыыс вуджё нэмъяс... Но вуджё сэк, кор сэтчö «пуктёма меддонасö»...

Елена Афанасьевна

«Зарни кинъяс...»

Ольга Баженова

* * *

Ме кывлі, эм по сэтшом кыв,
 Мый шуан сійös, да он кыв
 Ни гажтёмсö,
 Ни синвасö,
 Ни шогсö...
 Но корсыны сійös ме ог кут,
 Ёд тані орчён менам шуд
 И шусьö сійö дзик жö ёти кывйён:
 Тэнад нимён.

* * *

Съёлёмой – пыдёстом юкмös.
 Чукörtö зэр васö...
 Ставсö, мый енэжсыыс усьö,
 И ставсö, мый сетö
 Му-мамой.

Татьяна Югова

* * *

Дивö!.. Сынöдыс сöstöмнас волялö да вежа нюмнас коддзöдö.
 Тöвру пуксöмä шойччыны öшиньдорса оржылён увъяс вылö.
 Енэжсянь надзöник-надзöник лäбö-лэччö еджыдик бордтор.
 Кыйкнитлö менам öшиньö.
 Кыла, аслас вöснүйдик, челядьлён кодь гёлöснас кисьтö-сералö...
 Прöшвия борднас шенасьö меным.
 Да тайö андел кö-а му вылö лэччö...
 Пöльыштis лолам долыдлунöн да ышман рүён.

Анна Козлова

* * *

Лэбысь корсö ёшиньё ляскис.
 Юёр тэсяныд тайё?
 А мый сийё лэбачыс вайё —
 То тай, код сьёлёмös мырддис...
 Гёлоссо йёлёга лэдзис —
 Став корыйс пу вылысь лэччис.

* * *

Войся раскё лэбачён ме уся.
 Тэныд ме ог ков.
 Енэж йирын аддзысим ми тэкёд.
 Ме ниномысь эг пов.
 Тэ вёлін шондён
 И зэрён.
 И кылі сэк,
 Мый олём восьтіс меным ловсö.
 И шуда лоа век.
 Но кодкё менсыым шудсö юис —
 Тэ лоин мёд.
 И быттьё пуктісны чужомад чумич*.
 Мед ме ог тёд.

* * *

Ёшкамёшка юр весътам.
 Сöдзсыс-сöдз сынöд
 Зэр бёрын.
 Бордйё менам кётасис.
 И лэбны ме ог вермы.
 И кыскала пельёсысь пельёсö
 Бордйös
 Тэнад йёрын.

*Авторлён роч кывбуръяс серти
лöссыöдис Е.Афанасьевы*

* Чумич — маска.

Алёна Шомысова

Арся рытö

Арся рыт. Туй шёрын – косымёт роза. Лязбём коръясыс гажтёма шарбдчоны кёдзыд му вылас, а киссыны заводитём юрыс корсюрё довкйёдлө, быттьёкёйтёрво налысь норасьёмсö да накёд отвылысь юкё шогсö. Тэрыба шавкийсь том морт талыштö мунигмозыс сïз нин нярзьём дзоридзсö. Роза бёръяясь довкнитö юрнас да лёньё, а коръясыс ляскысьёны, вёйёны няйт пиас. И тайо здукас съёлёмсö кырыштis вунлём нин дой: дзик жё тайо дзоридзсö моз ме кылì ачымсö некымын во сайын муса морткёд янсöдчиғон.

Шондi

Арся водз асыв. Пемыд. Талун ме виччыся шондi петёмсö. Зарни югёръяс поткёдисны енэжлысь пемыд эшкынсö, вортас весьтыс ойдiс биа гёрдён, коди некымын здук кежлё торийдлiс енма-муасö, а сэсся разалiс и вошиш. Ыджыд гёрд шондi гёгыльтчис лёз енэж вылё, югзьёдiс му вывсö, сэсся надзёникон вежис рёмсö – вижёдiс. Кутiс ёнджыка пёжны...

А юрам воис мёвп: шондi петёмис, лун пансъомыс дзик жё муслун чужём кодь. Муслуныс Ѻд чужё да югдёд став пытшкёстö сёстомлуннас, а сэсся во часён паськалö да венö мукёд съёлёмкылёмсö. Вежёр да съёлём первойсö оз на воны оти кывйö, но муслуныс гарто найёс отилаö, да он и гёгёрво – конi вежёрыс, а конi съёлёмис. Тайо шоныд кылёмсö ас пытшкас новлодлысыс югзьё тёдлытём радлунысь и оз на аддзы кывъяссö шуны сы йылысь радейтана мортыслы.

Кор

Лёнь юёд надзёник кывтiс вижёдём кызд pu кор. Отнас. Мукёд корыйс, буракё, абу воома юёдзыс. Либо кытчёкё сибдёмаось туй костас. Но кор эз гажтёмтчы. Засö вывлань лэптёмён сïйö надзёник писькёдчис водзö и водзö да шензис-нимкодясис арся вёр-валён мичлунён. Увсяныс тувкёдчис чери, быттьё кёсийс тёдмавны: мыйсама виж пё ва веркёсас дзибрасьё. Но кор эз кыв налысь инмёдчёмъяссö, сïйö казялiс ас кодыыс жё виж, но мыйлакё югъялысь коръяс. На дорö матыстчом бёрын кор гёгёрвоис – тайо абу pu коръяс, тайо – шондi коръяс. Шондiыс кисьтiс-разёдис найёс ю вылё, медым отка корлы туяс волi гажаджык. Кызд pu кор радпрырысь пырис налён дзиридалысь кытшö да быттьё нёшта на югзыштiс выль ёргъясыслён бисяныс. Сïйö гажмыштiс да кывтiс водзö, и чайтiс: найё кузяла лоёны сыкёд орччон. Но виччыстыг кыптiс тёв ныр, и яртюгыд коръяс вошишны: волёмкё, шондiсö нылыштöма кымёр. Кызд pu кор бара коли отнас. Засö нора лэдзёмён сïйö водзö исковтiс визув нылыыд. Тёв ныр быттьё тешитчис, гызьёдис рам юсö. Корлы пырысъстом-пыр ковмис вунёдны шогалём йывссыс да тышкасыны олём пондаыс. Ярмём гыяс то шыбитлiсны сïйös

вывлань, то вöйтлісны пузьём ваё. Зэвтіс бёръя вынъяссö кор да мёдöдчис береглань. И берег дорас нин корйös кыскыштіс вабергач да кутіс гарглыны пыдöсланьыс. Кор видліс на мездысъны да кыпöдліс засö петантуй корсигмоз, но вабергач вöйтіс сайös аслас пöтлýтöм горшас.

Чери кыйысь синмыс мудзмён нин пукаліс ю дорын да кыйöдіс. Час. Мёд. Но чериыс мыйлакö талун эз петкöдчы. Да и поводдяыс тшыкис. Морт мудзис да кöсийс нин тапиктыны гортланыыс, и друг табыйыс нетшыштчис öтчыд дай мёдьысь. Чери кыйысь кыскыштіс шатинсö асланыыс, но виччысяна чери пыдди öшаліс... кор. Вижöдöм кызд пу кор. Морт сьёлыши тікшілік да уськёдіс корсö кок улас, а сэссе нинöм вöчигмоз косявліс сайös посни лестукъяс вылö. Бёръя мёвпнас корлён вöлі: күтшöм лöссыда сылы овсис чужан пу вылас.

Пыста

Тайö вöлі пыстапилён медводдза воён. И заводитчис сайö кöдзыда. Ылётчан тувсовъя шондыыс эз шонты, а сöмын югзьёдліс скуп югёръянас лäбач семьялысы ичöтик дзескыд позсö. Пыстапи топöдчыліс мамыслён шоныд морös бердас да шензьёмпрырыс кывзыліс сэтысь дугдывлытöм шы. Сайö эз тöд, мый тайö – сьёлём тіпкöм, олём шы. И бырас кö тайö шыыс, сидзкö, сувтас и сьёлёмыс, кусас олёмыс.

Сьёкыдöн вöлі тайö воыс пыста семьялы. Эз вермыны виччысъны шондöдöмсö пыстапилён чой-вокыс, кынмалісны, кöтье мамныс ставнысö öткодя шонтіс и радейтіс. А öтчыд эз во кыйсянінсъыс и батьыс, налён вердысъыс. Гажтöм лои ичöt позыын мама-пиалы, быттьö гажа шоныд тулыс пыдди воис шуштöм кöдзыд тöв. Найö чöйтлісны нор видзöдласъяс орчён суалысь пувывса позыын тёльдöчысъ шуда лëбачъяс вылö да чöла ныналісны курыд синва мольяс.

Тшыгъявны водзö эз позь – пыста-мам лäбліс корсыны номыръясöс, а лëбаччи колыліс öтнас күшмөм позыын. Күтшöма сайö вежаліс тшöтшъясыслы, öд найö кужисны нин лëбавны! Но сылы эз позь: нэр бордъясас эз на кыв эбёссыс. Сайö горшпрырыс уськёдчыліс лунтырён сюрём номыръяс вылö да весиг эз думыштлы, мый мамыс став сёянсö сетö сылы. Эз тöд пыстапи: голь таво вör-вавыс, сьёкыд судзöдны вöлögасö. Öтчыд, кор мамыс рытöдзыс эз лок гортас, пыстапи сувтіс поз дорышас, кунис синъяссö и... чеччыштіс. А сэссе полёмпрырыс легнитіс тіран бордъяснас. И дугдис усьнисö, мёдіс зэв öдйö шенасъны ичöt бордъяснас и дыр на öшаліс öти mestayn. Öтпирйö сайö поліс и нимкодясис, окота вöлі и серавны и бöрдны, но эз артмы. Пыстапи велаліс лëбавны, ачыс, öтнас, некод сылы эз отсав. А мамыс, кöні мамыс? Öд сы вöсна и чеччыштіс позсыыс лëбаччи. Сайö тöвзис корсыны мамсö, дыркодь на лëбаліс матигöгöр, а сёронджык öти пыста висыталіс: эстöні пö мамыд, турун пиас, кань пö сайös дойдöма. Синсö век кежлö куньём пысталён морös вылас вöлі нёль вир тусь. Лëбаччи топöдчис мамыс бердö, но кöдзалаm вир-яяс эз нин тіпкы сьёлёмыс. Пыстапи гёгöрвоис: олан шыыс кö воши, мамыс оз нин ловзы. Пемдіс лолыс ичöt лëбачлён.

Дыркодь на шогаліс пыстапи, а сэссе велаліс овны öтнасöн. Аддзис аслыс ёртъяссö, öтвыллысь вердчис накöд. Олёмыс ладмис. А медъёна кажитчис пыста-

пилы лэбавны, сәки сійё кыліс асьсо медся вынаён, повтёмён, сюсъён, и быттьё ставнас Му шарыс видзбодіс да нимкодясис сылён лэбомён. Лэбачпи быдмис, верстямыс, портчес мича да вына пыстаё. Оти югыд арса лунё сійё пуксис гөрд коръясаötка пу вылёр да заводитіс сывны: кутшом мича да ло́сыд оломуыс, коты и абуо́сь орчён муса бать-мамыс, чой-вокыс, и ставыс водзын на: лёкыс и бурыс, шогыс и шудыс. Сылігмозыс пыста кыліс, быттьё съёлёмсө вундыштіс ләчыд дой, и төдлітогыс сійё шмуткысис му вылёр. Орис моросас олём ёкмыльыс, кусісны синъясыс. Бырис нөшта оти олём. Дженыйд олём. Рогаткаа зонка дөвөлъпырысь нюмдіс да котортіс водзоб корсыны кутшомкё лэбачёс.

Оломуыс лоас на

Ыркыд арса рыт. Күйла юдорса кыркотш вылын да видзода пыдостом пемыд енәжө. Орчён ломалё бипур да коялёр са съодас зарни кинъяссö. Налы оз йоктыссы биа кывъяс весьтын, да ордйодчоны, коді вылоджык чечыштас. Но кодзувъясөдз би кинъяс некор оз воны. Найё кусоны, сәссе чужёны выльяс и сізд жо сылённы пемыдас. И тадзи бипур кустодз.

Ставыс кусо. И йөз, и быдмөгъяс, и пемёсъяс, и уна-уна мукодтор. И кодзувъяс кусоны жо. Но век артмёны выльяс. Кытчодз оз кус миян шонді, лоас оломуыс му вылын, лоас оломуыс енкёлалын, а ме коддьомъясыс, кёнкё, нэмись нэмё кутасны кузъ арса рытъясо куйлыны бипур дорын да видзодны кодзула пыдостом енәжө.

Мича рёмъяса кад

Öшкамёшкан азыма дуньгис-юис васо юыс: косьтісны сійёс жар поводдяыс да гожся зэръясыс. Öшкамёшканыс югыд рёмъяссö гусьоник чурскис ар да на-дзөнник баситіс вör-васо. Быд рёмлон – аслас мич, быд рёмлон – аслас ин. Гөрдөдісны кисымом пельсіз розъяс, сярвидзыс пув тусяяс, нәриник пишу кор. Вижовгөрд рёмён мичмөдчини мырпом да пельсіз кор. Зарни гартыштисны кыдзяяс, пемдіс-вижёдіс ытшкыттом турун. Нином эз вермы вочны ар да колис лыска пуюслы ассыныс рёмсö – турунвижёс: ни оти вогётгеря кад оз веж нальсіз пасъсо. А бёръя куим рёмнас ар юксис енәжкёд. Асывсяныс енвеевт мавтчыліс кельыдлөзөн. Рытланыыс – лоёз, а шонді пуксигён малснитліс вörтас весьтсö гөрдовлөзөн. Тадзи ар вуджёдіс öшкамёшканыс рёмъяссö вör-ва вылёр. Öшкамёшканыс бара-й кытыс аслыс мича серъяссö босытіс-а?..

Гажтём сывланкыв

Аски – гортыс мунан кад. Кык вежон лэбыштісны кык лун моз, и бара коло ло́сыдчыны мунны каро. А кутшом абу окота! Таво кежлёр, кёнкё, бёръялыс ломта гожся керкалыс пачсо да пукала сыкод орчён. Лонын кывза билис трачакылёмсö да көсъя кольны юрам тайё шыссо: сійё сэтшом матысса, шоныд,

сиктса, гортса. Окота горёдлыны сывны, мыйкё жугыльös да лывкийöдланаöс. Но другысь шлявкнитö зэр, горасыс-гораа, да вевтыртö бились шысö. Кёнкё орчча йорас, буракö, кылö гажтöм омлялём, а сэсся миян понным воча мёдö вурзавны. Налён нор да нюжийöдлана гёлöсис быттьö ойдö керкаам да босьтö менё аслас кытшö.

Лёня кывза тайё сыланкыивсö, кодös арыс козьналö меным чужан сикткöд янсöдчигён.

Юлия Нефёдова

Медбур ёрт

Кымын во коли, а ме пыр на шыёдчывла тэ дорö, дона, медся матысса ёртöй! Пыр выльысь и выльысь лыддя лист бокъястö. Öд тэ, менам луннебöг, нэм кежлö колян медбур ёртöн, кодлы ме повтöг верма восытны ассым став гусяториёс.

Быд лист боклён аслас ру, аслас кёр. Со тайё лист бокъясö вескавлёма зэр, и шыпассысыс танi быттьö кылалысь ий: кодi ыджыд, кодi ичöt, кодi кольёма орчча шыпассысыс, а кодi мёдарö – вевсёон каёма... А сiё лунся руд кымёрыс пыр зэрö и зэрö...

А водзö гижтöм некымын еджыд лист бок. Тайё менам кынмём сьёлёмлён серъясыс. Танi став кывыйыс пужъялёма кёдзыдысла. И выль пёв казтылiгад йирмög босьтö...

Тайё некымын лист бокыс турунвиж рёма. Абу, танi абу ни öти кыв. Серпавалыссыёма сёмын муртса на воссысь коръяс. И быд кор лолалö тулысён...

А медбörя гижём лист боклён сотчыштöма пельösсысыс. Татчö коркё инмылёмайс дзирдалысь шондилён зарни югръясыс, шуда луныс да радейтчёмён öзийыс сьёлёмой...

Пыр выльысь и выльысь лыддя лист бокъястö... Дона ёрт, видз менам сьёлёмлысь пасъяссö, лёк синмысь видз!

Ме мыжка

- Ме ог тöд, ог тöд, кыдзи тайё артмис! Ме абу морт виысь... Ме ог тöд, о-о-ог!..
- Эн мыжды асътö, мый лои, сiёй лои. Быд вежсьём колана да нюö ассымыс мог.
- Но мыйла мекöд, буретш, мекöд тайё лои?..
- Быд мортлы вичмö аслас олан туй. И сьокыдлунысь ньёти оз ков повны. Олёмис мортсö быд ног песлалö, мед аддзыны, а кутшöм сiёй эм...
- Но татшöм ёна дойдны... Мыйысь?..
- Лёкыс и бурыс вичмö öтмында быд мортлы. И оз ков лёк вылö лёк вöчны. Öд ставыс бергöдчас...

– Но мыйысь, мыйысь, мыйысь тайё шогыс?.. Став рёдвууж вёйё синваын, а мамё... Со, оз и вешийык койка дінысь, синва кисьтö да корö, мед ме садьма, локта бёр...

– Тэнад мамыдлён гёгөрвөөсь сьёлём. Оз мыжды сійё тэнё, тёдё – сьёд вуджёр сүис. Но лача кутё, эскё, сьёлёмён оз усь...

– Меным зэв жаль, мый тадзи лои. Ме ассым олём сета, мед ог садьмы, мед сомын мыжёс вештыны, мед сомын... Ичотик сьёлёмыс мед водзё тіпкас, мед...

– А оні сёр нин мыйкё вежны, сёр... Мый лои, сійё лои, он нин бергёд. И сомын колё виччысыны, мый мёвпыштасны вылындыхык...

– Ti Анналён мамыс?

– Да.

– Пройдитой. Тіян нылыд садьмис...

Черань vez

Со керка пельёсё черань кыё ассыыс везсё... Тайё сылён олёмыс, медшор могыс. Чераньлон кодь жё и менам олёмё. Мыйкё лун ивой ноксян-кылан ассыыд олан веэтö. И друг кодкё тай гёликён кызды парснитас тэнссыд вёчёмтортö...

И тэ шог синмён, усьём лолён корсян ас пытшсыд медбörъя вынъяс да выльысь заводитан кыны аслад олёмлысь везсё...

Казьтылём

Вёлі 1942 во, йирим тёлысь 12-ёд лун...

Ме киссёйм купайкаа сулала ю дорын. Видзёда ва вылё, виччыся, гашкё, воас на Ёдёття тьётё, босытас менё ас дорас...

Гёгор увгис тёв. Юдорса ичотик кызд пу сунласис ваё. Ог тёд мыйла, но меным зэв жаль лои сійёс. Ме матыстчи да пыки кызд пусё: мед кёть ён тёв вёснаыс оз жё чег, татшом мича да... Оти пу ю дорас и быдмис, Кösьтö садиллёма. Сійё тані перевозчикён уджалё, со неыдхыд землянка сылён жё, оз и ветлы гортас, пыр тані...

Ывлаас заводитис войтасыны, и менам синмись тшётши гусьоникён киссисны ва тусяя... Пыр ёнджыка и ёнджыка тёвзис. Кызд пулён нәриник росъясыс топодисны менё... Ме куни синмёс и здук кежлё меным кажитчис, мый оз кызд пу кын росъяснас вачкыв меным, а мамё мелі кияснас ас дінас топодлёр...

– Мый, кынмин? – другысь шыасис Кösьтö.

Ме здукён палаялі чоскыд унмысь, чёв олі. Ёна эськё кынми да, но вочавидзны эг лысyt...

– Лок, пось чай юам...

Ме нёшта на топодчылі кызд пу дорё, а сэсся которті землянкаё. Сәні вёлі шоныд... Пельёсас куйліс ас карём акань. Кösьтöлён од куим ныв. Отиыс эськё ыдхыд нин да. Сійё и видзё ичотджыкъяссё, мамыс од тифысь кувсыліс... Менам татшомсяма жё акань вёлі...

Миянлыс семьянымёс кулачитлёмайось, мамё висъставліс, став овмёссö по босытсны. Möс оз по вёлі пет, да Опоң гётыр локтёма горд кёсынкаа коммунистка да час сайё мёссö гидсыыс йётлалома. А батьёс тёв шёрын дас кык час войын кёмтёгыс нүйдёмайось, мамё кёмсö, вёлёмкё, мыччö, а Педьё Сан шоў: ёна нин дзуртін крамбөй сапогнад, кёмтёгыд мунан... Сэсянъ эг и аддзывлой батьёс...

Мамё, мамё, мый нö водзö мекёд лоў?.. Тэ со Човийн пукалан, öти обрат чекушкалыс... Галина чойой куліс, вёрын уджалігас, мыр вылö пуксьёма шойчыштыны, а чеччинысö абу нин вермёма...

Отнам ме коли... Кыздзи тайё кызд пүыс ю дорас, сідзи и ме чегъяся, гашкё, чорыд арся тёврусыыс...

– Ёдотя тьётыд тай кёсийис на волыны, да мыйкё эз лок, – чай юигён шыасис Кёсютё.

Тайё кывъяссыыс менам сэтшёма топавліс съёлёмö, чайті, потас, муртса куті синваös... Кёсийисыны тё кёсийисис, а эз тай лок...

Ёдотя тьёт татчö менё вайёдис, медым ю сайё, детдомё, мёдёдны, став документсо сельсöветсыс босытс и, а меным нинём эз сет, татчö ковтём чачаöс моз колис...

Асыв... Тёвруыс лёньёма, весиг шонді кыйкнитлывлö. Кёсютё ассыыс челядьсö вайёдис жё, тшотш детдомё кёсий нүйдны. Кытчö сылы куим челядьыс. Аслыс сеййнысö нинём...

Кёсютё ньёжийнкён сынис лёнь шыльыд ю кузя... Ме пукалі пыж бёжас, видзёді береглань, колляси кызд пукёд, код тёдас, гашкё, ог и аддзысылой... Вёлі лёнь, но, корсюрё, меным кажитчис, мый ичёттик кызд пу ѿтё ростяяснас... Ме гусьоник ёвтышті сылы... И шог босытс: Ёдотя тьётой тай сідзи эз и лок...

Со ми нёльён съёкыда восьлалам детдомса öдзёссыяс дорё...

– Пройдитой, пройдитой! – миянёс аддзём бёрын дзик пыр шыасис джодж мыськаллыс кыз бабий. Сий колляліс миянёс директор дорё. Кабинетын пукалісны куимён: директор да кык воспитатель. Миянёс зэв лёссыда примитсны, ме, чайті, менё документтёгыд оз и босытны, а гёгёрвоысь йозыд вёлёмайось на...

Кёсютольыс челядьсö мёд группаö индисны. Отис вёлі меysыс выйті ыджыд, а мёд кыкыс – выйті ичётось. Со муртса на паныдасим, а торъявны нин ковмис... Тёдис-ё кодкё, мый некор сэсся ог паныдасылы ни Кёсютёкёд, ни силён челядьыскёд...

Директоркёд сёрнитом бёрын ми петім коридорё. Ме пырысътом-пыр казялі Кёсютольыс шог синъясс... Сий топыда шымыртіс миянёс ставёс да окаліс:

– Дитюкъяс, бура олой. Неуна терпityштой, регыд, регыд бёр босыта... терпityштой...

Ми коллялім Кёсютёос калитка дорёдз... Кёсютёос ме тёда мёдёд лун, а кажитчис, быттьёкё нэмсö сыкёд вёлім тёдсаёс...

Марина Михайловна – менам группаса воспитатель – нүйдис менё нывъяслён комнатаö. Комнатаыс вёлі ичёт, но зэв югыд, стенъясыс белитёмайось. Некод эз вёв. Марина Михайловна индис меным койкасö стен дорын. Ставыс вёлі квайт койка... Ме шыбиті ассыым нопийос, и ми мунім велёдчан классо...

– Видза оланыыд, витёд класс! Извинитой, Надежда Петровна. Кёсюя тёдмёдны тяянос выль велёдчысыкёд. Тайё Лида.

– Лида, пуксыы нывъяяс дорё, а сэсся бёрнас аддзам тэныд места, – мелі гёлосон

шыасис велёдьсіс. Перемена вылын мёд классыс пыртісны нöшта öти пызан, классын вölі нелямын вит морт, ме – нелямын квайтöд. Менсым партаöс сувтöдісны öшиң дорö. Эг дыр и пукав öтнам. Лун кык мысти воис нöшта öти нывка – Маша, сйös пуксьöдісны ме дорö.

Велöдчыны кажитчис, небöгъяс вölіны сöмын велöдьсълён. Медся ёна кажитчис лыддысиян урок, кор Надежда Петровна аслас мелі гöлöсөн лыддис ылі му йылыс, тöдмöдіс тöдчана йöзкöд.

Лунъясыс лэбисны... Выль оланін, выль йöз, ёртъяс... Сьокыда, дерт, но кызджö-мыжö велалі детдомса олём дорö... Миян воспитательницая вölіны зэв бурось. Некор эз öбидитлыны ни эз öтдортлыны. Накажитлісны гежöда. Оз сетны сёяントö, со кутшöм накажитöмыс. Медся страшнойыс сйö кадас... Лун кежлас вölі сетöны 350 грамм нянь. Кыдз кöсъян, сідзи и пöt... Күш лы да ку и ветлöдлім... Но некод эз элясь, ставон гöгöрвоисны, кутшöм кадö олам... Быдвой сьёлёмой лэбліс мам дорö... А вётъясын, менам зарни вётъясын ме эг öтчydыс волы чужан сиктö, мам дорö, ю дорын суалыс кыдз пу дорö... Мёвпъясын пыр лöсъöдлі мамкöд паныdasян лун...

Со öтчyd некымын нывъёрткöд мунім колхозной мусас вылö, капуста кокъяслы. Кынталöма нин вölі. Рейтуз кокъясö öктім-сюялім. Но кыськö воис бригадир, кутіс миянöс, шошайдым вайöдіс детдомса директор дорö.

– Воровали! – яр синъясöн уськöдчис ми вылö директор. Ме медводдзыс аддзи сйös татшöм ярён.

– Ми? Эг. Ми босытім, – пуксьöм гöлöсөн вочавидзи ме.

– Нет, воровали! – нöшта на дöзмис директор.

Сэсся джоджас кисьтöдіс капуста кокъяссö да тшöктіс став жырсо мыськыны. Ми сы вылö эг скöралой. Ассыс уджö вöчö.

Тадзи и олі... Мыйыс сöмын эз вöв... Ме чайті: ми медся лёка олам. Паськöм ни сёян прамой эз вöв... Но кор вайöдісны челядьёс Ленинградской блокада-ыс... Муртса кок йыланыс суалоны, няйтöсөсь, висьёны...

– Лида, нывъяс, отсалой челядьсö мыськыны да вердышты, – шыасис ми дорö Марина Михайловна.

Некор ме сэсся эг аддзыв татшöм омоль челядьсö... А кымынöн кулісны... Найö миыс на омольёс, а тойыс сук... Күшöдз ставöс шырисны, менам эськö и сідз дженыыд юрсиой вölі да...

Нёль во ме олі детдомын... А сэсся войнаыд помассис, да менё ас дорас босытіс батьлон вокыс. Ен сетома, да ловъя кольёма... А сэсся недыр кад мысти и мамёс лэдзисны. Ок, кутшöма ме радлі... Од некод сэсся Свет вылас матысджыкыс менам эз вöв, дона мамук кындзи...

А кыдз пүй, юдорса кыдз пүй пыр на суаліс ва дорын. Быдмё, ен сыкёд, кокыс эськö чукыльтчома да, но быдмё...

Со 74 ар нин, а ыджыд лёглун. Ёдёття тьёт вылö ог кут. Сэки эськö ёна скöрмылі да... Оні вунны нин ставыс мёдома...

Александра Паршукова

Рытъя мёвпъяс

* * *

Тёп-тёп-тёп-тёп... Унзільпышысь, синъяс эз на воссыны, а кыла мелі шыяс. Ачым әг казяв, кыдзи нюмдышті. Тулыс... Син водзö пыр воис сиктса асыв, и чўсқыд вёрса кöрыс ёвтыштіс и кольмёдіс юр-вежёрөс. Ок, эськё, оні кö лызыён пармаö котортлыны, сэтысь тулыслысь лов шысö кывзыны. Лэбачъяс радлёны, дзользьёны, чоломасьёны тулыскöд; вёрыс шувгö, копрасьё – аттьбалö шоныдсыс, лым платтьясысь мездёмсыс. А ме сулала видз шёрын и став тайё мичлунсö кыла и аддза. Съёлёмой быттьё тшётш вёр-ваыскöд сывны, небзыны кутіс. Выль ног ловзи. Синмös восьті. Пыдіа лолышті. Синва войт гусьённикöн тюрыштіс чужём кузя... Гортё... сиктё... – (лёкысь горёдіс машиналён сигнализация) – а ме карын...

* * *

Брут, брут, брут – тайё шыясыс онёдз на парсыштöны съёлёмös. Вежёрын ставыс гудыртчö... Бёрдзи... Ырзёмён бёрдзи... Мыйла тадзи? Коді висьталас? Коді отсалас?

А со тэ менё пося дзигёдін да оқыштін, шуин: «Бур туй, мусаёй!» Сöлі автобусö. Машина тюрё туй кузя. Бörъя керкаяс исковтісны син пыр. Бара на карö... Нинём әг күж мёвпыштны: дас лун, и олёмой бергёдчас – он бёрё кос ни он веж. Гашкё, эськё, вежи ставсö, шуи: «Прöstит ставсъыс... Ме тэнö зэв ёна радайта». Сэтшöм этшысь шулі тайё пось кывъяссö, а оні сёр нин. Дас лун...

Дас лун... Ме бара гортын. Он пет воча. Куйлан ен пельёсын... Узян... Порог дорсиян горёді: «Ми локтим», а воча кывыйыс абу – сöмын сисъяслён трачкёдчом да нэриник сыланкыв торкисны лёньсö.

Оқышті плештö – кöдзыдыс, быттьё пуртöн, чилснитіс став тушабöс, кокъяс лигышмунісны, горёдсис... Бёрдзи...

Дас лун мысти бёръя аддзысылёмсянъ тэ эн ло... Ме пыр ог эски. Тэ тані, тэ орччон... Сöмын абу нин папук, а менам ангелой, коді видзö менё став омольсыс и сетё вын водзö овны.

* * *

Шарёдчёны кок улын коръяс, мукёдлаын доввидзёны ва гуранъяс. Тапсъода улич кузя. Син улö уси ичотик пу. Коръясыс абуёс нин. Отнас сулалö, мукёдсыс бокын. «Мый нö, дитюкёй, ётдортчомыд? Али тайёяс вётлісны? Эн пов. Эн сетчы тёв нырыслы, ни кöдзыдыслы. Быдмы-верстямы, гажёд став мунысъёс мичлуннад. Ме тэкёд...» Кылдзёй пондіс копрасыны. Ув выллысь визувтіс кöдзыд войт и инмис чужём вылö. Ми гёгэрвоим ота-мёдёс...

* * *

Пукала, видзёда ёшиньё. Йёзыс, кодзувкот моз, кытчёкот котёртоны, пышёны быттёкё мысысько. Вот тадзи коркё тэ бокті мунас сійё, кодкод, эсько, волін медся шуда... Медся муса мортыс котёртас боктыд, а тэ он казяв, он вочаась синъяснад, он шу колана кывъяс... Сэсся бёрд, коть эн...

* * *

Ывлайс бара на бёрддзёма. Пуяс сулалёны шогёс, вужйёдз котасьомаёс, тірзьоны кёдзыдыслы. Дзоридзъяс йёжгыльтчомаёс, нюкыртчомаёс му бердё. Кёдзыд...

Пачын трачкёдчё би. Мамё ноксьё печуркаын, нёкийён мавтё шаньгаяс. Ёвтыштё чоскыд нянь кёрон. Шоныд...

Зэр войт инмис киё... Руд ывлайс лои сэтшом муса. Ме тёда, оні гортын мамё пожалё чоскыд шаньгаяс – меным госьнеч вылло.

* * *

Жырыйн пемыд... Лёнь. Сёмын сьёлёмлён тіпкёмыс гусьоник торкё тайё лёньлунсо... А кёнкё олё мёд морт, коді тадзи жё куйлё и мёвшпалё. Кадыс пыший-котёртё, он ньёжмёд, он сувтёд колана здукё. А мый ме удиті? Да и мыйта на колё вёчны, кольны ассызд пас олёмас. Восьтны сьёлём муслунлы, пыдіа апыштны сынёдсө и гёгөрвоны – ме шуда. А, гашкё, ме радейта нин... Гуся нюм мыччысыліс и сюся бёр дзебисис пыдіо, сьёлём... Гашкё...

«Игра судьбы, а не ума...»

Разговор о литературе молодых нашей республики начну с известной истины: искусство требует судьбы. Если талант не отдаёт «своей крови», то он как бы останавливается в своём развитии. Внешние находки не могут скрыть отсутствия глубины. Тайны слова открываются живому сердцу. Начинающие авторы обычно сосредотачивают внимание только на внешнем оформлении произведений, что частенько приводит к вычурности речи. Им кажется, что, чем необычней, тем индивидуальней. Порой им просто не хватает опыта делать внутренние открытия, связанные с жизнью души и духа. Плохо, когда это и не ставится, как задача. Внешнее принципиально становится важней внутреннего.

Попытаюсь объяснить разницу между внешним и внутренним в литературе ссылкой на авторитет известного русского поэта Алексея Прасолова, в одном из своих писем он рассуждает о природе поэзии: «А.С. Пушкин сказал о повестях Павлова: есть близорукость французских романистов в описании. Этим загромождены и современные стихи: ведь описывать даже образно – куда легче, чем образно мыслить и чувствовать... Как-то Пушкин привёл пример. Один человек, желая передать быстроту езды сказал, что шпага его, высунувшись из кибитки, стучала по верстовым столбам, как по забору. Современный пиит ухватился бы за это, как за находку, а Пушкин, отдав должное броскости образа, всё же назвал это «игривостью воображения» – и только».

Думается, что литература ценна совсем не броскостью образов. Их можно придумать, а вот строки «Я вас любил, любовь ещё, быть может...» надо прожить, чтобы написать. Внешнее в них сведено к минимуму, но «аскетизм» метафоричности оказывается глубже «игривости воображения». В чём тут дело? Приведу стихотворение московского поэта, сотрудника журнала «Литературная учёба» Максима Лаврентьева:

Не говорите о поэте,
Пока он жив, что он велик.
В посмертном ультрафиолете
Подделка выявитя вмиг.

И то, что возбуждало толки,
Поднимут грубые на смех.
Границы видимого тонки
Лишь для немногих, не для всех.

Но даже слабому поэту
Не говорите колких фраз –
Великолепную поэму
Он пишет, может быть, сейчас.

Ведь что такое вдохновенье,
Как не изменчивость сама,

Случайных звуков столкновенье,
Игра судьбы, а не ума.

Последняя строка мне кажется знаменательной. Именно «игра судьбы, а не ума» рождает поэзию. И, возможно, даже оправдывает её перед Творцом. «От чистоты произнесения зависит и души спасение». Предлагаемая подборка молодых литераторов Республики Коми, пишущих на русском языке, выстраивалась именно по этому принципу. Во всяком случае, «чистота произнесения» и «игра судьбы» были критериями отбора.

В своих лучших стихах Елена Кепплин, Инга Карабинская, Дарья Снегирева, Елена Поваркова и другие молодые поэты хотят говорить о невыдуманном, настоящем, не скрываются за словесными нагромождениями. Именно это привлекает в их творчестве.

В прозе Сергея Козлова ещё в какой-то мере чувствуется влияние Владимира Маканина, но перо молодого автора становится всё твёрже и уверенней. Пока он достаточно аморфно формулирует проблематику своих произведений, но уже имеет неплохую творческую интуицию, помогающую справиться с композицией повести, не перегрузить её авторскими сентенциями, экскурсами, не работающими на идею деталями и подробностями. Но главное – он хочет не столько выдумывать, сколько открывать себя в себе.

Взгляд мой, конечно, – личный. Отмечу ещё одну деталь, писатель порой не только проживает сказанное, он за него и расплачивается. Эту ответственность представляемые молодые авторы в большинстве своём понимают.

Каждого настоящего поэта, когда его рукой и сердцем движет Небо, «далеко заводит речь». Напомню стихотворение Дмитрия Фролова:

Моя любовь над пропастью скользит
по тоненькой и звонкой паутинке,
в случайной толчее пустых обид,
сама с собой в задорном поединке.
Весёлый и смешной эквилибрист,
скользит она, отважна и воздушна,
и солнечная прясть, как жёлтый лист,
топорщится упрямо на макушке.
К ней белые болонки-облака
боками льнут доверчиво и влажно...
Когда любовь настолько высока,
поверьте мне, упасть совсем не страшно!

Кому-то в своё время его строчки могли показаться удачными образами – «игрой ума». Увы, оказались – «игрой судьбы».

Андрей Попов

«Ждёт рожденья крыло живое...»

Елена Кепплин (Сыктывкар)

Прогулка с Григорием

Медведя дочь зовёт по-взрослому – Григорий,
В пластмассовых глазах круглится интерес.
Шагаем вдоль реки, впадающей не в море,
Насколько видно нам, она впадает в лес.

Матерчатая плоть не слышит голос крови,
Но слышит голоса людей, воды, берёз.
Мы говорим о том, как днём ходили к Вове,
Над ним лежит листва и тишина до слёз.

Там, ельник впереди, вечерним небом дышит,
В игольчатую тишину несём переполох.
И Ксюша занята подбрасыванием шишек,
И, может быть, одну из них поймает Бог.

«Поймаешь – отпусти, в ней тоже много жизни
И влаги, и семян, зачем ей высота?..»
Идём домой – малы и в сумерках эскизы,
Нам светит береста и тёмный штрих моста.

Над всхлипами реки он замер, прям и прочен,
Привыкший к берегам, как к бережным рукам.
И прошлое длинней, а путь домой короче,
Я тихо говорю: «Не надо плакать, мам...»

Что – память? Как забыть о том, что человека
Переживает вещь, его игрушка, мать...
Григорий цел и юн, ему всего полвека,
Он знает, как на жизнь глаза не закрывать.

Жертва

*Милости хочу, а не жертвы
Мф. 9, 13*

Малышу два года, его крестили
Год назад – в палате, где он умирает.
Неужели, Господи, Ты бессилен,
Или в Царстве ангелов не хватает?
Его руки белые, словно зимы,
Их бинтами привязывают к кровати.
Через иглы, что с телом неразделимы,
Льются реки временной благодати.

Ты же милости хочешь, не жертвы, Боже!
Ну, должна же быть у Тебя причина,
Чтоб лежал он кротко и так похоже...
Но ведь он – дитя, а Ты был мужчиной.

В коридоре в ящик из тёмной жести
Жертва храму влетает монетой звонкой.
Только вера слабее не станет, если
Не построить храм. И спаси ребёнка.

* * *

Повторяю, как «Отче наш»,
А иначе с душой не справиться:
Не поделишься, всё отдашь –
Что потом у тебя останется?

Всё, о чём я просить могла –
Перед ликами и лекарствами –
Чтобы мама не умерла.
И теперь она в Божьем Царствии.

А тебя я прошу, родной,
Без истерик и многосложности –
Будь любовью моей земной,
И небесною, по возможности.

Засмотрелась на небеси,
Если проще – глазами по небу.
Ты хоть что-нибудь попроси.
Попроси у меня кого-нибудь.

Пегас

Всё сегодня в последний раз –
Боль, усталость, конюшня, лица.
День назначен и пробил час,
Я всю ночь превращался в птицу.

Всадник к шее моей приник
И, прощаясь с постылой твердью,
Я взлетаю, на краткий миг
Зависая над красной жердью.

Сброшен всадник, в руках узда,
Ищет хлыст в ожиданье бунта.
Он готов нанести удар,
Лиши копыта коснутся грунта.

Спину судорога свела.
Прочь, земляне и всё земное!
Ведь под мёртвым крылом седла
Ждёт рожденья крыло живое!

Рвётся плоть, но я боли рад,
Крылья – ввысь и подпруги – в клочья!
Бью копытами невпопад,
Привыкая к небесной почве...

Дарья Снегирева (Ухта)

Звезда

Звезде положено светить...
А если нет ни сил, ни света,
Зачем подмигивать планетам,
Блестящий сохраняя вид?..
Звезде сорваться бы, горя!..
И вновь – на грани угасанья,
Как смертник, – загадать желанье...
Стать чем-то вроде фонаря.

* * *

Не нервничать, не дёргаться, не плакать...
Он виноват – понятно и ежу.
Его заложит первая собака,
А я скорее душу заложу.
Хотя... куда ценнее нынче – тело.
Сошла с ума... Но – Боже помоги! –
Я, видимо, и правда бы сумела...
Затем лишь, чтоб вернуть его долги.
Избита, опорочена, распята
И – вечна! Это лучшая броня.
Читайте Достоевского, ребята.
И бойтесь – сумасшедшую – меня.

Мои стихи

Мои стихи – беспомощные дети:
Расхвалены – и даром не нужны.
Болтаются ночами в Интернете
И смотрят под шумок чужие сны.
Воспитывать что толку? Виновата –
Я с каждым не усядусь визави.
Мои стихи – нормальные ребята,
Родившиеся в муках и в любви.
И всё, чего от жизни мне хотелось, –
Собрать свою ораву наконец
(А также – за компанию – всю смелость)
И выдать: «Познакомьтесь – ваш отец».

Владимир Устюгов (Сыктывкар)

* * *

Читали молитвослов,
Читали и пели Блока,

Спасались от злобы дня:
Свечу на столе зажигали,
Следили, как вьётся огонь;
В родимой ночной тишине
О прошлом смеялись тихо,
В грядущее верили робко.

Вставали с утра спозаранку,
Писали рассвет на небе
И снова шептали Блока...

Куреньями облаков
Растаяли те мгновенья...

* * *

Новый Завет в кармане
Костром обожжённой куртки.
Лица угловатый контур,
Свечки усталый свет.

Чай на столе с вареньем.
Наверно, с давнишней малиной,
А в печке – гулкое эхо
Вчерашних с другом бесед...

* * *

Кошка прячет в лапы нос –
К холодам.
Натянулись во дворе
Провода.
Звёзды тусклые горят
В полутьме.
Утром изморозь и иней –
К зиме.

То озябнет под дождём
Голый сад,
То пушится над землёй
Снегопад,
И – окалиной калина горит,
И – рябины горький пламень рябит...

Елена Поваркова (Воркута)

* * *

Я когда-нибудь просто пойду...
Не в ларёк, не в сортир и не в бар, а так.
Свою первую пряжу спряду
Из дорог, сапогами неверный тakt
Отбью. И закатом напьюсь,
Покурю терпкий ветер мазутовый.
Ты не бойся, я только снюсь.
Тень от тени я. Просто «как будто».
И в подъезде чужом обниму
Радиатор, пушистый от инея.
Он и будет последний, кому
Прошепчу твоё детское имя я.

Нерождённому

...И такая сияет вокруг чистота,
До мурашек. И стонет, и мается.
И такая зияет внутри пустота...
А весна за окном улыбается.
А когда резал тело холодный металл,
Я смогла – губы в кровь, – удержала стон.
Но я, кажется, слышала, как ты кричал:
«Больно, мама, не надо, пожалуйста!»
Ты простишь... Но от этого только сильней
Власть моей пустоты.
...Помолись Ему
О таких же, как ты, и о чьей-то весне.
Бедный мой первоцвет. Мой единственный.

Максим Самарин (Сыктывкар)

* * *

А детство замерло сегодня поутру,
Когда ребёнок в покачнувшейся кроватке
Тепло и ясно зашептал: «Я не умру.
И завтра мы с тобой опять сыграем в прятки».

У колыбели, знаю, ангелов не счесть,
Над головою детской свет уже не тает.
Я из упрямства верю, что бессмертье есть
И что оно лишь после смерти наступает.

Город

Смотри, растут над нами краны,
а травы вымерли давно.
Земля залижет свои раны,
ей, как и прежде, всё равно.

И небо, горькое от дыма,
на нас прольёт свой горький дождь.
Ты – как земля – родишь мне сына
и не отпустишь, не уйдёшь...

Смотри, пройдут ещё мгновенья
и краны встанут ближе к нам,
и в духоте бездушной тленье
сойдёт с цветов к седым корням.

И я смотрю, как строит башни
new-вавилонский властелин,
а на руках в моей рубашке
беспомощно уснёт мой сын...

Семен Башкиров (Ухта)

* * *

Боже мой! Боль моя!
вздох ли печаль исторгнет?
Грешного сердца чаша
вновь до краёв полна.

Снова я продал Тебя
за тридцать монет без торга.
Всё изменяется в мире,
измене – одна цена.

Провинциальный поэт

Над рифмой звонкой не потеет,
А валит лес бензопилой,
И не стихами он болеет –
Своей таёжной стороной.

Порой тоскливой и вечерней,
С крыльца обозревая вид,
Убогой, но родной деревни,
Он выдохнет... и помолчит.

Инга Карабинская (Ухта)

Гёте

Фауст, оставьте занудство, Творцу не до Вас:
Пальцы не держат пера, исковерканы дрожью.
Ходит вокруг сада весна, а в груди – бездорожье
И половодье распахнутых девичьих глаз.
Что ваши игры в бессмертье, свободу души
Слишком легко потерять, не марай бумаги.
Поберегите же кровь для любви и для шпаги;
Фауст! Во имя всего, что нельзя заложить,
Слушайте, пейте же эту весеннюю высь,
Знаете, друг мой, в одном несомненно Вы правы,
Право влюблённых творцов – это высшее право.
Боже, спасибо. Мгновение, остановись.

Клавдия Костромина (Сыктывкар)

* * *

Мы поставили точку,
но она расплылась от упавшей слезы.

* * *

Я хочу стать тенью.
Меня все будут видеть,
но никто не почувствует.

* * *

На лампу сел светлячок.
Попытался засветить сильнее и сразу потух.

Эта Ворона

1.

В нашем дворе живёт Ворона.
Она начинает каркать с самого раннего утра
и голосит до позднего вечера с перерывами на обед и ужин.
Завтрака у неё обычно не бывает.
По выходным Эта Ворона начинает каркать на час раньше.
Весь двор страдает от неё.

2.

Однажды утром я проснулась от тишины.
От мамы узнала, что вчера вечером Эту Ворону подстрелили.
И все вздохнули с облегчением.

3.

Не прошло и недели, как наш двор начал вставать в разное время.
Разговоры на общую тему «Что же делать с Этой Вороной?»
исчезли, и...
Мы перестали разговаривать друг с другом.
Нам стало не о чём страдать.
Сталотихо и бессмысленно.

Дмитрий Сиротин (Воркута)

Воркута

Памяти о. Сергия

Здесь умирают молодыми,
О долгой жизни нас моля,
Но каждый день иное имя
Скрывает стылая земля.

А мы пищим под наши лютни
Про город «вечно молодой!..»
Но – всё на улицах безлюдней,
И всё теснее под землёй.

Сон № 2

А в полночь сходились тоска и страх,
И томно кружились в ритме дождя...
И таяли звёзды в мокрых руках.
Часы с кукушкой спешили, гудя.

И он дрожал, позабыв все дела,
Не верил, что эта ночь не навек.
Его любимая спицы брала
И что-то вязала – похоже, снег.

«Терпи, – говорила, – не пей до дна!
Уедем на юг – тогда заживём!..»
Но он-то знал, что уедет она
И очень быстро забудет о нём.

А дети уснули. Лишь чёрный кот
Устроил с хвостом своим круговерть,
И пела кукушка, что всё пройдёт...
Но разве кукушки умеют петь?

Алексей Фролов (Сыктывкар)

* * *

Когда я болею,
Я слышу,
Как растут деревья...

* * *

Мы рождены, чтоб звёзды собирать...
Кто собирает нас?

Десяточка

У Робинзона Пятого жил-был индеец Десяточка. Робинзон очень любил его. Он был маленький ростом, но очень талантливый, и мог с лёгкостью поддержать дискуссию по самым трудным вопросам.

Однажды печально сидевший на берегу в ожидании корабля Робинзон вопро- сил: «Почему люди не летают?» «Потому что пуля быстрее», – ответил Десяточ- ка. Он не мечтал, зато стрелять умел отлично.

Мария Игонина (Сыктывкар)

* * *

Сквозь пальцы время. Не держу.
Ни капли света. Не успею.
О чём молчала – не скажу.
Чем обжигалась – не жалею.

Одна возможность на двоих.
Одна мечта. Одна дорога.
Мы на краю. И ветер стих.
Одна любовь. И это много.

Сергей Козлов

Сергей Владимирович Козлов родился 9 января 1982 года в городе Микунь Усть-Вымского района. Окончил исторический факультет Сыктывкарского государственного университета. Работал в газетах «МК в Коми» и «Комсомольская правда». После армии продолжил службу в правоохранительных органах.

Участвовал в семинаре молодых авторов Республики Коми, публиковался в коллективном сборнике «Простые вопросы».

Не определился

Все, знаяшие Никиту, не могли понять, почему он ёщё не определился.

Сегодня это бывшие его одноклассники. Когда-то они разбежались, окончив школу. Кто куда в поисках лучшей жизни. И чтобы собраться, наконец, в кафе на вечере встречи выпускников. Достижения и статус – его главные темы.

Никита тоже пришёл. Он сидит и думает о том, что раньше они были просто моложе. Вот и всё.

Сначала скинулись на пиво и на кое-какую закуску, а потом понеслось. Разговоры, разговоры. Один, кажется, ничуть не изменился, другого совсем не узнать. Тут же и одноклассницы, вполне милые дамы, солидные. Вот Наташа: на уроках у Никиты с ней была долгая переписка, где он не раз признавался в любви, а она ни разу. А у Ани муж работает в строительной фирме. Скоро у них будет свой дом за городом. Небольшой такой, двухэтажный. Район известный, считается элитным.

– Не в деньгах счастье, – шутит кто-то, кому похвастать вроде нечем. – Гляньте на Никиту, – и все смотрят на Никиту. – Перед нами человек, которому вообще ничего не нужно.

– Уметь надо, – смеётся Никита. Он сейчас очень удобен для всех. Обсуждая его, можно обойти свои проблемы.

– А всё-таки, ты чего до сих пор не определился? – спрашивает не важно кто, озвучивая то, что в воздухе витает.

Никита честен с ними, со всеми. Он пожимает плечами: мол, не знаю. Повисает пауза.

Они-то определились в своё время. Кто-то сделал это лучше остальных, кто-то не очень. Но все они – на виду. У каждого в жизни присутствует некая определённость, её можно оценить.

Кто-то советует ему быть пошустрее, пошевеливаться, так сказать. В ход идут

конкретные предложения – мол, есть кое-какие «проекты», где сейчас можно неплохо заработать.

Никита вспомнил, как они ещё в школе всерьёз спрашивали друг друга: кем ты хочешь быть по жизни? Были удачные варианты судеб, были и средние, но неудачником (хоть такое и не произносилось вслух) не хотел быть никто.

Не определился... Никита примеривается к заветной фразе.

В своё время он поступил на филологический факультет – легко, потому что литературу любил. Никита никогда не делал того, чего не хотел. Когда ему учиться разонравилось, Никита ушёл честно. Со справкой о неполном высшем образовании он вышел из университета в замечательном настроении и устроился в продуктовый магазин грузчиком.

– Я похож на человека, который не определился? – спрашивает Никита.

– Вы? Нет, – отвечает ему официантка, убирая со стола, за которым один Никита и сидит.

А ушли все потихоньку. Кто-то покурить выходил, а потом не возвращался. Кто-то знакомых в кафе встречал и, извинившись, отчаливал. Некоторые молча в туалет, откуда сразу на выход. Деловые, взрослые люди.

Официантка – простая, милая девушка, и Никите явно нравится. Он пытается помочь ей с посудой и вопрос прямо в лоб задаёт.

– Вы замужем?

– Нет, а вы женаты?

– Тоже нет. А с мужчинами встречаетесь?

– Что значит – встречаетесь?

– Ну, встречаетесь периодически?

– Надо же, какое слово. Периодически. Нет, регулярно.

– Регулярно – это хорошо. Вы ведь здесь работаете?

– Да, периодически.

– Меня Никитой звать, если что.

– Обязательно.

– Катя! Хватит болтать! – кричат ей откуда-то из подсобного помещения.

Простая, милая девушка Катя уходит.

«Не определился», – повторяет про себя Никита, выходя из уютного кафе в зимний субботний вечер. На дворе февраль, тротуары припорошены снегом. Вокруг снуют прохожие, куда-то стремятся и знают, чего хотят от жизни. Они смирились с прошлым, они надеются на будущее. В общем, они тоже определились.

Сидящие за столом люди невеселы, мрачно жуют они пищу, которая достаётся с трудом.

Мать всю жизнь у плиты, потому что повар. Отца Никита не помнит. А тот тип, что за столом сегодня, – так это отчим. Он шофёр до мозга костей, крутит барабанку с юности. Школьники Артём и Танюша – шофёрские дети, подростки-иждивенцы. Отчим как-то по-особому вырулил, возложив на Никиту немалые надежды. Благодаря стараниям шофёра, они сегодня ужинают молча.

– У тебя сколько денег? – всё же спрашивает отчим Никиту. Пустая болтовня шофёра не колышет, его интересуют только факты, цифры.

– Вот что я хотел бы сказать тебе насчёт денег, – достаёт Никита кошелёк и отчиму протягивает. – Всё, что ни найдёшь, всё твоё.

— У тебя же и брат, и сестра... — приговаривает отчим, выгружая кое-какую наличность из кошелька.

Неожиданно за Никиту вступаются.

— А кто это у нас вчера на рогах пришёл? — косится злобно на отца Артём.

— Кто это съел котлеты, которые для всех? — вспоминает Танюша и чуть ли не плюёт ему в лицо.

— Молчать! — кричит шофёр. — А ну пошли вон, черти неблагодарные.

Вот и поужинали.

Никита с матерью знают, что от разговоров пустых толку не будет. Поэтому Никита уйдёт. Он знает, куда идти, доставая из шкафа чемоданчик.

— Бабуле привет от нас передавай, — говорит мать, зная, что через полчаса Никита у Марьи Сергеевны будет, у мамы её. Для Никиты тамошний диванчик старенький родным стал. И на работу оттуда ближе.

— Давай определяйся, а то ни туда, ни сюда, — говорит отчим вкрадчиво, выходя на проводы. Он не мог не сказать, не оставить за собой последнего слова.

«Не определился», — думает Никита на улице, застёгиваясь плотнее. Бабуля живёт неподалёку. И вот он уже видит на первом этаже тёплый свет в окне Марьи Сергеевны. Скоро ночь, а за ней новый день придёт-начнётся.

— Никитушка, поможешь мне сегодня продуктами запастись? — подключает Марья Сергеевна к своим заботам Никиту, только тот глаза открыл.

— Не вопрос, бабуля! Только давай сначала чай попьём, — предлагает внук, зная, что для бабули это тоже не вопрос.

Набравшись сил на кухне, Никита собирается на улицу и одевается потеплее. Прогноз погоды сегодня особенно душу не греет. Марья Сергеевна облачается в любимые валенки-вездеходы и чёрную шубу. С санками они выходят на улицу, в бодрящий февральский морозец. Под ногами хрустит у людей, бредущих за хлебом наусущным. Продуктовый магазин, торгующий пенсионерам по оптовым ценам, расположен неподалёку. Яркое солнце слепит, отражаясь в снегу.

Марья Сергеевна затаривается основательно. Никита, стоящий рядом с оконком выдачи, только успевает складывать на санки. Но все коробки с консервами и мешки с мукой-сахаром не умещаются на санках. Договориваются, что Никита утащит одну партию домой и мигом вернётся. А Марья Сергеевна будет оставшийся продуктовый набор сторожить.

За поворотом он немного дурачится, пытается скорость в движении развить, но чуть не переворачивает всю провизию. Это рискованно, кругом бродят бичи. Если начнёшь едой разбрасываться, придётся жёсткую оборону держать. Но материться не пришлось. Первая партия — в бабусиной штаб-квартире. Таков Никита. Марья Сергеевна в нём покойного деда Алексея узнаёт. «Ох, худой-то какой», — думает она, когда Никита с пустыми санками к магазину возвращается.

— Ты, Никитушка, слушай меня очень внимательно. Ты эти два мешка попрёк клади, на них коробки две, а сверху самый большой мешок. Всё это дело перевяжи хорошенечко, — командует бабуля Никитой. Тот повинуется, без комментариев.

После обеда, развалившись на диване с какой-то книжкой, Никита вдруг понимает, почему он ушёл из университета. Имело место давление – то ли со стороны преподавателей, то ли однокурсников. Так и так – проблемы с мотивацией, говорили они. И всё чаще невидимый хор спрашивал у него, почему он ещё не определился? Тогда дело касалось учёбы: все решили, что продолжать её Никита не намерен. Но каким коварным эхом прозвучал этот лейтмотив буквально вчера – на вечере встречи школьных друзей.

– Как считаешь, я определился в этой жизни или нет? – спрашивает Никита у бабули за ужином.

– А надо ли? – отвечает вопросом на вопрос Марья Сергеевна. Когда они смотрят фильм по телевизору, становится легко на душе у Никиты.

Определился... Не определился... Суть вопроса забывается, где-то на полпути теряется.

Он не большой и не маленький, этот продуктовый магазин, где Никита работает грузчиком. Равнодушным взглядом провожает он покупателей, сбитых с толку богатством ассортимента. Да, надо признать: люди едят много, любят поесть. Что взрослые, что дети, у которых тоже глаза разбегаются.

Никита, впрочем, не удивляется. Не открытие. Это нормально. Это определённо естественно. Питание есть питание, чему удивляться.

И продавцы как продавцы – весёлые и простые бабы с нарумяненными щёками и мясистыми руками. С ними пощутить можно.

– Иду я по магазину и вижу картинку, которая мне подсказывает, что, быть может, в нашем продуктовом раю чёртов пришелец. Вот это маркетинг! Но потом я говорю себе, что это зад Ольги Петровны, и не верю сам себе. Не может быть! А подхожу ближе – нет, то самое...

Ольга Петровна уже давно поднялась с колен и слушает Никиту, сунувшего руки в карманы зелёного комбинезона. Продавцы Никиту любят и относятся к нему как к сыну.

Как-то он принёс целую гору круглых сыров в молочный отдел.

– Лот номер один. Грудь Ирины Леонидовны – наливная, необъятная, по выгодной цене. Стартовая цена – один миллион рублей. Покупай, разбирай, – тараторит Никита, складывая круглые сырные головки на полку. Продавец Ирина Леонидовна прыскает со смеху и бьёт его меж тощих лопаток: иди отсюда.

Никита убегает в винный отдел. Там он застукает Наташку Иванову на месте преступления, указывая на некоторые бутылки, из которых бессовестная продавщица, если не отпила, так слила кому-то и бог знает за какую цену.

Да, весёлый народец, эти продавцы. Долго же они над Никитой смеялись, когда отправили на улицу ждать фуру. Та должна была с минуты на минуту подъехать к магазину для стандартной разгрузки. Якобы.

– Никита, разгони бичей. Они уже стоят там. Сам знаешь, нам такие помощники не нужны, – выложили предлагаемые обстоятельства продавцы.

Исполнительный, вылетает Никита на улицу. Как бы он не смеялся над женщинами, он должен их слушать. Они – продавцы. Они дают ему работу, за которую он получает деньги. «Моя работа, мои деньги», – думает Никита и под-

ходит к группе людей, стоящих небольшой компанией на заднем дворе. За спиной Никиты родной магазин, отступать некуда.

– Мужики, расходитесь. Делать здесь нечего.

Комбинезон не греет, холодно. Никита хочет уладить проблему как можно быстрее. Он уверенно подходит к ним и своими длинными руками пытается с площадки насиженной выдавить.

– Не понял, – говорит один из мужиков, глядя на полураздетого парня.

– Давайте-давайте, валите, – настаивает Никита, несколько сбитый с толку. Мороз покусывает щёки и тонкие его пальцы. Он уже торопит. – Так, рассасывающиеся, мужики. Сказали же – фуры не будет.

– Ты чего? – вопрос искренний. Мужик начинает действовать. Про себя он думает: уму-разуму научу, да и только. Он крепко держит за раскрытый комбинезон Никиту, которого тем временем окружают остальные. Парень, наверное, того. Пора лечить.

«Может, это и не бичи вовсе», – думает Никита, когда его начинают трясти сильные мужские руки...

Потасовку с местными шоферами прервали на самом весёлом месте продавцы, выбежавшие из магазина. Женщины на ходу раскрывают Никите весь замысел злой шутки. Не бичи это, а обычные мужики, нормальные. За что ты их так, Никита?

Жил Никита, как и прежде, у бабули. Она им, конечно, помыкала, как могла, но прочно не гнала.

– И куда вся еда уходит? – не могла понять Марья Сергеевна, накладывая ему котлет, а потом блинов к чаю. И тут же рядом подсаживалась, чтобы проследить дальнейший путь этой самой еды, таинственно исчезавшей где-то внутри Никиты.

У Марьи Сергеевны спокойное лицо. Глядя в её ясные глаза, кажется, что ей наплевать. Наплевать буквально на всё. Её характер от мужа, от покойного Алексея. Говорят: одним целым были. Так это про них. У них так всё и было.

Помнится, была осень, конец октября. На улице грязь такая, что зимы хочется всем без исключения. Если не вечер, когда темно и дождь невидимый моросит, а день ясный, то Алексей в окно смотрел и вздыхал. Соучастовал.

Из старенького радиоприёмника, наверное, звучал «Маяк». Непонятно что увидевший на улице дед Алексей опустил голову на руки, лежащие на подоконнике, и уснул. Навсегда.

Когда его хоронили, Никита обратил внимание на спокойное лицо Марьи Сергеевны. Бросая ком земли в могилу, он не мог избавиться от мысли, от подозрения, что старики давно сговорились между собой – как вести себя, если один из них первым на небеса отправится. Невероятно.

А иногда странные вещи случаются прямо на улице. И тогда мы спрашиваем себя тихо: случай? Чтобы тут же шепнуть: он самый. С замиранием сердца.

– Никита, тебя отчим ищет! – выдыхает мать с порога. Вид у неё такой, что не до подробностей. Дыхание сбилось. Видать, бежала. Один бок в снегу – значит, падала.

У Никиты с отчимом давно разногласия, на личной почве. Зачем его шофер ищет, не важно, такое бывало и раньше.

Никита давно так быстро не одевался.

Вылетая в подъезд, он прикидывает маршрут. Подальше от шоферского интереса. В подъезде натыкается на Артёма с Танюшой. Пришли предупредить.

– Он уже близко, Никита. Только спросил, где ты, и сюда, – нагнетает Артём.

Конечно, после этих слов Никита вылетает на улицу пулей. Там, чуть не столкнувшись с отчимом, и вовсе думает, а не кино ли всё это?

Разворачивается на 180 градусов от непредсказуемого отчима и бежит прочь со двора. Шофер за ним, да ещё кричит: стой, Никита, стой! Погоня начинается.

Есть известное выражение: только пятки сверкают. В кино можно было бы показать бегущие ноги в кроссовках. Ощущение такое, наверное, что очень быстро бежит этот парень, не на шутку удирает. Закадровый голос? Обязательно! Он кричит: стой, Никита, стой!

Так мог бы начинаться какой-нибудь фильм. Несмотря на стандартное начало, фильм был бы неплохой. В нём была бы динамика. Вот бегут два человека – один за другим по оживлённым улицам города, где-то поскользываются. И первый, так сказать, убегающий, на нерасторопных прохожих натыкается. Извиняется на бегу перед женщиной с авоськой, перед матерью-одиночкой с коляской. В кино это вполне возможно. В кадрах знаковые вещи: городская жизнь в час пик, шум, русские лица. За Никитой отчим все ещё гонится, не отстаёт. Можно было бы обратить внимание на то, как он срезает, компенсируя свою медлительность. Опытом берёт, а не рвением. Но оба бегут без остановки, иногда прыжком по проезжей части, нарушая правила движения...

Уставший Никита (не герой фильма, конечно) влетел в некое заведение. Оно попалось ему навстречу случайно. Никита не сюда бежал, он бежал мимо, от отчима. Первым делом он пытается восстановить дыхание. В висках пульсирует тягучая кровь. Против воли своей Никита упирается руками в колени, склонив голову.

– Вам плохо? – спрашивает кто-то. (В погоне возник неожиданный поворот.)

Перед ним Катя. Он немного удивляется, что вспомнил её имя, так быстро. Катя тоже его узнала, она по-прежнему официантка, которая работает «периодически» и как раз сегодня. «Почему, собственно, мы встретились?» – думает Никита и дышит всё ещё неровно: после пробежки и к ней, разумеется.

– Мне хорошо, Катя, – говорит он.

– Надо же, вы помните моё имя, – удивляется она. – А вы тот самый, что не определился? Никита, кажется?

Никита кивает. Оба они сейчас ходят по краю, когда вот-вот могут сорваться вниз от случайного слова.

– И часто вы так бегаете, Никита? – Катя говорит голосом человека, который не в курсе, что погоня. Она оказалась на минуту сопричастной тому, что происходит в его жизни. Что-то неуловимое, неизвестное, что-то, о чём только догадываться можно.

– Да не так, чтобы часто...

А потом к Никите с Катей подошёл ещё один заинтересованный человек. Это отчим Никиты. Но в кафе он зашёл обыкновенно, зная, что Никита от него теперь никуда не денется. Он аккуратно втискивается в их разговор.

— Ты чего убегал от меня? — просто спрашивает отчим.

— Не знаю, — пожимает плечами Никита, по-прежнему глядя на Катю. — Я тут один фильм вспомнил. Там всё точно так же было. Я и побежал...

Катя улыбнулась: не изменился. Такое только с ним могло приключиться. Смешно. Никиту её улыбка успокоила, он повернулся к отчиму.

— Что надо? — не мог не спросить Никита, на землю возвращаясь.

— Мне-то? — удивляется отчим. Пауза. Он ищет слова подходящие, понятные слова. — А я хотел бы, чтобы ты домой вернулся, — выжимает из себя шофёр, для которого Катя человек посторонний.

Но Катя рядом, а раз она рядом, то свидетель. Слова при ней звучат весомо, убедительно. Поэтому шофёру кажется, что, пожалуй, можно сказать и глубже, не стесняясь.

— Мы же семья, как никак, — говорит отчим и на выход поворачивается. Уставший, седой на всю голову человек с крепкими жилистыми руками. В своё время он сидел, а за что, не рассказывал.

Никита собирается пойти следом, но почему-то медлит и чего-то ждёт. «Я тону», — думает он.

— Забегай ещё, Никита! — спасает его Катя. С этой минуты Никита будет ещё долго держаться на плаву, благодаря её словам, обычновенным словам, которые не дадут пойти на дно.

— Обещаю! — кричит Никита и плывёт дальше, и уверенно загребает навстречу волнам.

Какие всё же странные вещи иногда случаются прямо на улице. Чуть отстав от шофёра, он спрашивает себя тихо: «Неужели случай?»

«Он самый», — неслышно шепчет она, принимая очередной заказ. С замиранием сердца.

«Вот и зима прошла», — подумалось Никите по дороге домой. Был апрель. Из магазина его отпустили пораньше. Он шагал с авоськой продуктов, а порывы ветра надували его широкие штаны, скрывая худобу ног.

Огромное солнце, тупой жёлтый блин, обрушилось на головы прохожих, заставляя снимать ненужные шапки. Никита расстегнул верхнюю пуговицу, отмотал шарф (как снимают, бывает, повязку с давно зажившей раны — чешется) и спрятал его в карман пальто. Весна, о которой говорили всё чаще, её так ждали, а пришла — и застала врасплох с потными ногами в зимних ботинках и в зимнем же пальто, тяжёлом, когда несёшь его в руке наперевес.

Никита шёл домой. Уже месяц как он жил в семье, где старые обиды не вспоминали, а денег хватало. Собираясь за ужином или перед телевизором, они старались быть вежливыми и аккуратными в общении друг с другом. Артём с Танюшой готовились к выпускным экзаменам, было решено: после девятого класса их ждёт профессиональное училище, где они получат «хлебную» специальность и пойдут работать.

Так вот. Одним откровенно весенним днём шёл Никита с работы и был уже близок к дому, когда навстречу ему попался бывший одноклассник. Один из тех, кто был на вечере встречи выпускников и донимал Никиту, почему тот не определился. А зовут его Вовка Шишкун. В белой рубашке и кожаной куртке, обтяги-

вающей крутые плечи, он уверенно шагнул к Никите и, пожав руку, спросил, долго ли ещё сидел в кафе тогда.

— До конца, — ответил Никита. — Когда все разбежались (и ты в том числе), я один остался, а потом тоже ушёл. А у тебя как дела?

— Да никак, — и начал нести какую-то чушь о том, как он продаёт запчасти.

Никита подумал: «Интересно, как он ведёт себя с женщинами? Наверное, самоуверенно насвистывает, когда расстёгивает ширинку, нежно шепчет что-то в доверчивое ухо, заваливая в постель».

И всё это посреди тротуара рядом с оживлённой автобусной остановкой, и Шишкин, неся какую-то ересь, всё наступал на Никиту, а тот пятился.

— Слушай, извини, мой автобус... — выдохнул Никита неожиданно.

— Давай, счастливо, — успел сказать Шишкин.

Никите пришлось-таки сесть в автобус и заплатить, уезжая от провожавшего Шишкина и от своего дома, до которого всего-то сотня шагов, а ведь не дошёл. И тут же пожалел, что иначе не получилось. И тут же стыдно стало: вот, мол, человек, с которым когда-то вместе учились, человек, с кем вместе бегали в магазин за пирожками на перемене, и ещё много чего было. А нынче не интересен.

Куда подевалась та лёгкость общения, когда они в самый разгар выпускных экзаменов почти всем классом стекались к городскому пляжу. Купались, да и выпивали. Чего греха таить, ведь знали, что сдадут все — кто как, в зависимости от умственных способностей. Пили все, даже тихая Наташка, которая тёплым июньским вечером не раз и не два давала себя поцеловать. А сейчас от всего этого не осталось ничего, кроме воспоминаний, которые нахлынут словно ветер, и видны блестящие капли на её гусиной коже. Что делать с этой памятью, Никита не определился.

И проехал три ненужные остановки. Выйдя в приличной стороне от дома, Никита приуныл: зря потерянное время. Он вернулся домой с упущенными по дороге настроениями.

Впрочем, Никита всё же помог матери: начистил картошки, выбросил мусор, пропылесосил квартиру. А после ужина с грустью разложил кресло-кровать, не обращая внимания на школьников. Те мирно делали шпаргалки и мечтали о том, чем займутся, когда уйдут из школы, где всё достало (как выразился Артём).

— Сейчас очень важно выбрать правильную профессию, — втолковывал он сестре. — А то, как отец, сядешь на стакан и... — беззвучно (про себя) матерился Артём.

Вытянув ноги, Никита вспомнил Шишкина. Семьянин, есть жена и ребёнок. О чём он думает, когда ложится вечером спать? Неужели так же размышляет, и те же мысли не дают ему спать? Или принимает себя таким, какой есть. Он выглядит так, будто что-то знает. Неужели определился?

Наташку Иванову уволили. Потому что винный отдел всё-таки не мини-бар, где можно отливать и разбавлять. Заведующая вызвала её на серьёзный разговор и спросила, почему у той глаза красные. А до этого кто-то написал в книге жалоб и предложений, что от продавщицы несёт. Бедная Наташка, кому-то было дело до её перегара. Вот так.

Лена по кличке Намётанный Глаз, обосновавшись в винном отделе, быстро влилась в коллектив и положила свой намётанный глаз на Никиту. Он сразу это понял. Та поманила его острый красным коготком и спросила: где бабу потерял? Вопрос прозвучал едко. И не дав Никите опомниться, больно ущипнула за ягодицу.

– Не пиши! Тебе сколько лет? – Лена по кличке Намётанный Глаз была простая как валенок, своя в доску. – Коробки в зубы и пошёл!

А после того как вытащил во двор пустую тару, Никита испытал самый настоящий стресс: Лена зажала его в узком коридоре.

– Надо же, отзывается, – пробормотала она, запустив руку между ног, где мгновенно откликнулась плоть.

С тех пор Никита регулярно натыкался на Елену. Оправившись от первого шока, он пытался договориться с ней, жаловался, что подрывает его авторитет в магазине, что он ещё не определился, нравится она ему или нет. Надо ближе познакомиться, и всё такое.

– Ты как баба, – говаривала Лена, щупая его в тесных подсобных помещениях.

Жизнь и так непредсказуемая, а тут ещё эта Лена, наглая как танк. Никите стало грустно. Он не против секса, и мог бы даже с Леной. Но ей не хватало какой-то цивилизованности что ли. За спиной Никиты продавщицы улыбались. Чувства его были нещадно растоптаны, а загадочность Лены только подливала масла в огонь. Она уклонялась от серьёзного разговора и обращала всё в шутку.

И мешала Никите работать! Когда приезжала фура, и надо было её разгружать – быстро и практически без отдыха, Лена Намётанный Глаз давала понять Никите, что она сегодня без лифчика. Забыла дома, мол, весна и всё такое.

– Я сама не своя, – говорила она, нагнувшись вперёд, явив взгляду большую, с упругими сосками грудь.

Растерянный, прислушиваясь к смутному шевелению в штанах, Никита порой не понимал, что и куда он несёт. Если раньше у него на складе была система, а продукты лежали на своём месте, то после нашествия Лены, он, бывало, два часа искал какую-нибудь мелочь – вроде кофе или ананасов в сладком сиропе.

В минуты отдыха ему приходилось слушать глухой шёпот Лены. Орудяя зачем-то в его ухе языком, она играла на нервах. Никита был растерян и подавлен. Подумывая о том, а не дать ли ей с размаху в челюсть, он прикидывал, как выйти из этой ситуации. Но так, чтобы не проиграть.

Дома не хотелось ни с кем разговаривать. Благо, мать с Танюшой ушли в гости, а отчим с Артёмом бурно обсуждали на кухне какие-то свои дела. Была проблема. Какой-то отчаянный тип задолжал шоферу за солярку. Отчим периодически сливал её. В семье знали, но в «бизнес» не лезли. Договорились так: ты торгуй, раз уж нравится, но если будут проблемы, то это твои проблемы. Отчим согласился, для него всё это было как возвращение в молодость –дикую, с криминальным душком.

– Такой худой и кудрявый? – уточнял отчим у Артёма, который заприметил должника где-то на улице. – В спортивном костюме? – Артём кивал, предвкушая жестокую расправу. – Всё. Он у меня сейчас получит. Он, знаешь, как крыса где-то прятался и вот осмелел. Всё, допрыгался.

Вышел покурить. Затем, кряхтя и кашляя, полез в свою кладовку, где у него хранились инструменты: тяжёлые гаечные ключи и монтировка порой могли служить отличным средством воздействия на всяких безголовых.

— Ещё можно подшипник в кулак поместить для утяжеления удара, — советовал Артём с дельным видом.

— Он у меня сейчас получит, — приговаривал шофер, надевая свои грязные рабочие ботинки. Наконец, ушёл.

Там, на улице, он был как рыба в воде. Его прекрасно знали мужики, живущие в этом районе. Те, что летом в домино рубятся и периодически соображают на троих, четверых, пятерых. Никита с Артёмом за шофёра не беспокоились.

Никита призадумался над этой историей. Вот шофер «рулит» по жизни, и ничего ему от этого не делается. Ну, обсудит немного с окружающими, но не «грузится». Может спокойно смотреть телевизор, забыв, что совсем недавно был некто (даже имени его не вспомнить), получивший где-то в гараже монтировкой по голове. Никита до того призадумался, что вдруг вспомнил про Лену Намётаный Глаз.

— Она у меня сейчас получит, — чуть не сказал Никита, однако тоже засобирался.

— Ты куда? — поинтересовался Артём.

— Прогуляюсь. Есть презервативы? — спросил Никита. Он знал, что у Артёма они есть.

Никита направился в магазин. Как раз должна была закончиться её смена. Он решил, что не будет её уговаривать, не будет с ней церемониться. Раз уж ей хочется, то она получит своё. Придётся попотеть, но что поделать, надо постараться. Чтобы удовлетворить Елену, нужно быть настоящим спортсменом.

— Ты всё? — спрашивает он её, когда та выходит из магазина. Она кивает, несколько удивлённая его появлением, присутствием, его тоном.

— Ты зачем пришёл? Разве у тебя не выходной? — спрашивает Елена. Никита засомневался: а не пронюхала ли?

— Да, делать нечего. Вот решил тебя встретить, проводить до дома, — говорит Никита и не даёт ей опомниться. — Ну что, пошли. Я смотрю, ты сегодня такая красивая, цветущая. И как будто даже не устала, настолько лицо у тебя весёлое.

— Опыт не пропьёшь, — говорит она поношенную фразу.

«Какая же она тупая», — думает Никита, но предлагает ей под ручку пройтись. Хорошо, что она живёт неподалёку. Такой цирк, если вдуматься.

— А мы с тобой неплохо смотримся. Я высокий, ты... чуть пониже. Мы с тобой запросто бы снялись где-нибудь в кино. В постельной сцене, например.

— Ты чего сегодня такой активный?

— Просто я тебя давно не видел. Думаю, как же ты без меня в этом душном магазине, где и поговорить-то не с кем. Боже мой, Лена, я без тебя жить не могу, ты мне так нужна, даже не представляешь. Вроде у нас отношения и сложные, но мы же просто созданы друг для друга, — выпалил Никита. Лена всё это время кивала головой с какой-то непонятной ухмылкой. Никита продолжал: — Знаешь, Лена. Нам надо с тобой жить сегодняшним днём. Ведь так и жизнь пройдёт, а мы с тобой так ни разу и не... Мне так хочется, чтобы ты была счастлива. Подарить тебе всё тепло моих рук, — как будто даже не своим голосом сказал Никита и ещё

хотел добавить, что на всё готов ради неё, но потом подумал, что лишнее, учитывая её барские замашки.

Лена улыбнулась, и такие симпатичные ямочки появились у неё на щёчках, что Никите она в какой-то момент даже понравилась. «Это хорошо, это пригодится в деле», – подумал он. Подошли к её дому.

– Ну что? Поднимемся, и ты угостишь меня чашечкой кофе? – всё тем же странным голосом предложил Никита. Та помычала в ответ, раздумывая. Потом, видимо, всё сошлося, и она даже обняла его за талию, приглашая: давай-давай, заходи.

Поднялись к ней в трёхкомнатную квартиру старой планировки, не то чтобы просторную, но жить можно. Никита снял ботинки и, спросив, где ванная, пошёл помыть руки. Там он глянул в зеркало, чтобы запомнить себя в этот по-своему исторический момент. Прикинул, сколько, оказывается, в человеке потаённого и сколько барьёров, которые – всего шаг – легко переступить. Потом он вспомнил, что в чужой квартире, и стал осматривать ванную. Среди грязного белья виднелись чёрные носки, семейные трусы; всё перемешалось с лифчиками, джинсами и детскими колготками. На полке дружной компанией стояли шампуни, в мыльнице разноцветные кусочки, ещё мокрый помазок.

Он поспешил выйти и сразу зарядил хорошую, положительную фразу.

– Я смотрю, очень уютно. Везде чувствуется твоя хозяйская рука. А кто, собственно, ещё с тобой проживает? – спросил Никита, но так ответа и не дождался.

Без выяснения отношений, она повела его в комнату. За руку – как в американских комедиях про девственников. Это была, по-видимому, спальня, так как в центре стояла массивная двуспальная кровать. Интересная деталь: над кроватью висел огромный календарь, из тех, что в военкоматах приглашают на контрактную службу. С танками, вертолётами, с довольными солдатскими лицами.

Елена потянула его к себе и стала сама заваливаться потихоньку. Где-то жалобно скрипнуло. Никита стоял вплотную и смотрел, как Елена, лёжа на спине, стягивает с себя одежду.

– Ну что, ковбой, займёмся делом или нет? – спросила она. – Вспомни, что ты сегодня мне говорил иди ко мне. Я вся твоя.

– Вся? – глупо переспросил Никита и начал раздеваться.

– Давай, я тебе помогу! – бросилась она к нему, так ей не терпелось.

– Нет, я сам, – остановил он её и внезапно обнаружил на тумбочке фотографию в рамке. Он уже снимал трусы с той детской непосредственностью, которая встречается в общих душевых, как увидел, что с фото ему улыбаются. Это был какой-то коротышка в форме десантника; он сложил руки на толстом ремне с блестящей бляхой, и улыбка его была недоброй. Никите стало не по себе, голый, он стоял на кровати одним коленом. Вот оно. Снова выбор. Или сделать всё здесь и сейчас, как и хотел изначально, или...

«Что-то не вовремя я не определился», – вспомнил про своё проклятье Никита.

– Что-то не так? – спросила Елена. И Никита чуть не рассмеялся ей в лицо, но подумал, что это будет уж слишком.

– Да всё не так, Лена. Мы с тобой чужие люди, мне непонятно, что я вообще тут делаю, – вдруг захотелось сказать Никите, но не стал, а просто извинился: – Ты уж прости, я себя неважно чувствую, ты здесь ни при чём.

— Я всё-таки тебе помогу, — не унималась она и потянулась к нему.

Никита своими длинными руками попытался сдержать её, когда она резво кувыркнулась в его сторону. Всё-таки не зря у него был на этот вечер спортивный настрой.

— Да что за детский сад! — заорала она. Никита вздрогнул.

Стало ясно, что ничего не получится. Лена отвернулась на другой бок и схватилась за голову. Никита с виноватым видом и всё же немного деланно вздохнул: да, наломал дров. Его опущенные плечи сожалели обо всём, что происходило в комнате, но внимательные глаза уже шарили по полу. Нашёл и натянул трусы, затем носки, когда дело дошло до брюк, неожиданно громко дала о себе знать застёгиваемая ширинка. Как по сигналу огромная гора на кровати стала дрожать. Послышались всхлипы, затем лавина, доселе неизвестная Никите, вдруг обрушилась, придавила его, одетого и готового покинуть грустную обитель, где ничего толком не выходит.

— Да не расстраивайся ты так. Не стоит того, — выдавил Никита.

Впервые столкнувшись с женским горем, он не знал, что делать. Успокаивать — будут у тебя ещё парни, круче меня — цинично. Прислониться и подарить маленький уютный поцелуй — всё это могло продолжиться, пришлось бы снова раздеться и так далее. Глянув на календарь, на фото, на дрожащее тело, Никита убрался.

Он вышел на улицу и не узнал родной город. Какие-то девушки на перекрёстке запушикались и... улыбнулись ему.

На следующий день реальный десантник в настоящих армейских ботинках сам вышел на Никиту. Ему, нестареющему поклоннику ВДВ, Елена была не безразлична. Всё-таки жена, всё-таки мать сына, который точно будет служить в армии, не откосит.

Он спросил Никиту в магазине, а когда указали, тяжёлым шагом направился прямиком к нему. И хотел, наверное, ударить, как это делают нормальные парни из поколения в поколение, с ходу, чтобы с первых же секунд, когда жертва делает большие удивлённые глаза — да за что же! — навязать ей свой неторопливый разговор.

Но кругом люди, законопослушные покупатели, поэтому пришлось смягчиться и проявить так нелюбимую им дипломатию.

— Ты зачем мою бабу обижашь? — спросил он, скав кулаки.

— Чего? — перепросил Никита, глядя на парня, что перед ним раскачивался на коротких ногах.

— Я тебя за Ленку накажу, — уточнил десантник, совпавший, наконец, с той фотографией. Никита вспомнил вчерашнюю историю. Но было поздно. Тот уже уходил, как-то странно надувшись и с грандиозными планами на вечер.

Никита притих. Такое, как ни крути, способно выбить из колеи. Рабочий день шёл к концу. За дверью проносились зловещие тени. Лены в смене не было, а идея переночевать в магазине показалась Никите глупой.

Вышел на улицу и сразу попал на чужую территорию. Как будто липкий туман обступил Никиту. Случайные прохожие были неприятно поражены, увидев, как несколько молодчиков обрабатывают кого-то в лишённом всякой надежды переулке.

Били методично. Приходилось сжиматься в комочек, чтобы руками закрывать виски, а локтями – почки. Несмотря на изначальную одинаковость, вскоре хор разбился на голоса. И кто-то советовал перевернуть Никиту так, чтобы тот раскрылся, чтобы в самую душу проник невероятно твёрдый носок ботинка. Среди них был и десантник, в его желудке булькало пиво.

Внезапно начавшись, наказание быстро иссякло. Второпях разбежались в разные стороны, чтобы потом собраться в условленном месте и ещё раз вспомнить, как вели его в переулок, как он пытался с ними заговорить. А потом кто-то ударил первым – похвально.

«Завтра – выходной, надо будет как-нибудь...», – подумал Никита, вставая. Повело чуть в сторону, присел на тротуар. Отдохнув, он собрался с силами и пошёл. Мать дома ахнула.

– Да что же это с тобой сделали? – и, проглотив слёзы, стала его раздевать.

Из комнаты высунулись озабоченные лица Артёма и Танюши. Ничего не одобряющий отчим тоже вышел на шум.

– Вот, побили, – сказал им всем Никита, рот растянув в кровавой улыбке.

Вызвали скорую помочь, чтобы подтвердились: да, перелом ребра, да, сотрясение мозга.

– Придётся полежать немного, – сказал доктор, забирая Никиту в больницу. Домашние собрали всё самое необходимое, пообещав назавтра в часы приёма проведать.

«Как жаль, я к ней так и не зашёл», – подумал по дороге в больницу Никита, расстроенный больше из-за того, что обещал и не выполнил, а не потому, что болит боковина.

– Так я определился или нет? – запрокинув голову, спросил он в отчаянии того, кто наверху. Но там никого не было, а внизу, на земле, он был неинтересен. Так-то.

Никита открыл глаза. Было раннее утро. Вошла медсестра с первой партией уколов. Требовалось перевернуться на живот и, откинув одеяло, выставить под иглу фрагмент ягодицы. Потом можно было спать дальше.

Палата была просторная и светлая. «Как здесь тихо», – подумал Никита и насчитал всего троих в комнате, включая его самого. До завтрака оставалось два часа. Отвернувшись к стене, он провалился в короткий, однако насыщенный сон.

Какое совпадение! Ему снилась больница, но в ней он был гостем. И происходило что-то вроде экскурсии, показывали местных обитателей. Всё каких-то молодых девушек примерно одного возраста и с неправильным прикусом. Но он был настолько неправильный, что вызывал тошноту.

– Девушки по-своему монстры, но, как и все, нуждаются в любви, – сказал экскурсовод в белом халате.

Можно было даже сфотографироваться с пациентками, что Никита и сделал. И тут же проснулся.

В палате их было трое: Никита, потом подросток с варикозным расширением вен, ещё мужчина средних лет и с больным сердцем.

Подростка с крашеными волосами и серьгой в ухе звали Илья, и был он молчалив. Персонал интересовался Ильёй особо. После операции появились некоторые осложнения. Врач не мог сказать с уверенностью, когда выпишет.

Мужчину звали Сергей. Из разговора Никита понял, что он научный сотрудник какого-то НИИ. Сергей угощал соседей бутербродами и являлся, несмотря на склонность к наукам, обеспеченным человеком. От него веяло дорогим одеколоном, и, судя по всему, сердечные дела шли на лад. Он играл с Никитой в миниатюрные шахматы, ожидая день выписки.

К Никите приходила родня.

— Отличная компания, Никита, — сказал Артём и, покосившись на Илью, добавил, — не соскучишься.

— Вы уж его не обижайте, — попросила мать, на что Сергей как-то неопределённо пожал плечами: мол, да как это возможно.

— Как кормёжка? — интересовался отчим, и, выслушав про каши и супы, заключил, — ну что ж, жить можно.

— Не скучай, Никита. Я тебе книжки принесла, — Танюша достала из сумки приключенческие романы и фантастику.

— Поправляйся, Никитушка. Я на работе предупредила, они уже нашли тебе подмену, — говорила мать. И родня уходила.

Вечерами в палате смотрели телевизор. Сергею родные принесли небольшой и цветной «Сокол». Он договорился с главным врачом, и теперь можно было торчать у телевизора допоздна. Днём Никита то читал, то спал, поэтомуочные фильмы смотрелись бодрячком. Когда в палате гасили свет, они замирали в своих кроватях. Перекидывались коротким словечком. За окном темнело синее небо. Было очень хорошо. Как в детстве, когда не думаешь ни о чём и засыпаешь среди верных игрушек. Давно Никита не был так счастлив.

Сергея вскоре выписали, но телевизор он оставил: мол, потом заберу. Обменялись номерами телефонов. Благодарный Никита вдруг так пожалел, что Сергей уходит. И что они могли быть друзьями, и, может, была бы совершенно другая жизнь.

Приближались майские праздники. В палату подселили двух парней, попавших в аварию. Они где-то в пригороде перевернулись на скорости. С многочисленными ушибами и сотрясением мозга их направили на стационар. В больнице ребята чуть ли не каждому встречному рассказывали о своём приключении.

— Коля нас убьёт, — хихикали они, вспоминая хозяина тачки.

Петя и Саша, так их звали. Они разбили чужую тачку, что проливает свет на образ их жизни.

В палате стало шумно. Петя с Сашей постоянно о чём-то спорили.

— Да ты гонишь! Не может такого быть, — кричал Петя и всё пытался Сашу в чём-то переубедить. Но бесполезно, разговор не мог сдвинуться с мёртвой точки.

Им нравилась одна медсестра. Она дежурила через сутки, а когда была её смена, и она заходила к ним в палату, то парни чуть из штанов не выпрыгивали. Каждый хотел перетянуть Свету (так её звали) на свою сторону, опустив как можно круче конкурента. Никита с Ильёй были не в счёт.

Однажды Саше Света делала укол. Вдруг Петя, высунув от удовольствия кончик языка, кинул товарищу под нос свои носки.

— Вместо наркоза, Шурик, — заржал Петя, довольный донельзя.

— Пошёл ты! — Саша скинул потные носки на пол. И тоже заржал, прикидывая, как отомстить, чем запустить в ответ.

Света бросала коротко: больные. И уходила.

Петя с Сашей решили забухать. Они уже всё испробовали. И зубной пастой друг друга ночью мазали, и тапки прятали, и едой за окно бросались. Пока один выходил из палаты по делам, другой всю постель у того переворачивал. Дрались, кусались, лохматые, красные, они снимали штаны друг с друга, когда Света в палату входила. Резинки рвались на трусах, слышался мат. Потом, видимо, устали. И перехожнув пару дней, решили забухать.

Когда Петя однажды помочился за окно, выяснилось, что по уступам в стене можно запросто спуститься на землю и точно так же подняться обратно. Этаж второй, тут же испробовали. Получилось.

— Парни, а давайте скинемся и раздадим на четверых? Шурик сбегает, — предложил Петя, чувствуя, что их скоро выпишут.

«Больные», — подумал Никита, но согласился сообразить на троих, так как Илья отказался. Назначили на субботу, на вечер, когда врачей не будет, только одна дежурная медсестра останется.

Саша человеком-пауком спустился по уступам, спрыгнул и, пригнувшись к земле, побежал к невысокому забору. Деревья с небольшими кусточками служили прикрытием.

Он быстро вернулся и на самом верху уже передал Пете бутылку водки, выудив её из трусов.

— Ты хоть не сам купил? — спросил Петя.

— Сам, конечно же, — ответил Саша, отряхиваясь.

— И ничего не сказали? — спросил Никита, кивая на больничную пижаму.

— Нет, им по барабану.

— Ай да Шурик, — хлопнул Петя по спине товарища и засуетился. — Илья, будь на стрёме.

Закуску — хлеб и рыбные консервы (тоже купил) — разложили на тумбочке у Никиты. Было восемь часов вечера. Разлили по кружкам. Илья вспомнил, что у него есть коробка апельсинового сока, предложил. Ребята обрадовались.

— За встречу, — поднял кружку Петя. Никита с Сашей чокнулись. Жахнули, выдохнули и потянулись ложками к консервам. Заулыбались: хорошо. И снова разлили.

— Ваше здоровье, — сострил Саша. Остальные поддержали и жахнули уже смелее.

— А ты с чем в больницу попал? — поинтересовались у Никиты Петя с Сашей.

— Сотрясение мозга, да ещё ребро треснуло, — ответил он и, охмелевший, решил не лукавить. — Меня тут побили немного, попинали толпой.

— А за что?

— Из-за бабы. Она вроде стала зажигать со мной... — сказал Никита и призадумался на свой манер.

— А дальше?

— В последний момент я что-то засомневался. Ну, в том смысле, что зачем мне всё это. У меня и не встал в нужный момент.

— А вообще стоит?

— Вообще стоит. Просто тогда я понял, что не могу просто сунуть, если ничего между нами нет. Не могу и всё.

— Да какая разница, Никита. Закрыл глаза, и вперёд, — сказал Петя.

— Да, ступил, — подытожил Саша.

— А за что тебя отделали? — спросил Илья. Остальные присоединились: да, действительно, за что?

— У той бабы, оказывается, муж. Когда у нас с ней ничего не получилось, она, видимо, ему что-то сказала. Он отреагировал.

— Никита, дай пять, — смеются они. — Тебе определённо везёт. Впервые с этим сталкиваемся, — и чуть не валяются, — дай пять, Никита.

Разлили по третьей. Запили соком. Вскоре бутылка опустела. Сидели, что-то жевали. И вдруг они все чуть не обделались. Вошла дежурная медсестра — и не Света. С визгом Саша с Петей бросились по своим кроватям. Никита, не торопясь, стал убирать всё в тумбочку. Пьяный, он задел пустую бутылку, та покатилась, звонко стукнувшись о ножку кровати.

— Что за детский сад!

«Где-то я уже это слышал», — подумал Никита и улыбнулся.

— Вот, решили перекусить, — сказал он.

— Да, нам есть захотелось, — подхватили в кроватях и захихикали, — чего, нельзя?

— А ну-ка, доставай! — приказала медсестра. — А запашок-то. Чем закусывали?

— Консервами, — ответил Саша.

Никита достал бутылку и отдал её медсестре. Сев на кровати, он расслабился.

— Уберите всё за собой и проветрите, — наказала она и вышла.

— Консервами! — передразнил Сашу Петя и заржал. — Что, в штаны наложил?

Никита закрыл глаза и вспомнил обо всём, что случилось за последнее время. Да, чего только в жизни не бывает. В голове не умещается. К примеру, они жахнули в больнице, а где-то происходит совершенно иное, но тоже что-то важное. Нам всегда кажется, что там, где нас нет, и содержится вся соль жизни. Стремимся, бежим туда, сломя голову, лишь бы ухватиться, быть там, просто — быть! Чтобы войти в свою же память, запомниться самим себе. Навсегда. Разве так? Неужели всё так ясно, и можно жить так-то и так-то?

«Чушь собачья! Всё меняется в миг, ни за что нельзя ухватиться. Жизнь перемелет тебя в муку, в соль», — путано и на ощупь рассуждал Никита. И так ему захотелось запомнить эти мысли. Он ещё раз проговорил про себя, прожевал ключевые слова.

— Который час? — вдруг спросил Никита.

— Половина десятого, — ответил трезвый Илья.

— Я тут кое-что понял, только мне надо через окно выйти.

— Делай, как знаешь.

— Спасибо.

Стемнело. Никита вдохнул прохладный воздух. Сзади кто-то похлопал по плечу: удачи, парень. В тапочках, в тёмно-синей больничной пижаме, застёгнутой на все пуговицы, он вылез через окно на улицу. Сунул руки в карманы, протрезвел чуток. На удивление он не привлекал к себе внимания. Прохожие быстро бросали на него короткий взгляд и шли себе дальше.

«Надо всё-таки зайти к ней», — подумал Никита, увидев знакомое кафе, где бывал дважды. Оно закрывалось, внутри наблюдалось какое-то движение. Видимо, шла уборка. Он постучал в дверь, пригладил волосы и поправил пижаму. Стал ждать.

- Мы закрыты, и стучать не надо, — сказало усталое лицо в проёме двери.
- Мне бы Катю.
- Катя здесь больше не работает.
- Где я могу её найти?

Лицо скрылось внутри, послышались голоса, кто-то переспросил. Лицо появилось вновь.

— Она работает в кафе по улице Индустриальной. Но они тоже скоро закрываются, — лицо исчезло.

Никита знал это кафе. Промышленный район. Оно называлось «Оазис». Помимо шашлыков здесь можно было пообедать за скромную плату, идеальное место для приезжих шоферов. Пришёл.

Никого нет. Внутри темно. Где-то залаяли собаки.

«Ничего, завтра забегу. Чёрт, не посмотрел, как работают», — вспомнил Никита, развернулся. И увидел её. Она была в чёрных джинсах и в чёрном же коротком плаще. Только что вышла со двора. Глаза улыбались. Нет, по-другому: большие карие глаза окатили его бесконечной добротой.

- Здравствуй, Катя, — сказал Никита.
- Никита, — узнала его. — Ты откуда? И почему так странно одет.
- Я просто в больнице сейчас лежу. Мы немного выпили, а потом я решил выйти погулять.
- Погулять?
- Нет, я хотел найти тебя. Мне так жаль, что я пропал. Столько всего произошло.
- И у меня. Долго рассказывать.
- Я вот что хотел тебе сказать. Это самое главное, остальное не важно. Я хотел спросить тебя. Может, стоит нам попробовать быть вместе. Всё так сложно, я не знаю, что нас ждёт впереди, что с нами будет. Но ты согласна?
- Да.

Они поцеловались. Их тряслось от мысли, что вот это происходит с ними. Уже произошло. Катя поправила ворот пижамы, Никита обнял её за талию. Пора возвращаться. Они обо всём договорились. Когда его выпишут, он придёт. Никита будет встречать её после работы, провожать и снова встречать. Они не будут забегать вперёд, но будут много говорить, рассказывать друг другу обо всём. Впереди лето, можно бродить до утра. Они всегда будут вместе, теперь они вдвоём. Он познакомит Катю с родней — с бабулей, Артёмом и даже с отчимом.

Они стояли на перекрёстке. Ей надо было в одну сторону – домой, ему в другую – в больницу.

– Но должен тебя предупредить. В общем, это как болезнь. Я порой не могу определиться, как мне жить.

– Может, то, что ты не определился, означает обратное. Ты уже сделал свой выбор, но не понял этого.

– Да, может быть, – согласился Никита. Надо же: так просто. – Тут есть ещё кое-что.

– Ничего не надо говорить, Никита. Я всё знаю. И ты знай.

– Я знаю, – повторил он.

Они расстались, чтобы встретиться вновь. Они не оборачивались, они просто знали...

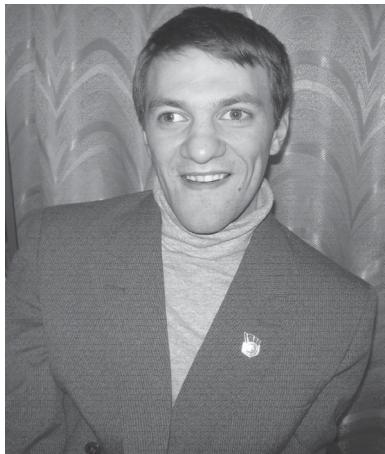
За поворотом оказались таксисты, которые глянули на Никиту, но без интереса. Он вдохнул полной грудью и зашагал в больницу, чувствуя, что изменился.

Он определился.

ШТУДИИ МОЛОДЫХ

Денис Оксузян

Оксузян Денис Владимирович. Родился в 1975 году в Сыктывкаре. В 1992 году окончил школу № 1, а в 2002 – исторический факультет Сыктывкарского государственного университета.

Аспирант Коми НЦ УрО РОН. Участник международных конференций. Автор научных статей. Тему каждой своей работы находит на пересечении истории и экологии, истории и социологии, истории и литературы, истории и семиотики.

Возможности интерпретации исторического текста в терминах исторической экологии с точки зрения философии и феноменологии текста: постановка вопроса

Относительно недавно историк из Германии Фридрих фон Петерсдорф заявил о том, что «даже если бы вопросы историков и историческое знание оставались неизменными (чего, конечно же, не происходит), историю всё равно переписывали бы, ведь всегда появляется новое событие, относительно которого изучают прошлое» (Петерсдорф 2008: 5-6).

Новыми событиями, относительно которых переписывается-интерпретируется история, могут стать грозные вызовы – вопросы современности – и удачное разрешение этих вопросов зависит от способности историка проникнуть – лучше даже проникнуться – глубиной картины прошлого.

Однако, по свидетельству французского философа, представителя феноменологии и экзистенциализма Мориса Мерло-Понти (1908–1961), «тайна глубины обманчива: на самом деле я её не вижу, а если и вижу, то она сводится к различию в ширине. На той линии, что соединяет мои глаза с горизонтом, передний план всегда перекрывает все прочие, и если мне кажется, что я вижу, в боковой перспективе, эшелонированные предметы, это означает, что они не скрыты полностью: я их вижу, таким образом, один вне другого, за счёт разницы в ширине, мы всегда оказываемся по эту или по ту сторону глубины». Итак, «то, что я называю глубиной, или не означает ничего, или означает мою причастность Бытию без ограничений, и, прежде всего – пространству вне какой бы то ни было точки

зрения. Вещи накладываются друг на друга, потому что они находятся одна вне другой. Доказательством этому служит то, что я могу видеть глубину, глядя на картину, которая... глубины не имеет и которая создаёт у меня иллюзию иллюзии...» (Мерло-Понти, 1992: 30-31).

Для того, чтобы положить конец подобному иллюзионизму, можно попытаться, вслед за немецким философом Мартином Хайдеггером (1889–1976), определить то, над чем мы желаем поразмышлять, поскольку «мы можем мыслить только тогда, когда мы желаем того, что должно в себе осмысляться», лишь то, «чего мы не выпускаем из памяти» (Хайдеггер, 1991: 134). Таким образом, исходя из своих личных запросов или запросов своего времени, которые не выпускаются из памяти по причине почти постоянной своей болезненной близости и значимости, мы и можем выбрать предметы своего осмысления.

Именно так и может происходить интерпретация исторического текста в терминах исторической экологии. При этом историкам непременно приходитсявести поиск такого следа, который «не просто отсылает к прошлому, он и есть проход к этому прошлому, которое удалённее, чем любое прошлое и любое будущее, ибо они все ещё находят своё место в моём времени». Ведь след, с точки зрения французского философа-диалогиста Эммануэля Левинаса (1906–1995), слова которого я привёл только что, «это переход к прошлому Другого, где виднеется вечность, – к абсолютному, воссоединяющему все времена прошлому» (Левинас, 1999: 189). Выражаясь более конкретно, упомянутый философ писал, что царина на камне и человек, благодаря которому царина эта появилась, – это причина и следствие, принадлежащие одному миру.

Следы былых природных катаклизмов были едва заметны, а порой, и довольно не охотно фиксировались на фоне общего социально-технического прогресса XX века. Тем не менее, каждая экологическая ошибка, допущенная сегодня или в недавнем прошлом, «может приобрести и нередко приобретает угрожающие разные» (Козлов, 1983: 13). Более того: всю большую важность приобретают «демонстрация людям присущей природе самого человека *не-ценности* в его действиях, направленных на непременное обладание в сфере природопользования, попытка преодоления догматизма, инерции мышления, привычки жить и работать так, как жили и работали всегда, без мысли о том, что именно так жить и работать нельзя. Формирование подобного различия (на основе стирания всех перечисленных здесь «клякс») может привести к постепенному развитию такого нравственного императива, при котором взаимоотношения природы и планетарного общества в начале XXI века должны будут носить, в значительной степени, нравственный характер» (Бердимуратова, 2008: 60-61).

Несмотря на всю значимость выявленной проблематики, вполне логичной, в рамках настоящего сообщения, видится постановка следующего вопроса: в какой мере поиск следов различных экологических бедствий, случившихся в прошлом, соответствует тем требованиям, что выдвигаются по отношению к постижению истории философией и феноменологией текста и отдельными представителями семиотической мысли?

Начну с того, что «одно-мирная» сопричастность субъекта действия и объекта воздействия друг другу и «все-временная» стяжённость помогли мне разыскать отдельные следы, оставленные в постреволюционный период развития Республи-

ки Коми. Характер оных следов указывает как на случаи нарушения традиционной системы природопользования, так и на упорную борьбу за право самостоятельного обладания природными ресурсами, независимого управления собственными территориями.

Борьба эта разгорелась между руководством города Архангельска и представителями правящей элиты Коми Автономной Области во время пересмотра административно-территориального деления Северо-Восточной части России в начале 20–30-х годов века XX-го (районирования на языке чиновников того времени). Со стороны властей Архангельска, (в соответствии с источниками, хранящимися в архивах и библиотеках города Сыктывкара), были допущены:

– Необоснованные попытки разделения тундр и Печорского края, в результате чего заботы об улучшении оленеводства не проявлялось почти никакой;

– Нерадение о строительстве подъездных путей и, как следствие, – перебои в снабжении населения Коми края продуктами питания, охотничьим и прочим инвентарём для развития традиционных отраслей хозяйства;

– Хищническая эксплуатация богатейших запасов природных богатств, – леса, нефтяных и иных месторождений;

– Попытки авторитарно включить Автономную Область Коми в состав Северного края (в 1929 году) в то время, когда сотрудники большинства ведомств Советского правительства, после ознакомления с позицией руководства Коми края, должны были составить несколько иное представление по этому вопросу. В этом представлении могло найти своё место лишь одно очень важное положение, согласно которому право на самостоятельное и рациональное использование ресурсно-сырьевой базой должно было быть гарантировано Автономной Области Коми на все сто процентов и не могло быть сопряжено с теми политико-экономическими и социальными манипуляциями, которые происходили на самом деле. Основанием для такого однозначного решения должно было послужить то обстоятельство, что почти по всем хозяйственным показателям Коми край имел резкое расхождение с остальными частями Северо-Восточной Области – Архангельской и Вологодской губерниями.

Все эти и подобные им факты заключены в многочисленных докладных записках, протоколах пленумов и собраний различного ранга, экономических обзорах и газетных публикациях.

Совершенно естественно, что на момент составления всех этих документов никто и не задумывался, что предпринимаемые меры могут иметь «экологические последствия». И здесь я могу согласиться с советским исследователем В.В. Степановым, который, указывая на трудности проведения этноэкологической экспертизы (механизм осуществления которой можно применить и к событиям прошлого), писал о том, что «далеко не всякий акт социального управления является действительно продуманным шагом. Причина – в сложности социальных объектов, которыми действительно трудно управлять. Однако немаловажное значение имеет и психология управляемца. Нередки случаи, когда деятельность лица, принимающего решения, продиктована совсем не теми мотивами, которые декларированы на бумаге и в средствах массовой информации. Иногда конкретное действие предпринимается только потому, что вообще нужно что-то делать (от безысходности, из соображений политической конъюнктуры). Тогда возможные

результаты деятельности и её последствия, как мотивы, вообще отступают на второй план.

Безответственные и непродуманные решения в социальном управлении, затрагивающие этнокультурную среду, возможны из-за (1) отсроченности последствий, (2) косвенности многих результатов, (3) отсутствия законодательного и общественного контроля. Поэтому негативные последствия попросту не принимаются во внимание и даже не осознаются» (Степанов, 1999: 120).

Такое положение складывалось во многих регионах Советского государства. Проведённое в начале прошлого века в Средневолжской области районирование оказалось также губительным в экологическом отношении. Российский исследователь Е.В. Войков показал, что в названной местности наблюдались «захламлённость участков работ отходами от рубки, наличие сухостойного леса», что «привело к заражённости насаждений насекомыми-вредителями. В 1920–1930 годы ими (этими насекомыми-вредителями) были поражены десятки тысяч гектаров лесной площади» (Войков, 2003: 354).

Конечно, может быть, вместо того, чтобы в документах прошлого искать следы переживаемого ныне экологического кризиса, можно было бы лишь спокойно согласиться со словами кандидата исторических наук Л.Н. Денисовой: «содержанием экологической истории следует признать постепенное разрушение экологического равновесия между крестьянами и средой их жизнедеятельности». При этом организаторы осознанного и целенаправленного «отлучения» от природной среды «не ставили перед собой задачу раздувания экологического кризиса. Этот кризис – скорее побочное последствие таких явлений, как механизации, электрификации, химизации сельскохозяйственного производства, а также, стремления снять те ограничения для быстрого экономического роста, которые накладывались старой общинной моделью природопользования» (Денисова, 2003: 212).

И вообще: если историки отделены от изучаемой ими эпохи на восемьдесят с лишним лет, (как в нашем случае), и они не были ни вершителями изучаемых ими событий, ни современниками этих вершителей, то тогда, какое гражданское и моральное право имеют эти историки выставлять оценки прошлому и притягивать его к настоящему?! Всю силу беспощадности и полной справедливости приобретают здесь слова основателя феноменологии Эдмунда Гуссерля (1859–1938). В работе «Философия как строгая наука» этот немецкий философ писал:

«Что ёщё может обманывать историцита, так это то обстоятельство, что мы путём вживания в исторически реконструированное духовное образование, в господствующий в нём смысл, а также в относящиеся сюда связи мотивации, не только постигаем его внутренний смысл, но можем установить его относительную ценность.

Если мы перенесёмся в те предпосылки, которыми располагает какой-либо исторический философ, то, возможно, мы будем в состоянии признать относительную «консеквентность» его философии, даже восхищаться ею; с другой стороны, мы будем в состоянии извинить непоследовательности сдвигом проблем и смешениями, которые были неизбежны при тогдашнем положении проблематики и анализа смысла.

Мы можем тогда признать за великое деяние достигнутое разрешение научной проблемы, нынче принадлежащей к тому классу проблем, с которыми легко справился бы гимназист. То же самое относится ко всем областям.

Но, с другой стороны, мы остаёмся, разумеется, при том мнении, что и принципы таких относительных оценок лежат в идеальных сферах, и что *оценивающий историк*, который стремился более чем к простому пониманию развития, может только *предполагать* их, но не обосновывать как историк.

Норма математического лежит в математике, норма логического – в логике, норма этического – в этике и т.д. Если историк желает и в оценках действовать научно, он должен именно в этих дисциплинах искать основания и методы обоснования. Если же в этом отношении нет совсем строго изложенных наук, ну, тогда он оценивает на свой страх, а именно, как нравственный или религиозный человек, но, во всяком случае, не как научный историк» (Гуссерль, 2005: 226).

Несмотря на подобный приговор, историки продолжают демонстрировать экологические последствия жёстко регламентированной политики экономического районирования, правда, имевшей место в 50–60-х годах XX века. Суть этой политики, согласно всё той же Л.Н. Денисовой, заключалась в том, что «каждому региону страны была поставлена в соответствие одна природоохранительная проблема и одна функция или культура, на которой данный регион должен был специализироваться. На Севере таким ключевым символом был выбран лес, на степном Юге – пашня, на Алтае – целина и чернозём, в Белоруссии и Нечерноземье – животноводство и мелиорация». Развернувшиеся мелиоративные работы «увеличивали площади сельскохозяйственных угодий. И в то же время из оборота выбывали и заастали лесом и кустарником огромные территории ранее используемой земли. Одновременно необоснованно много угодий, в том числе и пашни, отводилось под промышленное строительство» (Денисова, 2003: 234).

Возможной причиной такой неуспокоенности историков в своём поиске могло послужить то, что позволяло итальянскому историку культуры Карло Гинзбургу (год рождения – 1939) в 60-е годы прошлого века придавать широту и непредсказуемость тематики своим сочинениям. В одном из своих интервью этот историк признавался: «Я – не эксперт ни в чём». Однако, при всём при этом, К. Гинзбургу казалось, что есть смысл в том, «чтобы переключаться на предметы, в которых ничего не смыслишь: в этом случае ты получаешь возможность задать значимые вопросы, на которые эксперты не обращали внимания» (Гинзбург, 2004: 324).

Надо сказать, что выводы Л.Н. Денисовой научны и строги, поскольку построены на материалах специально организованных и последовательно проведённых социологических обследований.

Лишённый общения с живой тканью жизни, я в своём изучении процесса районирования Коми автономной области искал основания для своих оценок в обследовании теоретических аспектов эколого-экономического районирования, проводил параллели с опытом проведения подобной акции в других регионах Советской России, и странах мира в разные периоды времени. Накопление и систематизация фактического материала приводили к возникновению ситуации, которую описал в своё время Мартин Хайдеггер в сочинении «Бытие и время».

«Даже когда научно-теоретический способ трактовки проблемы «истории» полагает целью не только «гносеологическое» (Зиммель) прояснение исторического постижения или логику формирования концепций историографического описания (Риккерт), но ориентируется также и на «предметную сторону», то и при

такой постановке вопроса история в принципе доступна всегда лишь как *объект* определённой науки. Основофеномен истории, располагающийся до и в основании возможной историографической тематизации, тем самым невозвратимо отодвигается в сторону. Как история способна стать возможным *предметом* историографии, это можно извлечь только из способа бытия всего исторического, из историчности и её укоренении во временности» (Хайдеггер, 2002: 375).

Могу заявить, что все выдвинутые мною предположения подтвердились. Я не встретил тех помех, о которых говорил в своё время немецкий философ и историк Макс Вебер (1864–1920): об известном зазоре, существующем между предварительным представлением об изучаемом фрагменте исторической действительности и данными исторических источников (Гуревич, 2004: 110).

Тем не менее, откровенной радости от осуществления задуманного проекта у меня нет.

В процессе изменения административно-территориального деления Автономной Области Коми могли иметь место случаи проявления экофобных тенденций. Любовь к природе привита чуть ли не с молоком матери. Осознание потребности в укреплении «религии социальной солидарности» (русский этнограф В.П. Налимов, 1879–1938) является неизменной частью национального менталитета. Но именно эта любовь не позволяет всё ещё примитивно развивающемуся, но имеющему перед собой широчайшие промышленные перспективы обществу предать забвению (хотя бы, – частичному) возможность удовлетворять свои всё возрастающие потребности в питании, жилище и иных благах, предоставляемых окружающей средой. В соответствии с данными источников данное предположение вполне допустимо.

Могли, конечно, возникнуть определённого рода трудности при управлении системой, одна из основных подсистем которой лишь частично входила в её структуру, а частично находилась в структуре другой системы. При выделении эколого-экономических районов не принимались во внимание специализация и комплексность хозяйства, административные и транспортные связи, конфигурации сети рек, крупных форм рельефа, продуктивных геологических структур – например, угольных, железорудных, нефтяных, газовых месторождений. Низкое качество путей сообщения, а порой и полное отсутствие таковых, приводило к разрывам пищевых цепочек (понимаемых с точки зрения в значении состава, изменения состава по сезонам, количества пищи, характерного для тех, или иных хозяйственных коллективов, связанных друг с другом по принципу географического соседства) в границах того или иного хозяйственно-культурного типа.

Все эти обстоятельства могли налицовывать в общественной жизни 80 лет тому назад, и на их основе, конечно, можно уличить организаторов выше названного процесса в поспешности, и даже неподготовленности самой этой акции.

Только если к историческим событиям, описанным в предлагаемом сообщении, подойти с точки зрения философии и феноменологии текста, то, наверное, всё-таки есть основание перевести вопрос о прояснении термина «исторической экологии», (введённого в область науки лишь в 1996 году), в разряд вопросов дискуссионных, и вновь прислушаться к словам Мориса Мерло-Понти. Согласно пересказу Т.М. Тузовой, «Мерло-Понти согласен признать верность объяснения поведения человека через его прошлое, его темперамент, его среду при условии, что их рас-

сматривают «не в качестве отдельных вкладов», но в качестве «моментов» тотального бытия человека, смысл которых он может эксплицировать в различных направлениях, но относительно которых никто никогда не сможет с определённостью сказать, он ли придал им их смысл или сам получил его от них» (Тузова, 2002: 813).

Список использованной литературы:

1. Бердимуратова А.К. 2008. Специфика культурологической парадигмы в условиях обострения экологических проблем современности // «Семиозис и культура». Вып. 4. Сб. науч. ст. по мат. V Межд. конф. «Семиозис и культура: методологические проблемы современного гуманитарного знания» (17-18 апреля 2008 года) / Отв. ред. И.Е. Фадеева. – Сыктывкар, Изд-во Коми пед. ин-та.
2. Войков Е.В. 2003. Государственная политика по использованию топливных ресурсов, миграционные процессы и экологические проблемы Средневолжского региона в первой половине 1930-х годов / Историческая экология и историческая демография: Сб. науч. статей / Под ред. Ю.А. Полякова. – М.: «Российская политическая энциклопедия».
3. Гинзбург К. 2004. Мифы – эмблемы – приметы: Мифология и история. Сборник статей / Пер. с ит. и послесл. С.Л. Козлова. – М.: «Новое издаельство».
4. Гуревич А.Я. 2004. История историка. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).
5. Эдмунд Гуссерль. 2005. Избранные работы / Сост. В.А. Куренной. – М.: Издательский дом «Территория будущего», (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
6. Денисова Л.Н. 2003. Экологическая память российской деревни XX в. (по материалам социологических обследований 1990-х годов) / Историческая экология и историческая демография: Сб. науч. статей / Под ред. Ю.А. Полякова. – М.: «Российская политическая энциклопедия».
7. Козлов В.И. 1983. Основные проблемы этнической экологии. // «Советская этнография». – № 1.
8. Сергей Козлов. 2004. «Определённый способ заниматься наукой» / Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Мифология и история. Сборник статей / Пер. с ит. и послесл. С.Л. Козлова. – М.: «Новое издаельство».
9. Эммануэль Левинас. 1999. Время и Другой. Гуманизм Другого человека / Эммануэль Левинас: Пер. с французского А.В. Парибка. – СПб., «Высшая религиозно-философская школа».
10. Морис Мерло-Понти. 1992. Око и дух / Морис Мерло-Понти: Пер. с французского, пред. и ком. А.В. Густыря. – М.: «Искусство».
11. Фридрих фон Петерсдорф. 2008. Переписывание истории: историографическая необходимость и вопросы эпистемологии // Теория и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы межд. науч. конф. / Отв. ред. Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН.
12. Степанов В.В. 1999. Социальное управление и этноэкологическая экспертиза. / Методы этноэкологической экспертизы. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
13. Тузова Т.М. 2002. «Феноменология восприятия» / Всемирная энциклопедия: Философия XX век / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: «АСТ», Минск, «ХАРВЕЙСТ», «СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТОР».
14. Мартин Хайдеггер. 1991. Что значит мыслить? / Мартин Хайдеггер. Разговор на просёлочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. – М.: «Высшая школа».
15. Мартин Хайдеггер. 2002. Бытие и время. / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Изд. 2-е., испр. – СПб.: «НАУКА».

Людмила Лобанова

Лобанова Людмила Сергеевна, научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра.

Народные представления о болезнях домашних животных и способах их лечения (по материалам традиционной культуры коми)

Представления о болезнях домашних животных, способы лечения, а также ритуально-магические действия предупредительного или профилактического характера, которые календарно приурочены или закреплены в комплексах скотоводческих обрядов, например, в обрядах купли-продажи животного, первого выгона скота на пастбище, в окказиональных ситуациях (случка, отёл и др.) составляют сферу народной ветеринарии. Основными объектами, к которым применяются традиционные ветеринарные знания, являются охотничьи собаки¹ и крупные сельскохозяйственные животные: коровы и лошади. Овец в традиционном хозяйстве содержат в основном для получения шерсти, и поскольку, по народным представлениям, «овца скотиной не является», то основной вектор ритуально-магических действий направлен не на лечение и уход за отдельной особью, а на сохранение и увеличение количества: «чтобы овцы водились и плодились в хозяйстве». Падёж скота в хозяйстве считается естественным явлением, если не имеет массового характера, что в несколько утрированном виде отражается в пословицах и поговорках: «Скётт кё абу, оз ло и ускёттвой» – «Скота не держать, и падёжа не будет»; «Скотыд ёд потиш выв кучик, абу морт юр» – «Скотина это шкура на жерди, а не голова человечья» [Пословицы, 1983: 91].

¹ Представления о болезнях охотничьих собак и их лечение выносятся за рамки данной статьи, в силу включённости этих знаний в охотничью сферу.

Народные представления по ветеринарии стали специально изучаться в отечественной науке только в последние десятилетия. В качестве примера можно отметить работы А.Ф. Журавлева и М.Д. Алексеевского [Журавлев, 1978, 1994, 1995; Алексеевский, 2007]. Изучение архивных материалов и этнографической литературы по народной ветеринарии коми не дало больших результатов, что объясняется отсутствием интереса исследователей к данной теме в XIX – середине XX вв.¹. Это обстоятельство заметно осложняет как изучение проблемы, так и отслеживание устойчивости и вариативности традиций, связанных с животноводством и уходом за скотом.

Источниками для данной работы послужили полевые материалы, записанные в ходе фольклорно-этнографических экспедиций по разным районам Республики Коми сотрудниками отдела фольклора Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, хранящиеся в Фольклорном фонде, в том числе записи автора статьи, начиная с 1990-х годов. Полевой материал собирался в основном в ходе собеседований, когда исполнитель по просьбе собирателя сообщал свои знания на тему, интересующую собирателя, или отвечал на вопросы. В подобной форме коммуникации важным представляются не только знания носителей традиции, но и осведомлённость самого собирателя. Видится уместным привести один из примеров личного опыта, который имел место в фольклорно-этнографической экспедиции в село Лойма Прилужского района Республики Коми летом 2004 года. Беседа с В.П. Шехониной была спровоцирована мной жалобой на выдуманную ситуацию покупки коровы, которая не даёт молока и не стоит смирно во время дойки. В ответ последовали рассказы о продаже «неспроста», рекомендации по традиционным способам снятия порчи и применении ритуальных приёмов при купле-продаже.

Базовый материал по народной ветеринарии содержится в рассказах и бытальщинах, отражающих личный опыт информаторов, например, о том, как вылечили опухшее вымя коровы, а также в приметах, быличках и мифологических рассказах, отражающих народные представления о болезнях скота, о лицах, способных наводить и/или устранивать болезни и порчу, о способах лечения, об обрядах, связанных с охраной здоровья животных.

Болезни скота: названия, причины и методы лечения

В народной ветеринарии нет чёткого выделения болезней, с указанием названия, симптомов, причин и методов лечения. Проблемы, возникающие при диагностировании, отражаются в устойчивых выражениях: «*Мыйён сія мёскуыд вед висьё, оз висьтав*» – «Чем болеет корова, не скажет», «*Кывтём пемёсыд оз*

¹ Некоторые сведения нам удалось обнаружить в материалах, собранных студентами Педтехникума в 1930-е годы, из фондов Национального музея Республики Коми; в отчётах диалектологических и этнографических экспедиций сотрудников Института языка, литературы и истории, хранящиеся в архиве Коми научного центра; используются также сведения из работы А.С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми» (Сидоров, 1928) и материалов В.П. Налимова, хранящиеся в Архиве Финно-угорского общества в Хельсинки (Налимов, 1908). По данным сведениям не представляется возможным описать скотоводческую традицию 19-20 веков, поэтому эти материалы используются в качестве проверочного «первоисточника».

висътав, кыті сылён висъё – «Бессловесная скотина не скажет, где у него болит». Название – причина – метод лечения взаимосвязаны и зависят от конкретного случая, а именно от того, как болезнь определяется информатором, в чём видится причина болезни, от которой, в свою очередь, зависит способ лечения. Выражения, используемые для наименования заболеваний скота, мы распределили по следующим группам:

- словосочетания, с глаголом «висьны» в разных формах: *мёс висъмёдчыліс* ‘корова приболела’, *вёлой висьмис* ‘лошадь заболела’;
- описательные наименования, указывающие на признаки заболевания: *омольтчис, лыёдзыс косьмис* (букв. высохла до костей) ‘потеряла в весе’, *вёраыс пыктыс* ‘вымя опухло’, *рёмицдыс воши* ‘потерялись жвачные рефлексы (у коровы)’, *вёлой эз кут вермыны уджавны* ‘лошадь перестала быть работоспособной’, *бёждорыс лякёссома* ‘испачкано около хвоста’;
- отражающие причину заболевания, которая может быть рациональной и иррациональной: *доймис* ‘ушиблась’, *тишыкёдёма* ‘навели порчу’.

Этот ряд может быть продолжен, приведённые выражения, по сути, являются симптомами или последствиями различных заболеваний. Некоторые из них являются более конкретными, к примеру, *куканыслён бёждорыс лякёссома* ‘у телёнка испачкано около хвоста’ является признаком пищевых расстройств, которое лечится с помощью настоев лечебных растений, таких как пижма, курчавый щавель, ольховые шишки (ПМА).

Значительно больше выражений, использующихся для сообщения о болезни домашнего животного, являются симптомами и признаками заболеваний, которые объясняются рациональным или иррациональными причинами, и только в контексте получают конкретное значение. Так, *омольтчины* ‘терять в весе’ является признаком различных заболеваний, которому могут быть рациональные объяснения. В одном из интервью, информант, вспоминая о местном колдуна, которого в народе называли *еретьником*, рассказывает один случай, когда её мать, заметив, что корова теряет в весе («*мёскыд омольччё и омольччё*»), пригласила этого колдуна, который, только взглянув на корову, тут же сказал, что в сердце животного попала иголка. И когда зарезали животное, обнаружили в сердце иголку [Вахнин А.П.]

В другом случае признак *омольтчё* явилось следствием недоброжелательного отношения к животному мифологического персонажа.

«*Мам конюкавлёма. <...> Шуё сёдасьныс пё кая, пыр сёдала вёоястё, и ётик вёё омольтчё и омольтчё, и мый тайё вёлыс омольтчё. И мам сія коркё видзан сылы мыйкекерас сарайсияныс видзёдлас, сёдалас да. Сія пё арно суседкоыс сія вёлсö тожё оз любит, и сія вёл водзсыыс турунсö мёд вёлъясылы видзан уберитё и сія вёлыслён туруныс водзас абу. <...> и сійён пё аж ноть вёлыс омольтчё. Оз пё любит вёлсö и сійён уберитёма турунсö вёлыслысь*» – «Мама работала конюком. Рассказывала, что пойдёт кормить лошадей, всех лошадей накормит, а одна всё худеет и худеет. <Задумалась> почему лошадь теряет в весе. Один раз, накормив лошадь, мать вышла в сарай и подсмотрела. Оказалось, что соседко не любит лошадь и корм из-под её носа оттаскивает другим лошадям, а эта лошадь остаётся ненакормленной <...> и поэтому теряет в весе. <Соседко> не любит лошадь и поэтому оттаскивает корм от неё» [Можегова Л.А.]¹.

Самой распространённой болезнью коров по современным записям является *вёра пыктём ‘опухание вымени’*.

«...Вот сэсся миян сідзи миян мыйкёыс вёраыс висис, пыктём, пыктёма, пыкёса вёлі <...> Дақ вермө пыктыны вёраыд мыйысы, кытчикö мыйкö вёржастыыд ветлёны, тойышсыö – рана лоö. Ранаыд сэсся вермө лоны заразитчö, вот и пыктö. А сэсся ешиö пыктö мыйысы. Если кö уже мыйкёыс мёскыс недавно мыйкекерис, но куканясис, сэсся сийö дыр кö он лысъты, сылон ставыс пыктö жö вёраыд, надувайчö. Сийö колö лысътыны своеевременö <...>. А мүкед раз сэсся и вёвлö сідзи, мый сія чорзъю, чорзяс сэтчи дай, сийö колö массаж бара вёчны, <...> мыйке порсы салётö да госсо сылдыны и сийöн малтны пöсънас, малтны <...> ихтиоловой мазь вот сийён» – «...Вот так у нашей <коровы> вымя болело, опухло, опухшее <вымя> было. <...> Отчего может вымя опухнуть, <может> ушибиться в лесу <на выпасе>, рану получить, потом рана может заразиться, вот и опухает <вымя>. Ещё может опухнуть оттого, что, если корова недавно отелилась, и вовремя не подоили, вот и опухает. Надо своеевременно доить <...>. Иногда бывает, что затвердевает, затвердеет <в вымени>, тогда надо массаж делать <...>, растопить свиное сало и тёплым <жиром> намазать, ещё можно мазать ихтиоловой мазью» [Смолева Н.И.].

Таким образом, в данном тексте указаны так называемые рациональные причины опухания вымени коровы. Причинами *вёра пыктём ‘опухания вымени’* могут называться несвоевременное доение и простуда, относящиеся к нарушениям в уходе за животными, что находит отражение в выборе средств лечения. Заболевание лечится с помощью трав, мазей (приобретённых или приготовленных в домашних условиях, особой силой наделялись мази, приобретённые у знахаря), также практикуется согревание камфорным маслом. Интересно отметить, что для лечения воспалённого вымени у коров использовалось лекарственное растение *мös вёра турун, мösняк турун ’коровье вымя-трава’*², в названии которого отразилось назначение растения [Ильина, 2008: 136-137].

В другой группе текстов *вёра пыктём* определяется как следствие / проявление / результат порчи.

«[<Еретникъясыс> скöтсö кö тышкёдёны мый лоë?] Мёскыд сія или горад оз во, или вёрад пыктö, и всё султёдёны йёлтö, вёрад пыктö. [Если <еретник> наведёт порчу на скот, то что со скотом будет?] Корова домой не идёт, или опухает вымя у неё, и всё молоко останавливают, вымя опухает» [Можегова З.М.].

«[Сія <кёлдунъясыд> тышкёдёны скöтсö?] Тышкёдёны, скöттö тышкёдёны кёнкö и вёратö тышкёдёны кёнкö, йёллыд мед оз пет и. Мүкед разас тай пыктö вёраыд, маститöн ви шуёны, мүкед разас и йёз вёсна сія-я пыктö, рысътöн лысътö, всякой ногён вёвлö. [Сэсся мый вёчны, вёраыс кор пыктö?] Начкёны,

¹ (См. на стр. 69) В статье приводятся расшифровки полевых записей, переводы сделаны автором. <...> означает, что в тексте пропущены несколько слов или предложения, не относящиеся к данной теме или являющиеся повтором. Слово в угловых скобках <> восстановлено по предыдущему контексту. Вопросы собирателя приведены в квадратных скобках []. За текстом приводится фамилия исполнителя, если текст записан автором статьи или шифры соответствующего архива.

² (Пальчатокоренник мясокрасный / Dactylorhiza incarnate L.), кроме того, «отваром корней поили детей при резях в животе, мальчиков – при воспалении мошонки» (Ильина, 2008, 136-137).

мый вёчасны сэсся, дугдасны кё эсся лысътыны. – [«Колдуны» могут наводить порчу на скот?] Наводят порчу, могут наводить порчу на скот и вымя, чтобы молоко не шло. Вымя опухнет, говорят, что мастит, а иногда это случается от людей, как творогом доится, и по-всякому бывает. [Когда вымя опухнет, что потом делают?] Пустят под нож *<корову>*, а что ещё сделаешь, если перестала доиться» [Можегова П.И.].

И если причиной *вёра пыктём* определяются негативные магические действия, то и для лечения используются магические средства. По имеющимся у нас материалам, в коми народной традиции с целью лечения *вёра пыктём* ‘опухания вымени’ практиковались очерчивание углём и окуриивание.

«[Вермёны еретникъясыд мёстö тышкёдны?] Мёстö сія унаысь, сія сглазнитны вермёны ий, тышкёдныд вермёны ий, ѹёттö султёдёны вермёны ий. Сія бара этён берег йылас вёлі Огропена, сія картінад ёна вёрожитчис ий тышкёдчомсыыд быттö лечитис. Коркё миян мёскуслон дундылыс вёраыс тадзи, сэсся мам шүö, татысь энькаыс шүö, мун ветлы жö, сийö бабусö корлы, мёскусыд[лён] шүö вёраыс дундёма. От сийö тоже глазнитёны ли мыйö ли. Ветлім, воис, шомён сэсся черкайтис, только мыйке лыддьö молитваяс, вёрасö шомён став черкайтис, кресталö быттö этадзи, и ямис, вот сія кужисны вёчны. Да öni, мый ми нем ог тёдö. – [Еретники могут навести порчу на корову?] На корову часто наводят порчу и могут сглазить, и могут молоко останавливать. Когда-то вон там, на берегу, жила Аграфена, она на картах гадала и снимала порчу. Однажды у нашей коровы опухло вымя, и говорит мне мама, моя свекровь, чтобы я сходила за той бабушкой, и сказала, что у нашей коровы вымя опухло. Это от сглаза ли что ли. Сходили, пришла она, угольком начеркала, молитвы прочитала, вымя всё угольком перечеркала, как будто перекрещивает, и после этого опухоль спала, вот как умела делать. А мы теперь ничего не знаем» [Вахнина П.П.].

Очевидно, что лечебное воздействие данного ритуала состоит, во-первых, в локализации очага болезни, замыкании её в круг очерчиванием поражённого места углём, и во-вторых, в изгнании «чтением молитв».¹

Следующим способом лечения болезни «*вёра пыктём*» (по сути, способом изгнания порчи) является окуриивание. Обряд проводится в несколько этапов, одним из которых является предварительное приготовление предметов для окуриивания. В рассказах данный этап часто редуцируется, указывается лишь, что для окуриивания берут кусочек одежды (*чышъян сыр ‘бахрома платка’*, *кёлуйсыыс сунис ‘нитка от одежды’*) / ногти / волосы или солома из подстилки обуви подозреваемого в наведении порчи. Если неизвестно, от кого наступила порча, то данный этап отсутствует. Приглашают человека, причисляемого к обладателям особыми знаниями (*тёдьсы*), но в силу того, что традиционное содержание скота само по себе требовало определённых знаний, обряд окуриивания мог проводиться хозяйкой, и тогда на предварительном этапе приглашался кто-либо из семьи. В имеющихся у нас вариантах устных рассказов об окуривании коровы исполнителями обряда выступают приглашённое лицо и хозяйка, хозяйка и хозяин, хозяйка и соседка, хозяйка и невестка. В число предметов, которыми окуривается животное, могут входить можжевельник, принесённый на Великий четверг и хранимый в хлеву в качестве оберега, щучьи зубы, стружки от порога хлева,

¹ Под молитвами в традиции объединяются разного рода заговорно-заклинательные тексты.

паутина, собранная в углах хлева, шерсть окуриваемого животного, отстриженная с крестца, лба и хвоста, остатки сена. Приготовленный набор предметов для окуривания поджигается, и одна из участниц обряда ходит вокруг коровы против солнца, что сопровождается ритуальным диалогом. Завершающий этап, который не всегда описывается информаторами, можно назвать «избавлением от болезни» или «возвращением отправителю», с утверждением благополучного исхода.

«Абы быдэн ёткодь морт, тёдьсисид эм на, ме вед нинэм эг тёдлы. <...> Татмянис волас, маме миян туисад сысъялас. Кык мёс вёлэм вылысь лысьтэ да рытнас локтасны да ёти войт оз войтышт йёлыд, кыкнаныслэн вёра пыктэма <...> Крестейд менэ велёдис, мёскыдлэн вёраыс уси да, тышн пе. Пачад, пачтэ лонтылан ыджыдсэ, ёгыре мыйен усе, эсся кутшемке этшем розя дозъястэ ёгырсэ пе пукті, сэсся пе черань vezъястэ гидъяссыд и гёбочссыд ий, турун коробтэ пе пуктій <...> Ассыс пе кык водз кок костссыс, морёссыс гёнсэ тишотши шырышт да пукті, сэсся креста лы выйим <...> гёнсэ вундышт да пукты <...> Кыкен пе лэччай гидад, шонді паныдис пе ётикыд, сэсся пе мед ювалэ. Сэсся сідз велёдіс, да ми Андрейкод тишотши лэччим, да Андрей сэсся ювалэ: «Кодэс тышнан?» «Кекуре ки вомидзес, ураки вомидзес». Мёскыд сэсся сітасис и кудзасис менам, сэсся пе сійес <...> куим маег костэ пе кикимлес кивыв кисьт, вот, «кытысь пе волін бёр сэтче мун да тодын лойси» вот менэ сійе Кристейд велёдіс шонъянэй. [Сэсся бурдіс мёскыд?] Бурдіс, сэсся первой петис ор сора вир сора <...> сійес пе пыр куим маег костас кисьт: «Кытысь волін, бёр сэтче мун, пиняд бўжтэ курчи да тодын лойси» – «Не все люди одинаковые, есть и знающие, я раньше ничего не знала. <...> Приходила Татьяна, мама и нацедила ей молока в туес. Две первотёлки были, а вечером пришли, и ни капли молока не выходит, у обоих вымя опухло. <...> Когда у коровы молоко пропало, Кристина меня и научила, что надо окуривать. Печку протопиши, и когда уже будут угли, положи эти угли в какую-либо дырявшую посуду, туда же собери паутину из хлева и голбца, остатки сена, у самой <коровы> отстриги шерсть на груди между передних ног, потом с крестцовой кости отстриги и положи <туда же>. <> В хлев, говорит, идите вдвоём, один <ходит вокруг коровы> против солнца, <а другой> спрашивает. Так научила, и мы пошли вдвоём с <хозяином> Андреем, и Андрей потом спрашивает: «Кого окуриваешь?» <Отвечаю> «Уроки-порчу». Потом корова испражнилась и помочилась, и говорит, вылей это наотмашь меж трёх кольев со словами: «Возвращайся туда, откуда приходила, и барактайся в топи», вот так меня научила Кристина, царство её небесное. [Так и вылечили корову?] Выздоровела, но сначала доилась кровью, и это велела <Кристина> выливать меж трёх кольев. «Возвращайся туда, откуда приходила, прикуси зубами хвост, и барактайся в топи» [Пименова А.Д.].

Приведённые примеры отчётливо говорят о том, что в традиционных представлениях болезнь животного определяется как отклонение от нормы, проявляющееся в потере им функциональных характеристик, поэтому большее внимание, по сравнению с собственно лечением болезней, в народе обращается на их предупреждение, реализующееся в профилактических, апотропических мерах и правильном уходе.

**Традиционные представления о здоровом животном.
Основные составляющие здоровья**

Правильный уход.

Содержание скота в суровых климатических условиях севера, где стойловый период содержания скота составляет семь-девять месяцев, требует от хозяев больших физических нагрузок, начиная от заготовки кормов до ежедневного ухода, что нашло отражение в народных выражениях:

«Дыр узигад йёв-выйыд оз сод» – «От долгого спанья молоко-масло не прибавляются»; «Мёс кё кутан видзны, карта пос лёсьёд» – «Собираешься корову держать, сделай лестницу с сеновала в хлев» [Пословицы, 1983: 73]; «Косанад кё турунто он ытшки, мегырён ковмас ытшкины» – «Если косой не накосишь, дугой придётся косить» (т.е. покупать сено зимой).

Основные функции по уходу за коровой входили в обязанности хозяйки, а уход за лошадью входил в обязанности хозяина: «Бур кёзяйкалён куканыыс шыллыыд и ёбёдис пёсь» – «У хорошей хозяйки и телёнок гладкий и обед горячий»; «Бур кёзянинös вёв сертиыс тёдёны» – «Хорошего хозяина узнают по лошади» [Пословицы, 1983: 92, 93].

Уход является необходимым условием для содержания скота, а ухоженность представляется как основной признак здорового животного. Внешним показателем ухоженности выступает признак *шыллыыд* ‘гладкий’. В первую очередь это относится к состоянию шерсти: *шыллыыд гёна* ‘с гладкой шерстью’, ‘с лоснящейся шерстью’. В разговорной речи, для описания ухоженного животного употребляется устойчивое выражение: «*гёнсö чепольтын оз сюр*» – ‘шерсть ущипнуть невозможно’ (букв. не поддаётся). Гладкая, густая, ровная шерсть является показателем внутреннего здоровья животного, заботливого отношения к нему хозяев и хранителя подворья. Так, показателем отсутствия покровительства духов-хозяев (*гид олыс* ‘хлева жилец’, *гид ань*, *ши ань* ‘хлева женщина’, *вёв дед* ‘лошадиный дед’, *мёс ань* ‘коровья женщина’) являются влажные беспорядочные полосы на боках (*нюлём гёна* ‘с облизанной шерстью’), спутанная грива (*дзуг бурысы*), всклокоченная шерсть в колтунах (*вогиль*), проплещины (*наяр*), перемешанные с экскрементами клочки (*сусан*). Считается, что корова пачкается в навозе, остаётся голодной и теряет внешний вид оттого, что дух-хозяин непускает её ложиться на место, отбирает из-под носа корм и т.д.

В общее семантическое поле с понятием *шыллыыд*, означающим также ‘гладкий = откормленный’, включены понятия *вердаса* ‘откормленный’ и *гёгрös* ‘круглый’. Основной уход за животным заключается в полноценном кормлении, поскольку от правильного питания зависят и внешний вид, и здоровье, и практическая отдача от него.

«Мёскидлён йёлыс кыв йылас» – «Молоко у коровы на языке»;
 «Вёвлы оз ков ньёр, а колё зёр» – «Коню нужен не кнут, а овес»;
 «Вёвтё кё он верд, и мыртё он берт» – «Лошадь не накормишь, и пня не выкорчуешь» [Пословицы, 1983: 91, 93].

«Астыö удзёд, а кыйсян понтё верд» – «Себя обдели, а <хорошую> охотничью собаку накорми».

Скотоводческие обряды.

Все действия по уходу за скотом, даже самые утилитарные, повседневные, могут приобретать магическое осмысление. Обряды, запреты и предписания, связанные со скотоводством, осознаются как реабилитационные, апотропейские, продуцирующие.

«Реабилитационные» предписывают, что надо сделать, «чтобы вылечить скотину», «снять порчу».

«Кор вёлэс тишикедасны, сэки сіе колэ нуны кык верст сае вёр керка доре да вёр керка съёднас мыськыні гёнсэ. Мыен сасэ лэдзан керкасид, ки мыш вылад кисьтні сасэ да аслад лолэн польыштні сасэ да шуні: «Кыдзи тая саис лэбзяс да ылла воше, мед менам вёл выліс тадзи же лэбзяс вомидзис!» мыен сідзи вёчан, дзик пыр вёлід гён ыйлтіс пёсен чепесийас став вомидзис да вёлыд бёр справитчас да лове бёр важ кодис» – «Если на лошадь навели порчу, надо отвести её за две версты к охотничьюму дому, и вымыть её сажей, снятой со стен баньки. Потом насыпать небольшое количество сажи на обратную сторону ладони, и дунуть на лошадь эту сажу со словами: «Как эта сажа улетит и растворится в природе, так же пусть улетит сглаз с моей лошади. Как только это проделашь, с лошади сглаз выйдет потом, и лошадь поправится и станет как прежде» [Зырянские тексты, 312].

«Апотропейские» обряды направлены на охрану животного от всякой угрозы: зловредных духов, хищников, природных стихий и человека. В приговорах, сопровождающих отдельные моменты ежедневного ухода (дойка, кормление, выгон), перечисляются основные «источники» угрозы: «Святы Ласей, Святы Анастасья, Святы Модес, Святы Харлампия, видзей да бережитей менсым Милкаматушкаэс став лёксыйс, став притчасыйс, гымысь, вавысь, бывысь, завидь синъясысь» – «Святые Власий, Анастасия, Модест и Харлампий, храните и сохраните мою Милку-матушку от всех плохого, несчастных случаев, берегите от грома, воды, огня, завистливых глаз» [Лобанова В.Е.]. Это самая многочисленная группа вербальных оберегов, входивших в комплекс ритуалов первого выгона скота, купли-продажи, проводившихся как ситуативно (отёл / ожереб, случка и т.д.), так и в особые календарные дни (к примеру, в Великий четверг). К примеру:

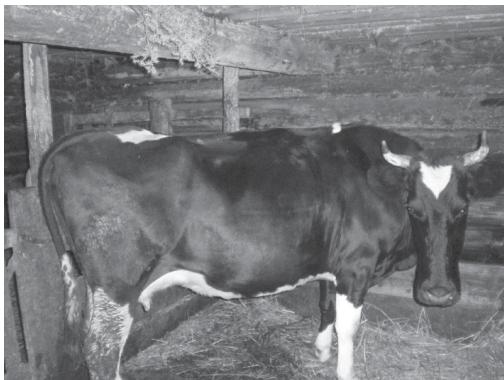
«Бабаяс мёс лысътом бёрын мёс каджёс куимысь кресталёны, кутшомкё молитва лыдьдьёмён, мед оз вомдзассы. – Женщины, подоив корову, три раза перекрещивают крестец, при этом читая молитву, чтобы [корову] не сглазили» [ОФ НМ РК: Изв № 198. Л. 223];

«Кодыр мёс куканясьём да сы дорё лэччёны видзыштны, то пырысьясыс воманыс курчёны идзас, медым оз уркнитчи куканыыс. – Когда идут к только что отелившимся корове, находящие берут в рот соломинку, чтобы не сглазить телёнка» [ОФ НМ РК Д. 200. Л. 531];

«Продуцирующие» обряды направлены на увеличение функциональных характеристик животного, здоровья, плодовитости. Подобного рода ритуалы про-

Предметы, приготовленные для окуривания коровы от сглаза (остатки сена, можжевельник, шерсть коровы и щучья челюсть).

Можжевельник, принесённый в Великий четверг и хранимый под матицей хлева в течение года в качестве оберега.

водятся при строительстве хлева («чтобы скот плодился»), в календарные даты, и сопровождают все этапы жизни животного от рождения до забоя.

«*Мед мёс тырсялас, колё мёс мышку вывсё вачкавны муж[ик] съёд гачнад.* – Чтобы корова покрылась, надо бить её по спине нестиранными мужским штанами» [ОФ НМ РК: И nv № 198. Л. 234 об.];

«*Кор ыжёс шырёны, шырём мысти гённас куймысь окёдёны, да мышти кузяла зырыштёмён нүёдёны, мед ыж ваяс бара вурун, локтас горто и оз вомдзасы.* – После стрижки у овцы берут отстриженную шерсть и сначала три раза подносят ко рту, а потом проводят по спине, чтобы у овцы была шерсть к следующей стрижке, чтобы она возвращалась домой с пастьбы и чтоб не сглазили» [ОФ НМ РК: И nv № 198. Л. 223].

Приведённые тексты указывают на то, что одни и те же ритуальные действия могут осмысляться и как продуцирующие, и как апотропеические. Одни и те же ритуальные действия разными информаторами могут оцениваться или как производящие, или как апотропеические. Например, стегание скота в вербное воскресение получает следующие варианты мотивировок: «чтобы скот был здоров» / «чтобы скот не болел» / «чтоб живучим был» / «чтобы плодился». Это происходит, во-первых, потому, что мотивации самих исполнителей обрядовых действий, запретов и предписаний, чаще всего, являются вторичными, первоначальное значение обряда может быть выяснено только в результате «сравнительно-исторического, типологического и ареального изучения» и выявления в каждом случае доминирования определённого кода (предметного, акционального, вербального, локального и темпорального). Во-вторых, понятия «преумножение» и «сберегание» в традиционной культуре имеют характер взаимодополнительности, поэтому и в скотоводческих обрядах производящие и апотропеические аспекты частично перекрывают друг друга («сохранить/уберечь и приумножить»).

Взаимодополнительность разных аспектов скотоводческих обрядов возникает из их социорегулирующей функции. В первую очередь обряды регулируют отношения внутри дома, показателем благополучия которого является, в первую очередь, количество и состояние скота. Особенно это проявляется в обряде купли-продажи, направленном на «освоение» животного и адаптацию его в новом жилом пространстве. А это предполагает включение, не только в хозяйствен-

бытовую сферу, но и в магическое пространство дома, требующее налаживания тесной связи между новым животным и духом-покровителем семьи и подворья. Отсюда – выбор приобретаемой скотины по предпочтительной масти, повадкам, внешнему виду, соответствующему доминирующему признакам предыдущих животных, и даже учитывание взаимоотношений старых и новых хозяев.

Обряды имеют целью и регуляцию отношений животных с внешним пространством, центр которого представлен домом. Заговорно-заклинательные тексты и ритуальные действия нацелены на то, чтобы приучить скотину всегда возвращаться на исходную точку (на место, домой), наладить отношения между своими и чужими животными в стаде, а также научить выживать в чуждой среде. Последнее, как, впрочем, и всё в традиционной жизни имеет двойственный характер. С одной стороны, скотину на летнее время «отдают под охрану» духам-хранителям леса и пастбищ, святым покровителям. С другой стороны, чисто практически скотину после стойлового периода постепенно адаптируют к природным условиям. Если первый выгон скота в центральной России приурочивается к Егорьеву дню, то в коми традиции в этот день совершают символический выгон скота в подклеть или на двор, сопровождая его произношением заговорно-заклинательных текстов. Первый полноценный выгон скота совершается только тогда, когда позволяют климатические условия, примерно в начале июня.

Кроме того, немаловажным для сохранения здоровья животных считается необходимым поддерживать их нормальное психологическое состояние. Общепринятым является обращение к ним с использованием уменьшительно-ласкальных слов, например, *матушка, вердысь-удісе* ‘кормилица’ (к корове). Уже традиционные клички животных чаще представляют собой производные из существительного с уменьшительно-ласкальным суффиксом или уважительным обращением: *Сюрук* < *сюр* ‘рог’ + уменьшительно-ласкальный суффикс -ук; *Сёдук* < *сёд* ‘черный’ + -ук; *Лунашка* < *лун* ‘день’ + -ашка (например, милашка), *Вилянь* < *выль* ‘новая’ + *ань* ‘женщина’. Под строгим запретом находятся ругань и битьё животных (особенно своих). Считается, что после смерти душу человека, который при жизни хоть раз бил кошку, собаку, корову, коня, эти животные непускают на тот свет.

Знание.

Скотоводство как область традиционных занятий требует определённых знаний (как кузнечное ремесло, мельничное дело, охота), которые в народе обобщённо называются «*скёт гёгёр тёдём*» ‘знание вокруг скота’ [Пименова А.Д.], «*скёт тёдём*» ‘скотины знание’. Приведём несколько примеров из репортажей, с тем, чтобы показать, как определяются эти знания носителями традиции. Знание заключается в произнесении специальных слов: «*Колэ пе век шуны кутшемке кывъяс мёс гёгёрыс*. Говорят, что надо говорить какие-то слова вокруг коровы» [Лобанова В.Е.]. В другом тексте, записанном от этого же информанта, знание представляется как «совет пожилых»: «*Скёт видзигад унатор виччысы тёмтор вермас лоны, и меным кажитче, неуна ке придергивайтчан пёрысьяс сёветас, кокныыдджык лове аслыд скёт гёгёрыд бергавны*» – «При содержании скота может быть много неожиданных ситуаций, и как мне кажется, если немного следовать советам пожилых, будет легче обходиться со скотом» [Лобанова В.Е].

Чаще всего под «знаниями вокруг скота» понимается охранительная магия,

включающая обрядовые действия, владение предметами-оберегами и использование заговорно-заклинательных апотропейических текстов.

«[Нином вёлі оз вёчой, медым еретникыс оз пыр гидад?] Кодке сяма йёзыс карасны, а миян сэтче сям из тырмыв, сяма йёзыс налэн тырмас, коді молитва ястэ быдтор тёдас» – «[Что-то делали, чтобы еретник не проник в хлев?] Умеющие люди делали, а у нас не хватало умений, у знающих людей хватало знаний, которые знали молитвы» [ФФ ИЯЛИ: В 0501-19].

«Пöрысьясыд ёна скöттö видзлি�сны и меным тоже передайтэмась, и ме скöтён же ола. Зэв унатор висыставлি�сны, кор ме ичёт на вёлі, и зэв унатор кывлі. Миян ыджыд мамыс вёлі шүö, ёти женщина миян татён вёлома мёс тёдьысь, сёр пос вомоныс стадаыс ставнас миянладорысь вёлі мунö нелямын кымын мёс, и если кё пе ме öні кёсъя, шува пе кутшемке кыв, и став мёссыс пе татчи пласть усяс, мыйла пё мёс гёгöрыс нином оз тёдны, некутшем молитва пё мёссылы абу лыддемаэсь. Ме пё öні пöрысь нин, да сийес ог нин вёч. И вот, значит, ми, öнія йöз, молитваяссэ мёс гёгöрыс нином ог тёдой, сы вёсна вермасны тёдьысь да кужысь йöз мёстö весиг висымёдны» – «Пожилые много скота держали, и мне тоже передали, что и теперь я живу со скотом. Многое говорили, когда я ещё маленькая была, много слушала. Моя бабушка рассказывала, что была здесь одна женщина – знающая коров. И однажды, когда через мост переходило стадо коров, около сорока голов, она сказала, что если захочет, то скажет какое-то слово, и все коровы тут же пластом лягут, потому что <хозяева> ничего не знают вокруг коров, никакую молитву не прочитали. Но я говорит, сейчас стара уже и не пойду на такое дело. Это означает, что мы, теперешние люди, не знаем молитв вокруг скота, и поэтому знающие и умеющие люди могут напустить болезнь на скот» [Лобанова В.Е].

В других случаях сфера «знаний вокруг скота» определяется способностью выявлять и лечить болезни. И здесь противопоставляются обыденные и сверхъестественные знания. Первыми, минимальными, обладает практически любая хозяйка и любой хозяин животного, вторыми обладают люди, наделённые особой магической силой: тёдьысь букв. ‘знающий’, еретьник <рус. еретик (человек, обладающий сверхъестественным знанием, который может использовать их как на пользу, так и во вред людям), кёневал¹ < рус. коновал (по современным рассказам, определяется как «пришлый ветеринар»), чиган < цыган (как пришлые люди, они считались обладателями сверхъестественных знаний, могли предсказывать причины болезни скота)².

В завершении отметим, что в рамках данной работы были выявлены лишь некоторые темы, в которых представлена народная ветеринария. Современные полевые материалы позволяют констатировать тот факт, что народные представления о болезнях скота и причинах их наступления, методы лечения и предупреждения бытуют параллельно с научной или профессиональной ветеринарией.

¹ Основным представлениям о коновалах посвящена статья (Лобанова, 2004).

² В отличие от славянской традиции, у коми практически отсутствуют тексты о знахарях-пастухах, что обусловлено свободным выпасом скота у коми. Некоторые представления о пастухах-знахарях органично вписываются в представления коми об отходниках-коновалах.

Литература и сокращения:

Алексеевский 2007 – Алексеевский М.Д. Болезни животных и методы их лечения в народной культуре // Живая старина. № 3. С. 37-40.

Журавлев 1978 – Журавлëв А.Ф. Охранительные обряды, связанные с падёжом скота, и их географическое распространение // Славянский и балканский фольклор: Генезис. Археика. Традиции. М., С. 71-94.

Журавлев 1994 – Журавлëв А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М.

Журавлев 1995а – Журавлëв А.Ф. Болезни скота // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти т. Т. 1. М. С. 222-225.

Журавлев 1995б – Журавлëв А.Ф. Ветеринария народная // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти т. Т. 1. М., 1995. С. 361-363.

Ильина 2008 – Ильина И.В. Традиционная медицинская культура народов Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2008. 236 с.

Лобанова 2004 – Лобанова Л.С. Образ коновала в традиционной культуре коми // Материалы докладов XV Коми республиканской молодёжной научной конференции. Сыктывкар, 2004. Т. I. С. 276-278.

ОФ НМРК – Отдел фондов Национального музея Республики Коми.

ФФ ИЯЛИ – Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Сидоров 1928 – Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Материалы по психологии колдовства. С-Пб., 1997. 272 с. (Изд-е второе, первое: Ленинград, 1928).

Налимов 1908 – Налимов В.П. Материалы по этнографии зырян и пермяков // Архив Финно-угорского Общества. Хельсинки. – Suomalais-Ugrilainen Seura. I. 1, 38. / Где ты живёшь / СД.

Пословицы 1983 – Коми шусьёгъяс да кывиёзъяс. Коми пословицы и поговорки / Сост. Ф.В. Плесовский. Изд. второе. Сыктывкар, 1983.

ПМА – полевые материалы автора, собранные в селе Аныб Усть-Куломского района Республики Коми.

Зырянские тексты 2006 – Syrjänische Texte. Komi-Syrjänisch: Ober-Vyčegda-Dialekt. M. Žikins Texte. Gesammelt von T.E. Uotila / P. Kokkonen. Band V. Helsinki.

Список информаторов:

Вахнин А.П. – Вахнин Алексей Павлович, 1929 г.р. (ур. д. Косьвёлök). Республика Коми, Прилузский р-н, Ношульский с/с, д. Сидор-чой. Зап. 20.06.2006.

Вахнина П.П. – Вахнина Прасковья Петровна, 1927 г.р. (ур. д. Ёльдор). Республика Коми, Прилузский р-н, Ношульский с/с, с. Ношуль. Зап. 25.06.2006.

Можегова З.М. – Можегова Зоя Михайловна, 1938 г.р. (ур. д. Лихачевка). Республика Коми, Прилузский р-н, Ношульский с/с, д. Яковлевская. Зап 21.06.2006.

Можегова Л.А. – Можегова Лидия Александровна, 1932 г.р. Республика Коми, Прилузский р-н, Ношульский с/с, д. Якутинская. Зап. 24.06.2006 г.

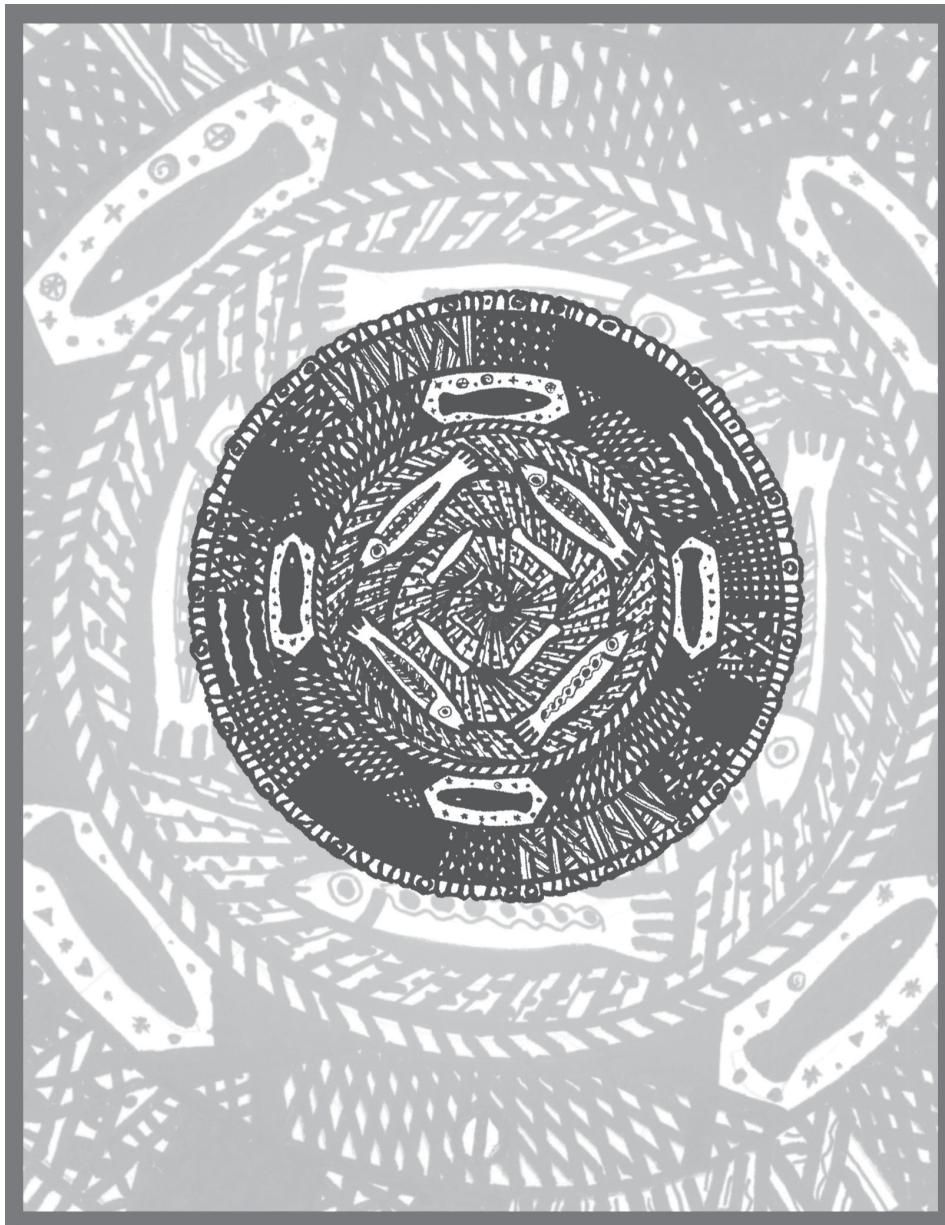
Можегова П.И. – Можегова Пелагея Ивановна, 1935 г.р. (ур. д. Лихачевская). Республика Коми, Прилузский р-н, Ношульский с/с, с. Ношуль. Зап. 23.06.2006 г.

Смолева Н.И. – Смолева Нина Ивановна, 1926 г.р. Республика Коми, Прилузский р-н, Ношульский с/с, с. Ношуль. Зап. 20.06.2006.

Пименова А.Д. – Пименова Анна Дмитриевна, 1914 г.р. Республика Коми, Усть-Куломский р-н, с. Аныб. Зап. 1998 г.

Лобанова В.Е. – Лобанова Валентина Егоровна, 1953 г.р. Республика Коми, Усть-Куломский р-н, с. Аныб. Зап. 1998 г.

**ПРОЗА. ПОЭЗИЯ.
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА**

Алексей Иевлев

Иевлев Алексей Анатольевич. Родился в г. Архангельске в 1960 г. Живёт в г. Сыктывкаре.

Член Союза писателей России. Кандидат геолого-минералогических наук. Работает в Министерстве промышленности и энергетики Республики Коми.

Автор нескольких книг стихов и прозы. Произведения печатались в журналах «Наш современник», «Московский вестник», «ЛитКлуб» (Москва), «Медный всадник» (Санкт-Петербург), «Север» (Петрозаводск), «Кизили» (Йошкар-Ола) и других печатных изданиях и альманахах. Редактор-составитель нескольких литературных альманахов. Лауреат Всероссийских конкурсов на лучшее стихотворение о родном крае и лучшее произведение, популяризирующее профессию геолога.

«Кто же я, Господи?..»

* * *

Татьяне Васильевой

Пересеченья Пространства и Времени –
Химеры,
Летящие в пропасть небытия,
Картины,
Выписанные рукою гения
На стенках мыльного пузыря.

И кто осознает, что наша история –
Лишь череда последовательных утрат
Иллюзий, фантомов и иной бутафории,
Которой пользуется театр?

И кто убедит нас, что цель создания
Меня и той, которую люблю,
Не заключается в простом созерцании
Узоров,
Стекающихся по пузырю?

Романс

Александру Балашову

Зал был – кроха,
Но зато – аншлаг!
Разношёрстный зритель ждал события:
Несколько художников в углах
В разном состоянии подпития,
Две студентки в сетчатых чулках,
Бабушки с кудряшками прозрачными,
Критик с пониманием в глазах
И, конечно, дамы
С неудачными
Помыслами вымарасть года
Чудом макияжа идеального,
Признанная певчая звезда
Местного театра музыкального
С мужем...
Но на то он и романс,
Чтобы совершилось невозможное!
Чтобы сердцу даровали шанс
Испытать томление тревожное
Искренней и пламенной любви
К женщине,
К России,
К мирозданию,
К Богу!
И волнение в крови
Нас предрасположит к пониманию
Общности разрозненных людей
И необходимости прекрасного,
Чтобы пел на сцене чародей,
Уводя от прозы ежечасного
В мир, где правит бал мастеровой
Рыцарь – и вассал он, и высочество...
Пусть поёт
И пусть зовёт с собой!
На Земле довольно
Одиночества...

* * *

Сохрани меня,
Сохрани...
Спрячь иголкой
В охапку сена.
Не гони меня,
Не мани.
Затеряй
Среди хлама,
Тлены...
А потом
На закате дня,
Прибирая своё жилище,
Ты уколешься об меня
И отыщешь...

* * *

Убереги, Господь, меня
От до краёв налитой чаши...

Владельцы хлеба и вина
Легко – на наших и не наших –
Разделят Родину на две...
И наша – только половина...

А у меня вина – на дне,
Но я схожу до магазина.

* * *

Малой Родины не бывает,
Как Россию не умаляй:
Океан целиком вбирает
Родники.
И отцовский край,
Даже прячась в углу медвежьем,
От России неотделим
И уверен в завете прежнем:
Там Россия, где мы стоим.
Где мы строим дома и храмы,
Где мы жили и будем жить –
Мы за всё отвечаем сами
И сумеем защитой быть
Для России,

Если нагрянет,
Не дай Бог, какая напасть...
А Великая
Малой станет,
Если мы ей дадим упасть.

* * *

Бродяга-жизнь...
На ветровом стекле
Разбиты слёзы дождевых иллюзий.
Дорога небо собирает в лужи.
И, думая, что плавает в реке,
Дрожит огнями солнце,
Распуская
По ближним окнам радостных зайчат...
И гуси неожиданно кричат,
И чертит угол их большая стая
Над головами каменных домов,
Не так давно от снега обнажённых...
И смотрит Север,
Как заворожённый,
На жизнь, которая вернулась
Вновь.

* * *

Кто же я, Господи?
Кто?
Пешка на шахматном поле...
Странная птица на воле...
Или слепое число
Собранных вместе ошибок
Или разбитых частей...
Если я – образ, то чей?
Если – подобие,
Близок
Я оказался чему?
Речке, текущей с заката...
Камню, где граней богато,
Да занижают цену...

...Мир обретён ниоткуда
И удивителен тем,
Что столько разных проблем

Есть в сотворении чуда:
Не было раньше меня,
В будущем – тоже не будет...
Так для чего меня будят
В мир, где хватает огня?
Я – как свеча восковая,
Слёзы которой – не в счёт,
Пламя которой живёт,
Даже сейчас умирая...

Или пожар дорожит
Каждой сожжённою веткой?
Каждою маленькой клеткой,
Где искра жизни дрожит?
Кто же я, Господи?
Кто я?
Может, один из людей,
Собранных волей Твоей
В лодке библейского
Ноя.

* * *

Когда за окнами в снегах уснула ночь,
Устав считать на небе бриллианты,
Мы возвратили полкам фолианты,
Послушали, как мирно дышит дочь,
И перебрались тёмным коридором
На нашу кухню, и включили свет...
О, странный возраст
Середины лет,
Когда согласие предпочитаем спорам,
Когда уже не нужно проверять
На прочность устоявшиеся чувства,
Когда в любимом ценишь не искусство,
А силу в искушеньях устоять.
Когда жена – любимая и друг,
И в ней жива девичая осанка...
Заварен чай.
Стоит варенья банка.
И пахнут домом
Пальцы милых рук.

* * *

Всё больше жителей подземных городов
Встречаю днём на наших тротуарах.
Отлично выглядят они в костюмных парах,
И хорошо воспитаны – нет слов!
Но исправка...
И эта сталь в глазах...
И лёгкость в оправдании насилий...
И убеждение, что мы их попросили
Дать нам порядок...
А нам дали
Страх.

* * *

Не знаю
Геометрию души...
Взорвавшись, пустота сметёт пределы.
И бывший раб покинет борт галеры,
И яблоко сорвёт,
И согрешит...

И вынесет обманчивость дорог,
Которые всегда приводят к дому.
И будет знать, где подстелить солому...
А к чаю будет
Яблочный пирог.

Запретное
На сладость и обман
Ежевечерней и уютной скуки
Легко менять,
Когда ломает руки
Деревьям
Наползающий туман.

А сердце вспомнит песни стариков,
Шуршание иглы на чёрном диске.
И различит на старом обелиске
Рецепт приобретения оков.

В отбросах дней отыщется алмаз:
Там даже кандалы – и те звенели!..
А яблоки до смерти надоели...
А грех был сладок только в первый раз...

Пётр Шахов (1931–2006)

Пётр Федотович Шахов родился 22 января 1931 года в деревне Кекур Усть-Куломского района. Учился в Ухтинском горно-нефтяном техникуме, позднее окончил Сыктывкарское педагогическое училище. В молодости привелось быть воспитателем и директором детского дома. Работал в редакции газеты «Югыд туй», был редактором Коми книжного издательства. В течение ряда лет занимал должность главного редактора журнала «Войвыв кодзув». На пенсию вышел с должности председателя правления Союза писателей Республики Коми.

Автор рассказов «Тёлые бара вёлі кёдзыд», «Уна и колё», повестей «Олымыс сёмын заводитчё», «Ӧксинь тъёт», «Лёз патефон».

Синий патефон

Повесть

Начало в № 3 2009 года

Глава третья

Вадоров положил ручку, откинулся на спинку стула, невидящими глазами уставился в чёрный проём окна. И снова увидел галочью стаю и услышал родные детские голоса.

- Ленка, не отставай!..
- Саша, не могу, живот болит!
- Ленка!
- И зачем мама ушла... И почему папы нет...

Зашемило сердце, душной и тесной показалась просторная до сих пор комната. Василий вскочил, быстро оделся, вышел на улицу, пробрался сквозь кромешную тьму и бесцельно зашагал по ярко освещённой дороге. Просёлок вёл к железнодорожной станции, к речушке с шаловливым названием Петунь. Да. Так и есть. Давно уже не сидится Василию Вадорову за столом. Раньше, вроде, оправдание было – работа, дети. Некогда, в общем. А тут – ни детей, ни работы – опять же не сидится, тянет курить, прогуляться, постоять возле рыбаков на озере, послушать с узенького мостика тихое журчание реки, замысловато петляющей между большими и малыми холмами, поросшими весёлым березняком вперемешку с суровыми соснами, поглядеть, как сверкает яркими окнами, гремит и лязгает пассажирский поезд, приближаясь к станции Петунь.

И дома Василий Вадоров подолгу просиживал у окна. Встанет с утра, умоется, попьёт чаю, готовит для детей завтрак и, как во сне, встанет у окна. И потянутся,

цепляясь друг за друга путаные и бесплодные мысли – призраки. Потом накорчит и отправит в школу Лену с Сашей, снова – курит у окна. Глядишь, на часах уже десять! Встряхнёт головой, отгоняя непрошеные и тягостные раздумья, но снова потянет на курево, и снова стоит он у окна. И так каждое утро, и каждый вечер. Даже с работы спешит-торопится для того, чтобы опять же придти и стать к окну. Не будь Саши с Леной, может, и вовсе от окна бы не отходил.

Началась болезнь, которая может плохо кончиться, – записал в своём дневнике Василий Вадоров, но что за болезнь, откуда и отчего, и как от неё избавиться – не записал. Об этом следует знать только ему самому. И он почти знал, что на пути его счастливой жизни встретился тот разлом, что может обернуться пропастью. Надо взять, преодолеть препятствие. Но Василий не знал, возможно ли это вообще. Да пока что и не пытался узнать, так как спросить об этом следовало и у Нины. А она учится. Далеко. В Архангельске. Последний, третий год. И вряд ли стоит будоражить её такими вопросами сейчас. Но ему самому от этих вопросов не уйти. И не надо уходить. И Василий всё быстрее шагал по узенькой заасфальтированной тропе между высокими, раскидистыми соснами и, в который уж раз, как в горячке, доказывал что-то самому себе.

А началось всё с переходом Нины в строительный трест, – говорил он себе. – Тогда она стала часто задерживаться на работе. По телефону – в девять, в десять вечера – она говорит: ужинайте без меня, у нас совещание, а потом ещё срочная работа. Приду поздно.

– Куда звонить, если нужна будешь?

– Звонить не надо, сама приду.

И она приходила в полночь, за полночь, тяжело дышала:

– Уф. Столько работы. Не нужно было в трест переходить.

Василия и удивляло и возмущало это тяжёлое, учащённое дыхание. Ведь не дрова же она рубила на работе! Он молчал. А Нина быстро раздевалась, уходила в свою комнату и закрывала дверь. А Василий шёл на кухню. Курить. До часу, до двух. Надеялся, что встанет, выйдет жена, спросит, почему не спит, а сидит в сплошном дыму её муж! Тогда и началась у него эта «оконная» болезнь.

А потом начались консультации. Однажды вечером Нина весело заявила:

– Вот, Васенька, и у меня будет высшее образование.

– Очень хорошо, – сказал Василий.

– Мне предлагают поступать на трёхгодичные инженерные курсы. Финансы и планирование. Зарплата сохраняется. Думаю, что ты не возражаешь? Меня считают самой перспективной. Тридцать лет. В тридцать три – инженер-экономист.

– Я не против. Проживём. Ты и сейчас, вроде, как не дома живёшь. Заседания, срочная работа за полночь. В выходной – снова работа. Посмотри-ка сюда... – Василий поманил жену в ванную. Открыл полную грязного белья стиральную машину, резко отодвинул занавеску перед ванной – там то же самое.

– Мда. Ты что, этим меня упрекнуть захотел? А сам что, постирать не можешь? Саша вон вымахал! – спокойно спросила жена.

– Мы, конечно, можем, – с трудом сдерживаясь, как можно спокойней ответил Василий. – Мне странно, почему ты этого не видишь. И потом: денег ты нам не оставляешь. В доме ни сахара, ни чая, ни масла...

– Что, у тебя, писателя, на хлеб денег не хватает?..

– А ты, что – уже не в семье живёшь?

Вот так, вот так. Нина помолчала, причёсываясь возле зеркала, затем спросила:

- Чего ты от меня хочешь?
 - Чтобы хоть иногда о доме вспоминала.
- После чего она стала одеваться.
- Куда?
 - На консультацию. Мне надо готовиться в институт.
 - Сходим вместе.

На это жена не ответила ничего, супруги вместе вышли из дома. Шли молча. Нина зашла в магазин, Василий ждал её на улице. Жена вышла из магазина, с шумом вздохнула, зло взглянула на мужа и повернула к дому.

«Вот так, Нина. Вот так, – в который раз уж повторял Василий. – После этого за тобой не бегал. Понял: не в консультациях, не в срочной работе тут дело. Понял, но молчал. Стало страшно за маленьких детей. Пусть будет срочная работа, консультации, дни рождения у подруг и тёток – Лене с Сашей нужны отец и мать».

Осенью она поступила в институт. Лена – в первый класс, Саша – в шестой.

И третий год между нами ночь. И вместо того, чтобы сидеть за столом и писать, я вижу, как сиротливо в этой夜里 летят две галки – Лена и Саша. И мне не терпится крикнуть: «Нина! Разве ты не слышишь этого? Ты же мать! Женщина!..»

В неотвязных разговорах с самим собой, Василий шагал всё быстрее и быстрее, пока не упёрся в перегородивший дорогу шлагбаум.

– Ты что, ослеп? Или нализался? – крикнула дежурная из будки.

Василий молча проскочил через железнодорожное полотно, взглянул на аквариумные стены стоящего на самом берегу речушки кафе и вошёл. В небольшом зале несколько столов, буфет. Зал пустой, если не считать двух женщин в глубине и мужчины. Мужчина – смуглолицый и сухощавый – уже праздничный, счастливый и довольный жизнью, откинувшись на спинку стула, курил, смело разглядывая входящих и желая немедленного общения. Василий сел за его столик.

– Садись, друг! Мы в одном доме живём, в Доме писателей. Будем знакомы – Лукин.

- Вадоров.
- Откуда?
- Из Коми.

– О! – воскликнул Лукин. – Мы, северяне, поймём друг друга. О чём вы пишете?

– Сразу? – удивлённо взглянул на нового друга Василий.

Но ответа не требовалось, Лукин продолжил сам.

– Я пишу о деревне. Пишу остро, принципиально, и за это ко мне постоянно цепляются. Начальство терпеть меня не может, потому что пишу остро, со мной не здороваются, отворачиваются при встрече, а я – всё равно! – пишу остро. Мне не нужны мягкие рукопожатия и похвалы, мне нужны: Правда, Правда жизни. Ведь я – писатель, – быстро и горячо выкладывал Лукин.

– Как ты пишешь? – он снова не дождался ответа и продолжил. – Когда я чувствую, что пора садиться за стол, я бросаю всё – дом, жену, детей – беру в гостинице номер и пишу, не отрываясь, день и ночь. Пишу быстро, чтобы всё, что накопилось в голове и на сердце, непременно попало на бумагу. Пишу по двадцать страниц в день. И больше. Пока всё не выложу. Когда опустею и остыну, как камень на ветру, тогда – понимаешь? – выпиваю стакан водки, посижу за столом и, как потеплеет на сердце, громко запеваю. Что-нибудь удалое, что пер-

вым придёт в опустевшую голову. Спою и бросаюсь на кровать, и сплю столько, сколько смогу. И, — слышь? — просыпаюсь, как ребёнок, может, сутки, может, двое проспал. В голове пусто и весело, в груди, в животе тепло, но не жарко — как в Грузии осенью. Чёрное море голубое и ласковое, но не купаются, луга зеленеют, но трава уж не растёт. И такая во мне лёгкость, что впору взлететь. Вася! И прихожу домой, как с того света. Вот как я пишу, Вася! Пишу остро, проблемно, за что постоянно дёргают, вставляют палки в колёса. Книга сначала в Москве выходит, а потом уж дома. Мне дома начальство говорит, что мол, ты Лукин, как камень неотёсанный, колесо с острыми углами, трудно с тобой работать, будешь себя и дальше так вести — никакой протекции от нас не жди. Протекция. Понимаешь, друг, что за страшное слово!.. Протекция... Покровительство, если по-русски... А меня покрывать не требуется! Я сорок лет без протекции прожил. Проживу и дальше. Выпьем за это, Вася! — Лукин взял графин с водкой и стал наливать в рюмки. Вадоров поднялся и подошёл к буфету, сделал заказ.

Буфетчица понимающе улыбнулась.

— Берите уж сразу бутылку. Всё равно ещё придёте.

Василий помолчал, лихорадочно заработали миллионы мозговых клеток, обрабатывая варианты: ты не пить приехал, ты приехал писать; пол-литра много; можно не всё пить; выпить и хорошо закусить.

И в какой-то одной из миллиона родилось: всё путём, ты — отпускник, один вечер и отдохнуть можно, новый друг, писатель...

И вот уже просчитаны все варианты и на выходе ответ: можно брать бутылку.

А когда бутылка наполовину опустела, все сомнения и размышления стали уже далёким прошлым. Василий прямо и ласково смотрел в большие тёмные глаза Лукина и уже начал говорить о том, что Правда бывает разная и, что писателю надо искать и показывать Правду художественную и, что тогда никто не будет в обиде. Но тут он подумал, что, наверное, и Лукин говорил не только о Правде голого факта... И Василий просто и коротко сказал, что сам он пишет медленно, и если что-то у него получается, то получается трудно и не сразу.

— Оставим эту тему, — вполголоса сказал Лукин. — На тебя девушка смотрит.

Василий оглянулся. За соседним столиком молодая женщина потягивала через соломинку какой-то коктейль. Лицо показалось знакомым.

— Не скучаете в одиночестве?

— Скучаю.

— А где я вас мог видеть?

— В Доме писателей. Вы обедаете за четвёртым столом, а я — за пятым.

— Вы — поэтесса?

Женщина тихо рассмеялась.

— Прозаик?

— Ни то и ни другое. Я отыхающая.

— Можно с вами познакомиться и пригласить за наш столик?

— Можно. Меня зовут Галина.

Когда симпатичная и простая девушка открыто и просто улыбнулась, когда пересела, миллионы мозговых клеток наперебой загадали одно и то же: «Это хорошо, это очень хорошо, что я пришёл сюда — на берег реки Петунь, в маленькое кафе из стекла и бетона, что сияет в темноте, как яркий игрушечный ящик. Хорошо, что я здесь. Ведь я в отпуске. К чёрту писанину! Надо жить, узнавать

жизнь: ведь я так редко вижу что-то, кроме дома и редакции, всегда одни и те же лица, разговоры, одни и те же улицы и дома: надо жи-и-ть...»

И стало Василию легко и весело. И когда он вновь оказался у буфетной стойки, и когда буфетчица снова улыбнулась: «Я же говорила – снова подойдёте», – Василий ловко подхватил её тёплую и мягкую ладонь с ухоженными пальцами, легко прикоснулся губами. Ах, каким он стал галантным и смелым!

– Бутылку шампанского... Три рыбы, три икры. Конфет. Пожалуйста! Вы такая хорошая!..

Легко выложил на стойку деньги и, равнодушный к ним, показал, что сдачи не надо.

Усевшись за стол, Василий почувствовал, что в голове ещё продолжается какая-то работа, кто-то всё ещё просчитывает варианты, посыпает предостерегающие сигналы. Но полноправный шеф и хозяин этого грандиозного вычислительного центра весело поглядывал на новых друзей и властно утихомирил своевольничающих сотрудников: «Хватит, хватит. Бросьте мелочиться. Я сегодня отдыхаю. Сами прекрасно знаете: за рабочим столом сегодня не сидится. Вот отдохну, сплю разок новым друзьям «На горе высокой», выйду на берег Петунь-реки да прогорланю «Девки по воду спускались» и завтра сяду за стол. Завтра всё будет ясно и понятно, о чём писать и как писать...»

– Друзья! – горячо и возвыщенно начал Василий, подняв бокал с шампанским.

– Я не пью, – виновато отказалась Галина, мягко прикрыв ладонями бокал. – Я не умею.

– А что умеете? – начал заводиться Василий.

– Я... я, – растерялась, но затем встряхнулась, рассмеялась и ответила, – умею по руке гадать.

– Вот моя рука! – с готовностью выставил ладонь Лукин.

Девушка осторожно взяла сухую смуглую кисть, внимательно взглянула сначала в лицо её хозяину, затем – на расчерченную морщинами ладонь, а потом медленно, как во сне, заговорила:

– У вас всё хорошо... да... хорошо... много детей... пять или шесть...

– Пять, – уточнил Лукин.

– Но один из них вас беспокоит... Он заболел или... – внимательно посмотрела на мужчину гадалка.

– Сын или дочь?

– Этого я не знаю, но вы часто о нём вспоминаете...

– Откуда вы знаете?

– Мне так кажется.

– Но вы говорите правду! Серёжа, сын, упал с турника, в гипсе, в больнице.

Девушка не отвечала. Потом тихо добавила:

– Он поправится, не переживайте, работайте спокойно, пишите новый рассказ, роман, – и улыбнулась.

– Как вы узнали? Слышали, как я с женой говорил по телефону?

– Ничего не слышала.

– Взглядите на мою, – нетерпеливо протянул Василий руку, с трепетом ожидая прикосновения.

Галина только слегка дотронулась до его ладони, взглянула и отпустила. И сказала, пряча глаза:

– Вас любят дети, и вы любите детей.

– И всё?

– Да.

– А, может, у меня и детей-то нет?

– Есть. Не много, но есть... У вас двое детей.

– Чудеса! Вы угадали. У меня двое детей. В самом деле.

Василий попросил продолжить гадание, на Галя больше не взглянула на протянутую руку.

– Вы мне не всё сказали, – не унимался Василий.

– Мне почему-то показалось, – тихо сказала Галя, – что... что... что ваша жена собирается... выйти замуж...

– Что? – поразился Василий.

– Что? – удивлённо переспросил Лукин. – Жена собралась замуж!

И эти три слова – «жена собралась замуж» – показались мужчинам такими смешными, что, отсмеявшись, они на радостях обнялись и расцеловались.

– Галь! – уже по-родственному просто сказал Василий. – Ну как же моя жена может собраться замуж? Как вы до этого додумались?

– Не знаю. Мне так показалось. Может, она не любит вас, или вы не любите?..

– Но как же она может собраться замуж, не разведясь со мной?

– Это вам виднее, – нерешительно отбивалась Галя.

– А если это правда? – тихо спросил Василий, внимательно вглядываясь в лицо девушки. А про себя подумал, что, если это правда, то ничто не мешает ему немного увлечься этой милой девушкой. Сам бог послал её Василию. И шёпотом добавил: – А о чём я сейчас думаю, можете угадать?

Галя взглянула на Василия, как на ребёнка, и мягко положила свою ладошку на его руку.

– Могу.

– О чём?

– Вы хотите меня поцеловать.

– Чудеса! А можно?

– Можно.

– Правда?

– Да.

Василий приблизился к девушке, чуть придержал её голову в своих широких ладонях, поцеловал и, слегка обалдевший, сел на место. И сидел, притихший и счастливый, как дитя, не смея поднять глаз. А когда поднял, увидел улыбающееся Галино лицо.

– Что, смешно?

– Я знала, что вы поцелуете в щёку.

– А что... можно иначе?

– Можно. Ведь я вас давно знаю, давно люблю...

– Меня?

– Потом как-нибудь расскажу.

Василий осмотрелся. Зал был пуст. Даже за стойкой никого не было.

– А где... Лукин?

– Он ушёл, когда вы встали, чтобы поцеловать меня.

– Пусть. Я вас домой провожу, и там, под каким-нибудь прекрасным деревом...

– Нет. Вы меня и на улице не поцелуете.

– Почему?

– Не готовы вы к этому. Для вас и этот поцелуй – грех. Вы ещё никогда с другой женщиной не были, и сейчас вам всё кажется грешным: и то, что сидите с незнакомой женщиной, и разговор наш, и то, что провожать её собрались – всё это большой грех. Угадала ведь: никого, кроме жены, не целовали?

– Вы и в самом деле ясновидящая, – невесело усмехнулся Василий.

Галия тихо положила свою руку на его:

– Всё очень просто, Василий Александрович. Вы, писатели, как дети, у вас всё на лице написано. Глядя на вас, совсем нетрудно угадать, что вы любите детей. А разве дети могут не любить отца, который их любит?.. Всё это очень просто...

– Вы кто? По образованию?

– Врач. Приехала вместе с отцом, а отец – писатель, вот и хожу одна, в Москву часто езжу: музеи, театры...

– Вот оно что... – уныло протянул Василий.

– Пойдёмте домой, я провожу вас, вы – меня. Завтра вам работать, спите спокойно, ни о чём не думайте. О чём вы пишете?

Василий отшатнулся. Нехорошо ему стало от такого вопроса. Вот тебе и писатель, отец, муж... Вместо того, чтобы сидеть и писать, развлекается в пустом кафе с незнакомой девушкой, увивается, ещё на что-то надеется...

– Ничего я не пишу, Галина Викторовна. Разговоров больше... Когда-то давным-давно, перед самой войной, меня, второклассника, и ещё одного мальчика послали из деревни в далёкий город, на первую детскую республиканскую олимпиаду. Вместе с нами поехали ребята из другой деревни, но они постарше были – лет по четырнадцать, пятнадцать. А через два-три года эти дети уже воевали, дрались с фашистами, истекали кровью. Многие из них погибли. И я хочу рассказать об этих ребятах, о том времени... – Василий потянулся к бутылке с шампанским.

– Василий Александрович! Не надо! – попросила Галина Викторовна, отодвигая бокалы. – Того, что выпили, вам и так на всю ночь хватит. Пойдёмте. Я провожу вас. Не надо пить. Повторяйте: завтра надо работать, надо работать. Никаких выпивок, никакой расслабленности – работать, только работать. Мой отец так приговаривает, когда ему не работается. И вы попробуйте.

– Никаких пьяняк, никакой расслабленности. Работать, – повторил Василий, глядя в серые глаза Галины Викторовны.

Ему было и радостно, и хорошо. И сама эта девушка, и её ласковый голос, и мягкая, но настойчивая забота о нём – всё это было так неожиданно и желанно, что Василий по-юношески трепетно замкнув в своих ладонях девичью руку, замер, снова и снова вглядываясь в милые и вдруг ставшие такими близкими, давно знакомыми, черты её лица. Пушистые, кудрявящиеся на лбу и туго свёрнутые в шоколадный узел на затылке, волосы; небольшие, чуть раскосые глаза за густыми ресницами; лёгкий румянец на загорелых щеках; мягко очерченный рот с чуть вздёрнутой верхней губой... Василий вдруг с удивлением осознал, что такого с ним давно уже не было: давно не говорил он ласковых и нежных слов, обращённых к женщине; давно не слышал их сам. И, может быть, как раз этого ему не хватало, чтобы сесть за работу.

– Вы такая хорошая, – прошептал Василий Гале, когда они вышли на улицу и удалились от щедро излучающего электрический свет ящика-кафе. – Вы такая хорошая, – не говорил, а только дышал Василий, и чутко сплелись их пальцы, передавая то, что не могли передать слова... – Вы такая...

— Вот, — только и вымолвил Василий, мягко прижав к груди девичью голову, и чувствуя, как по-молодому стучит и толкается о Галину голову ошалевшее сердце. Промчался поезд, обстрелял огненными окнами осеннюю темень соснового бора и утих вдалеке. Только мерно шумели сосны и журчала по камням Петунь-река.

— Вот, — перевёл дух Василий и тихо погладил уютно устроившуюся у него на груди голову. — А вы говорили, что и на улице не посмею...

— Мне так показалось, — прошептала Гаяля. — Откуда мне знать...

— Вы подарили мне давно забытое чудо. Зачем? Именно мне?..

— Так надо.

— Я не думал, что меня кто-то может ещё любить.

— Если хотите знать, я давно люблю вас, ищу вас повсюду, семь лет.

— Смеётесь?

— Нет. Расскажу. Ведь я старая, старая дева. Двадцать семь лет! Всё хочу полюбить и не могу. Как-то давно я встретилась с одним человеком... Во сне... Такой хороший был сон... Он сказал: жди, увидимся, обязательно увидимся... С тех пор я и наяву вижу его, как живого... и ищу его... В метро, в поезде, в самолёте, в театре и на улице, и не нужен мне никто, кроме него. «А не пора ли тебе, Галечка-пигалечка, влюбиться и гнёздышко свить?» — спросил как-то отец. «А я, папа, уже влюблена». — «В кого?» И я рассказала ему. «Мы с ним обязательно встретимся, — сказала я отцу. — Я его очень люблю, и он меня». А его всё нет и нет. Мне было так тоскливо, просила хоть во сне прийти. И во сне не приходил. Вот такие дела, Василий Александрович. Этой осенью отец и говорит: бери, принцесса, отпуск, махнём в Москву, поживём в Доме писателей, может, и принц твой там бродит. Приехали. Смотрю, разыскиваю своего принца. А здесь! Боже мой! В столовую тащатся в мятых брюках, рубашки до колен, лысые, с животами, губы обвисли: едят, как работают, никого перед собой не видят, насытятся и снова, как неприкаянные, тащатся к себе, чтобы побыстрее скрыться с глаз людских до следующей кормёжки! Боже мой!..

— Ну что, нашла? — спросил за обедом отец.

— Папа! Ты что, не видишь?!

— А что? Они такие сказки про любовь накручивают, что и сами запросто могут принцем прикинуться!..

— Папа! Не смеши меня!..

И стала я пропадать в городе. Театры, музеи... И — вдруг! — однажды, за обедом поднимаю голову, смотрю: Он! Мой принц! Заходит. Высокий. Стройный. Светлый костюм, белоснежная рубашка, голубой галстук, каштановые волосы пострижены по моде, глаза смеются. Он! Мой принц! Идёт между столиками прямо ко мне! Тут я поперхнулась, закрылась салфеткой. Подняла глаза — сидит, рядом совсем, за четвёртым столом. Мне стало жарко, есть не могу, в стол уставилась и сижу.

— Что с тобой? — спросил папа.

А я, как пружина, ничего сказать не могу.

— Гаяля?!

— Он, — говорю, а глаз не поднимаю.

— Кто?

— Он. Принц. Пришёл. За четвёртым столом. В сером костюме. Я же говорила: встретимся. Только тихо, папа, тихо.

Папа украдкой, через плечо взглянул на четвёртый стол, потом на меня.

— Он,— повторила я, а сама никак опомниться не могу.— Он приходил и говорил со мной во сне, только чуть-чуть помоложе был.

— Столько лет прошло. И ты изменилась. Может и не узнать,— шепчет отец.

— Узнает. Вот буду выходить, и узнает.

— А вы и не узнали,— помолчав, продолжила Галина,— а я так медленно шла мимо вашего стола, так долго стояла возле самовара, а вы не узнали. Разок, правда, взглянули.

— Галия! Я боялся. Соседи говорят: на наш стол принцесса засмотрелась, и я не мог есть.

— Вы и потом меня не узнали. А я гуляла по саду, когда вы бегали на зарядку, следом за вами гуляла по парку и вместе с вами наблюдала за стаями галок, я была вашей тенью. Почему вы не узнали меня, не окликнули?

— Мне казалось, что я могу вам помешать...

— А я стала плохо есть, спать. Папа забеспокоился. Однажды пришёл и говорит:

— Хватит, принцесса. Твой принц — вовсе не принц, а такой же, как я, писатель. У него жена, двое детей. Я же тебя предупреждал: писатель может и принцем прикинуться! Ему 39 лет, на 12 лет моложе твоего отца.

— Пусть. Откуда узнал?

— А я к администратору обратился. Они всё знают.

Видите, мне совсем нетрудно было по вашей руке гадать, а вы говорите — гадалка...

— А Лукин?

— Он через день жене по телефону звонит. Весь дом знает, сколько у него детей и кто из них болеет...

— Да, а я чуть всерьёз не поверил! Но почему вы решили, что моя жена замуж собирается, что она не любит меня?

— Мне так показалось... Иначе, как бы вы могли полюбить меня? Как сбылся бы мой сон? Вы не сердитесь?

— Мне хорошо с вами, легко. Даже не верится...

— Я знала, что мы встретимся. Это именно вы приходили ко мне во сне, только вы, я сразу вас узнала, как только вы вошли.

— Я тоже ждал,— шептал Василий, тихо перебирая пальцами её мягкие, пушистые волосы.— Я надеялся: где-то ходит, ищет меня мой единственный человек.

— Вот и всё. Я нашла вас, и я счастлива. И я верю, что вы очень хороший человек. Из сказки. Пойдёмте. До завтра. Завтра...— и Галина сама крепко прижалась к Василию, нашла его лицо, спутала густые волосы принца.

Василий долго ещё сидел у себя в комнате. Горела настольная лампа, освещая исписанные и чистые листы бумаги, письма, фотографии. Не верилось Василию, что ещё совсем недавно он стоял под соснами и обнимал девушку, и она обнимала его, называла любимым, принцем...

— Я хотел жить без любви,— усмехнулся Василий.— Вот и не получается. И нельзя. И не нужно. Без любви.

Отяжелевшая голова коснулась спинки кресла, мелькнуло в сознании в последний раз:

— Нельзя... А что — нельзя?..

Продолжение следует...

Елена Созина

Созина Елена Константиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Уральского государственного университета, заведующая сектором литературы Института истории археологии УрО РАН (г. Екатеринбург). Сфера научных интересов – история русской литературы, литература региона; мифопоэтика текста, типы художественного сознания и письма. Автор книг: «Теория символа и практика художественного анализа», 1998; «Динамика художественного сознания в русской прозе 1830–1850 гг. и стратегия письма классического реализма», 2001; «Эволюция русского реализма XIX в.: семиотика и поэтика», 2006.

Книга К.Ф. Жакова «Биармия» в контексте мифотворчества писателя¹

Известное сегодня произведение Каллистрата Жакова «Биармия» в жанровом плане обычно определяется как коми литературный эпос, и безусловность этого утверждения не подлежит сомнению. Но хотелось бы обратить внимание ещё на один аспект «Биармии», в предисловии А.К. Микушева не случайно названной «коми “Калевалой”»². Как и «Калевала», это прежде всего книга, вписывающаяся в контекст священных книг, существующих у различных народов: от священной книги христиан, а ранее иудеев (Тора и Библия) до Голубиной, Книги судеб, Книги перемен, Книги мёртвых и т. д. – книг, собирающих в себе сокровенное знание, принадлежащее народу, сохраняющих его от забвения и передающих дальше, потомкам. То, что в новое время у такого рода книг, ранее не имевших авторства, появляется автор, можно считать закономерным: именно автор берёт на себя ответственность за судьбу духовного наследия своего народа, придаёт цельность и целостность мифу, оплотняя его до художественного мира – синонимичной модели того мира, что составляет реальность мифа.

А.К. Микушев выделяет три основных типа жаковского фольклоризма, «определенные вместе с тем и специфику его прозы»: 1) использование традиционного фольклорного источника, но с видоизменением его образа или сюжета; 2) использование фольклорного источника только лишь как повода, импульса для создания своего произведения; 3) имитация фольклора в оригинальном автор-

¹ Исследование подготовлено в рамках комплексного интеграционного проекта УрО РАН «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте: XVIII – начало XX вв.»

² Микушев А.К. Коми «Калевала»: Об одном неизвестном финно-угорском литературном эпосе и его создателе Каллистрате Жакове // Жаков К.Ф. Биармия: Коми литературный эпос / Сост., предисл., comment. А.К. Микушева; Пер. на коми М.А. Елькина. Сыктывкар, 1993. С.5–25.

ском произведении – стилизация народной поэзии в её синкретичности, без отсылки к конкретному национальному источнику. «Это в полном смысле создания авторской фантазии. Даже в ономастике, т. е. в именах действующих лиц не найти коми национального характера», – пишет Микушев¹. Однако «Биармия», по указанной классификации относимая к третьему типу фольклоризма писателя, тем не менее имеет целый ряд черт и признаков именно коми национального фольклора, иначе современники и потомки Жакова, его соплеменники, вряд ли стали бы называть её *коми «Калевалой»*².

Безусловно, на создание произведения Жакова спровоцировала не только любовь к родной земле и её народу, но и особый интерес элитарнейшего Серебряного века ко всем формам народного сознания и национальным литературам, тот пик неомифологизма и возрождения язычества, который приходился как раз на 1910-е гг. Здесь Жаков оказывается на самом бойком и живом «перекрёстке» культур рядом с С. Городецким, А. Ремизовым, Н. Клюевым, даже А. Блоком и А. Белым (сознательно называю лишь поэтов). Но для Жакова стремление сократить и увековечить культуру родных коми, их образ жизни и всю этнотопику их мира имело принципиальный характер; судя по контексту других его произведений, можно предположить, что писатель нёс в себе нечто вроде вины перед соотечественниками за свою образованность и невольно произошедшую оторванность от «корней». Неслучайно в своих сочинениях он постоянно подчёркивает свою комиэтничность, а себя самого представляет как певца и поэта своего народа, которому многое дано, но с которого многое и спросится. Особенно ярки эти самоопределения Жакова в его автобиографической книге «Сквозь строй жизни» (1912–1914): «Дух какой-то незримый шепчет мне новые и новые сказания о чудесах видимого и непознанного мира, о картинах действительности и невозможности. Он поможет мне, бедному Гараморту, написать сказку мира, великую, ни с чем не сравнимую»³. «Я – сказочник, и мир принадлежит мне, и юг, и восток, и запад, и север! И снятся мне леса, и вижу я реки, синие прозрачные реки, и птицы безымянные поют песни свои, и над землёю небо, усеянное звёздами!»⁴

«Сказки мира» Жаков сочинял на протяжении всей творческой жизни, причём чаще всего они выливались во вполне завершённые формы книг либо циклов – рассказов, очерков, собственно сказок. Вновь приходится говорить о том, что и в этом плане коми писатель двигался в русле характернейшей тенденции своего времени. В литературе рубежа веков чрезвычайно разнообразной становится сама книгопродукция, и то, что раньше автор публиковал в журнале или долго берёт до большого формата, теперь издаётся почти незамедлительно. Меняются и статус, и формат книги: рядом с серьёзными и обобщающими фолиантами, томами, книгами появляются «книжки» и «книжечки», издававшиеся «Посредником», «Библиотечкой Копейка», типографиями губернскими, журнальными, газетными и проч. Именно в таком формате в конце 1900-х – 1910-е гг. издавались многие книги

¹ Там же. С. 25. Далее текст произведения Жакова будет цитироваться нами по данному изданию с указанием в нашем тексте в скобках страницы.

² Подробный разбор всех особенностей эпоса Жакова, сближающих его с «Калевалой» Э. Лённрота, см.: Веденикова О.В. «Калевала» и «Биармия»: сопоставительный аспект // Тайёсыылём – коми олём: Коми литературалы подув пуктысьяс йылысь уджъяс. Сыктывкар, 2008. С. 92–98.

³ Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни: Роман. Сыктывкар. 1996. С. 190.

⁴ Там же. С. 284.

Жакова. Отдельные произведения из них неоднократно перепечатывались, зачастую обрастили дополнительными частями и главками; подчас создавалось нечто вроде гиперструктур: переходя из книги в книгу, та или иная история получала продолжение, авторское развитие, попадая в иной контекст новой книги, она обретала и новые смыслы. Таков, например, сюжет об излюбленном жаковском герое Паме Бурморте, сыне знаменитого Пама-сотника, которого победил Стефан Пермский, обращая в христианство народ коми. В книжечке на 16 страницах «Мудрый Пам (Легенда Крайнего Севера)» (СПб.: Изд-во «Библиотечка Копейка», 1910) мы находим сжатое изложение страданий и путешествия Пама с его финальным возвращением на родину – как бы квинтэссенцию жизненных уроков и учения Пама, пространно изложенных в большой книге Жакова «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом», с которой в 1905 г. он вошёл в литературу и которая стала его «визитной карточкой» (СПб.: Тип. Уч-ща Глухонемых, 1905.–166 с.). Глубокое обобщение на этот счёт содержится в работе В.А. Лимеровой. Рассматривая книгу Жакова «Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере» (СПб., 1906), она пишет, что в ней «мы имеем вполне отчётливую смысловую непрерывность, обусловленную авторской эсхатологической моделью мира и позволяющую рассматривать три не связанных сюжетно нарратива как единство. Представляется, что и жанровые свойства и жанровую определённость они приобретают не на автономном уровне, а выстраивая мифоисторическую перспективу, что отсылает нас к такому типу организации текстового единства, как книга, и к одному из самых древних её концептов – своду текстов, презентирующих мир в его эсхатологическом движении»¹.

Здесь угадывается мысль о цельности и целостности творчества Жакова, об органической связи его философско-мировоззренческих установок с типом художественного сознания. Известно, что в области идей и ценностей Жаков был своего рода «архаистом» и романтиком. Он относился к развитию прогресса и вообще культуры двоякственно и усматривал «золотой век» мировой цивилизации позади, полагая, вместе с тем, что вернуть ушедшее уже невозможно и что единственный шанс, который даётся миру, исходит от «юных», «первобытных» народов Севера и Азии², но использует ли мир этот шанс – вот вопрос. А поскольку писатель жил и развивался в атмосфере совсем другой эпохи и культуры, нежели та, что составляла его идеал, патриархально-традиционистские симпатии и эсхатологические настроения совмещались у него с идеями космизма, продолжения жизни на иных планетах, вечности и неистребимости духовного начала, путешествующего по вселенным и мирам. Отсюда – своеобразие и даже уникальность (несмотря на типологичность для начала XX в.) формы его сочинений, уловленная В.А. Лимеровой. С одной стороны, они вполне отвечали декадент-

¹ Лимерова В.А. Смысловое единство «Очерков из жизни рабочих и крестьян на Севере» К.Ф. Жакова // Тайё сылём – коми олём: Коми литературалы подув пуктысьяс йылысь уджъяс. Сыктывкар, 2008. С. 157.

² См., напр.: «И первобытные народы узнают силу свою и противопоставят книжной учёности тех, кто сидит над бумагами, не ими исписанными, живую мудрость и знание природы, и, повинуясь только нравственному закону и не теряя здоровья своей девственной натуры, уничтожат аристократизм культурных народов...». – Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. С. 285. См. об этом в нашей статье: Созина Е.К. Авторское самосознание в автобиографическом романе К.Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» // Тайё сылём – коми олём: Коми литературалы подув пуктысьяс йылысь уджъяс. Сыктывкар, 2008. С. 198–215.

ским и символистским идеям и веяниям, с другой, отражали глубинную интенцию писателя – его тягу к архаике, к средневековому типу творчества и жанрового мышления. Всё это и породило уникальный для литературы «малых» народов России опыт создания литературного (квазинародного) эпоса.

Жаков недаром называл себя «сказочником». Волшебный, гармонически-цельный мир народного бытия, увиденный через призму идеала, который неоднократно являлся ему в воображении, он буквально воссоздаёт на страницах своей «Биармии». Вот его высказывание об истоках поэмы, приведённое Микушевым: «При современном состоянии этнографии и «доисторической, первобытной» истории можно сказать, что саги, как и былины, как и сказки, составляют поэтическую историю народа. Всё то, что говорится в сагах о Биармии, имело место, как доказывают другие данные у vogulov, остяков и других финских племён Восточной России и Европы» (с. 6). Следовательно, Жаков реконструирует не написанное, не дошедшее до потомков историческое, точнее, доисторическое прошлое народа, беря на себя функцию уже не «сказочника», а сказителя и историка. Но в самом повествовании сохраняется центральное значение именно сказочника, волшебника, который, однако, не придумывает нечто несуществующее, не тешит слушателей выдумкой, а посредством слова творит чудеса и воскрешает давно ушедший мир подобно магу-чародею прошлого.

Тун-волшебник, житель леса,
Чудо-тайна, приворожник,
Чаровник и обоятель,
Комиморт красноречивый,
Серцевед и чернокнижник (с. 31)

– таков сказитель, рассказчик истории о древней жизни народов Севера. Он называет себя «комимортом», человеком коми, причём образ его в начале произведения двоится: это и некий «старец», к которому посылает ворон рассказчика, желающего узнать прошлое своей страны, – старец, в ветхой избушке пишущий свои «были, небыли», и затем сам рассказчик, лирический герой автора, который перенимает эстафету чаровника слова от предшественника. Обратим внимание на важность образа письма – как процесса и как результата – в произведении Жакова: «Старец у стола там пишет» (с. 29). Затем создаётся образ книги с её листами – «Пусть посеяны дум великих / Вырастают без препятствий / На полях рассказов светлых...» (с. 30). Книга, созидаемая на земле, среди могучей пармы, очевидно, является аналогом небесной книги, которая есть у Бога и где зафиксированы судьбы всех людей и народов: «Есть там книга золотая, / На столе у Бога неба» (с. 50), «Енмар терпит всё до срока / И читает книгу неба, / Золотую книгу, молча» (с. 130). Кто является автором этой небесной книги – остаётся лишь размышлять и догадываться.

Итак, книга – сквозной образ и мотив книги самого Жакова, относимый к гомофоническому (авторскому) слову его поэтической мифологии. Запечатлеть в письменном слове сказания народа – значит уберечь их от забвения и смерти. Для коми и в целом финно-угорских народов, когда-то занимавших действительно огромную территорию на севере евроазиатского континента, это особенно важно. Современный сборник коми мифологии, подготовленный П.Ф. Лимеровым, открывает сказание «Гусятор» – «Сокровенное знание», в котором описывается история гибели народа. «А воспитанные тайно дети и сейчас ходят среди коми

людей и собирают потаённое знание», – так завершается эта история¹. И Жаков, и современные авторы, будь то художники или учёные, ощущают себя в роли этих «детей», по крупицам собирающих «потаённое знание» своего народа. Причём путь от слова к книге может быть весьма долгим. «Биармия» Жакова была переведена на латышский язык Янисом Райнисом и в 1924 г. опубликована в Риге. В 1992 г. М. Елькин перевёл её на коми язык и опубликовал в национальном журнале. И только в 1993 г. вышло первое издание авторского текста, созданного на русском языке, с параллельным текстом-переводом на коми.

Однако и книга как таковая – как некий артефакт – не устраивает автора-создателя зырянского эпоса. Она должна зазвучать – быть включённой в процесс взаимодействия с жизнью. Ведь даже бог-создатель Енмар читает книгу неба и имеет право сказать своё слово – «Слово новое для жизни» (с. 130). Во вступительных главах жаковской «Биармии» возникает целый ряд образных метафор творчества, песнопения, вообще поэзии, способной не просто запечатлевать то, что есть, но создавать миры. Это метафоры ткачества, разматывания волшебного клубка, собирания пчёлами сладкого нектара ароматной травы – все они складываются в единое поле поэзии как волшества, имеющего особую, не только лишь земную природу. Пишуший старец хранит в себе и в своей книге сокровища древности, будто упрятанные под землю, под воду (вот мотив «потаённого знания»). Обращаясь к нему, рассказчик-комиморт, по совету ворона, должен просить: «Покажи ты мне рубины / Древних сказок, песнопений; / Хризопразы прибауток, / Слов народных отдалённых; / Те алмазы слёз великих / Поколений позабытых» (с. 29–30). Раскрывая уста, старик разворачивает клубок песен. Клубок уподобляется далее волшебному ящику – сродни ящику Пандоры, где содержатся, однако, сказки «старины волшебно-тайной»: «Тут открылся ящик песен – / Синей дымкой вылетали, / Сизым паром выходили / Песни древности воскресшей» (с. 30). Их природа текуча, в соответствии с творимым волшеством они переживают ряд метаморфоз: «Звуки – песни, сказки – краски, / Прибаутки, поговорки / Там кружились, волновались, / Извивались, в кольца гнулись, / Выпрямлялись стрелой дальней» (с. 31). В создании песен, точнее, в их передаче, изливании в мир и движении к людям участвуют все стихии, ибо сами песни несут их в себе: «Хляби неба так богаты / Дождевой водою сладкой, / Грудь земли неистощима / Рудами металлов горных – / Так певец был многозвучен, / Многошумен – голос жизни» (с. 31).

Далее в сюжете поэмы Жакова одним из главных героев выступает «Вэрморт из Йыба», «игрок на чудной домбре», который обладает древним даром магии слова, умения заклинать своей игрой и песней всё, что ни происходит в мире. Благодаря его игре усмиряются конфликты, засыпают враги князя Яура, и ему легко и безболезненно удается достичь желаемого. Игра Вэрморта чудодейственна, ибо направлена на добро, на то, что предрешено богами: в Книге неба записано, что Райда станет женой Яура, и Вэрморт помогает этому свершиться, без кровопролития преодолевая сопротивление отца царевны, т. е. попросту усыпляя и его, и всех его воинов: «Усыпили Биармию / Песнопеньем чудодейным, / Усадили в лодку князя / Райду, мудрую царевну» (с. 67–68).

Таким образом, в эпической поэме Жакова нет места реальному злу и бедам

¹ Му пуксьём – Сотворение мира / Автор-сост. П.Ф. Лимеров. Сыктывкар, 2005. С. 6.

мира. Всё в ней совершается величаво и спокойно, по заданным законам судьбы, о которых людям сообщает птица Рык, своего рода посредник между Ёном и землёй. Гармония царит между людьми и природой: звери, птицы, деревья на равных правах участвуют в жизни людей, вообще весь мир в поэме живой и дышащий, исполненный метаморфоз (камень превращается в богатыря, а затем вновь засыпает и становится камнем, и равно наоборот). Поэт создаёт эпическую поэму-миф, воплощая в ней своё идеальное представление о мироустройстве «золотого века» старины.

Облака текли над лесом,
Колебались вершины
Красных сосен, острых елей
В вольной Парме сизоликой.
На холмах звончато-гулких
Насыщались люди, звери,
Птицы божьи в синей выси
Насыщались, утолялись
Сладкой жизнью, жизнью вольной
На земле, мечтой объятой...
<...>
Боги реали повсюду,
Невидимками носились
Над лесами и рекою (с. 115).

Как верно пишет О.В. Ведерникова, жаковские Биармия, Джеджим, Югра «составляют единый древний мир светлых парм от Белого моря до Уральских гор, символизирующий авторскую мысль о жизни вольной, согласной, дружной, основанной на вековечных нравственных законах»¹. Это мир, где нет ни войн, ни серьёзных страданий, ни труда и лишений – мир, существующий по жанровым законам даже не эпоса, а идиллии. Некоторые проблемы возникают и в нём: Райда долго плачет по сыну, отправившемуся на восток, в чужие края, за знанием; в сердцах она прогоняет из дворца кудесника слова Вэрморта (но тот устраивается совсем неплохо в соседней парме, даже находит там себе жену); иногда в край Яура-князя приходят враги (но их усыпляет звуками домбры и песней Вэрморта); к пределам Биармии подступает воинственное племя Роч (но и победа над ним даётся достаточно легко). Наконец, Райда заболевает и умирает, а её муж Яур, простившись с детьми, уходит в свой «терем светлый», чтобы записать на дощечках «все деянья светлой Райды, дочери Оксора чудной» (с. 185). Перед этим птица Рык сообщает будущее – гибель страны Биармии спустя век, рождение от рода Райды и Яура мудрого волхва Пансотника, при котором изменится жизнь в парме. Таким образом, автор соблюдает все основные законы народного эпоса: герои – прародители будущей уже исторической личности, с их концом завершается «золотой век».

Герои поэмы неоднократно именуются «жителями гористой Перми», «древней Перми»; они живут недалеко от Уральских гор, откуда и отправляются за невестой в Биармию – страну, располагающуюся на севере; путь их лежит по рекам – Эжве, Вычегде, затем Северной Двине. Столицей Биармии объявляется город Кар-

¹ Ведерникова О.В. Указ. соч. С. 96.

дор, который «возвышался ... Над равниной травянистой, / Среди тундры, мхом обросшей, / Белым ягелем хрустящим» (с. 52). Пространство поэмы довольно обширно, особенно с учётом рассказов сына Райды и Яура о его путешествиях в Сибирь (упоминаются Кама, Тобол, Обь, города Чердынь, Кыштым, Некор; в Сибири Югыдморт научается читать «книги трудные Китая»), но ближний мир героев ограничен с северо-запада Двиной и Печорой, с востока Уральским хребтом (Каменным поясом) и Югрой, о южных пределах просто не поминается. Таким образом, возникает самый, пожалуй, странный, но неизбежный вопрос: почему поэма называется «Биармия», если герои лишь привозят из неё невесту, а более эта страна, размещающаяся в северной тундре, не участвует в действии и не описывается (в отличие от Джеджим-пармы, где живёт Яур) сколько-нибудь подробно.

Вероятно, Жаков следовал не только рассказам скандинавских саг, из которых европейцы узнали о Биармии, но и мифологическому представлению народов финно-угорской семьи о Биармии как древнем сильном и богатом государстве, размещавшемся, как пишет А.К. Микушев, «к востоку от Северной Двины» (с. 6). Правда, относительно местоположения Биармии, как и любой мифической страны, до сих пор существуют большие споры. Средневековые викинги представляли её «как безграничную арктическую страну», почему современный исследователь заключает: «Восточная Прибалтика, Кольский полуостров, Карелия, Верхнее Поволжье, Подвінье, Прикамье, Волжская Булгария – неполная панорама гипотетически отводимых для Бъярмии областей Северно-Восточной Европы. Судя по всему, давняя мечта исследователей приколоть Бъярмию к определённой точке на карте не исполнима. ...для норманнов Бъярмия начиналась там, где завершался освоенный ими морской северно-восточный путь, а заканчивалась где-то за пределами обитаемой земли, куда сходились пределы других необитаемых земель»¹. Именно как «крайняя земля» и присутствует Биармия у Жакова. Характерно, что он различает Пермь и Биармию, в то время как довольно многие историки выводят название топонима Пермь из скандинавского Bjarmaland, ибо ещё древние новгородцы и ладожане, как пишет А.В. Головнёв, «унаследовали» от норманнов «попытание “Бъярмия” в форме “Пермь” (Перемь, Перъмь)»².

Судя по тексту поэмы Жакова, он был неплохо знаком с древними источниками, прежде всего с рассказами норманнов. По словам историка, «сага об Олаве Святом содержит подробный рассказ об ограблении викингами святилища бъярмийского божества Йомали», повторяющийся и в некоторых других сагах³. В «Биармии» Жакова описывается «Бог Юмала биармийцев», бог неба, он размещается в древнем «капище» среди других богов. На свадьбе дочери царь Биармии

¹ Головнёв А.В. Бъярмия: неоконченная сага о крайней земле // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2002. № 8. С. 8. В «Истории северных народов» Олаус Магнус (XVI в.) писал о Бъярмии: «Бъярмия – северная область, зенитом которой служит сам Северный полюс, а её горизонт составляет равноденственный и равноощущенный круг, который, разрезая и разделяя Зодиак на две равные части, делает так, что половина года составляет там один день, а другая – ночь; таким образом, год в этой стране длится один естественный день». – Цит по.: Головнёв А.В. Указ. соч. С. 7.

² Там же. С. 9. Другой исследователь, Е. Вершинин, указывает, что в русских средневековых источниках было «по крайней мере три географических области с одинаковым названием Пермь» – Пермь на Кольском полуострове (это и есть, предположительно, Бъярмия), Пермь Вычегодская, а потом ещё и Пермь Великая (Чусовая). См.: Вершинин Е. К северному Лукоморью // Тобольск и вся Россия. Вып. 5: Лукоморье. Тобольск, 2005. С. 216.

³ Головнёв А.В. Указ. соч. С. 26.

Оксор рассказывает, как однажды к нему в страну приплыли варяги: «Раз варяги появились / В светлом море, все викинги. <...> Стали грабить все кумирни» (с. 83), но он напал на них «тёмной ночью» и прогнал обратно в море. Любопытно, что в начале поэмы, о чём мы упоминали выше, ворон указывает рассказчику путь к старцу, пишущему книгу о прошлом. А вороны обычно сопровождали скандинавского бога Одина. У главного бога пермяков, героев Жакова, «на посылках» служит железная птица судьбы Рык, которая не сходит с камня Урала, упоминается также птица Каленик – «как лебедь, матерелый, белоснежный» (зооморфный образ Полярного сияния). Но есть ещё и волк (в скандинавской мифологии – также постоянный спутник Одина), правда, в составе других зверей, охраняющих Биармию.

Мифология коми объединяется с элементами скандинавских мифов и сказаний и в других мотивах поэмы Жакова. Приводить имена всех богов, участвующих в действии поэмы, мы не будем, но в имени давно умершего воина Тури-Ягморта, до сих пор охраняющего тундру и царство «Перми светлой», заметен отголосок имени ещё одного скандинавского бога Тора, бога грома и войны, защищающего людей от великанов. Наконец, не собственно коми-национальный, а скорее всего именно скандинавский (по своим истокам), хотя и приобретший универсальный характер имеет мотив *мёда* поэзии и песен, упомянутый нами ранее¹. Мёд поэзии добывает у великанов именно Один. «Один – божественный тул, т. е. знаток рун, преданий, мифических каталогов, жрец»². И не он ли у Жакова скрывается под образом мудрого старца, от которого рассказчик-комиморт должен получить своё знание, услышать пропеваемые песни? Хотя, по логике мифа, Один должен, конечно, коррелировать с Енмаром – центральным божеством в пантеоне коми, который созидает землю, а потом размещается на небе и следит за миром сверху, читая книгу судеб. Ведь именно Один «участвует в поднятии земли»³, и он же выполняет функции культурного героя. У Жакова космологические и культурно-созидательные функции разведены между богами и людьми (культурными героями, давшими людям знание о земледелии, о письме, являются первообитатели Джеджим-пармы), хотя именно в области письма и книги происходит корреляция между земным и небесным.

Таким образом, Жаков заимствует сохранившийся в скандинавских сагах, а потом и в некоторых русских летописях топоним мифической Бьярмии, показывая её как некую идеально прекрасную страну древности, где люди жили в счастье и изобилии, в гармонии с миром, природой, своими соседями и богами, страну, срок которой был измерен и закончился в некоей столь же мифической праистории. Потомками биармийцев являются коми, жители «Пармы Эжвы», до них дошли предания о великом прошлом Севера, записанные князем Яуром. Его преемником и носителем прекрасной мечты является теперь герой-рассказчик книги, песнопевец и поэт, одинокий скитаец по миру, который созидает «ткани песен Из обломков дней минувших» (с. 175), собирает свою книгу и тем исполняет своё призвание и свой долг перед народом.

¹ См.: «Выходили тут, клубясь, / Рой пчёл, жужжа крылами, / Диких шмелей на закате, / Над травою ароматной, / Над ромашкой полевою» (с. 31).

² Мелетинский Е.М. Один // Мифологический словарь / Под ред. Е. М. Мелетинского. М., 1990. С. 404.

³ Там же.

Татьяна Снигирева

Снигирева Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Уральского государственного университета. Круг научных интересов: поэзия XX века, феномен российского «толстого журнала», национальная специфика искусства слова. Автор пяти книг, среди них: «А.Т. Твардовский. Поэт и его эпоха», «Русская идея как художественный феномен», «Век девятнадцатый и век двадцатый: реальности диалога», и более 200 статей.

Слово – песня – молитва в национальном мире современной коми поэзии*

Уже в XX столетии соотношение понятий «национальный образ мира» и способы его языковой презентации стали существенно выходить за традиционную формулу «о своём мире его словом». Для «малых народов» России советской эпохи были актуальны не только создание произведений на родном языке с последующим обязательным профессиональным переводом на русский, но и варианты авторского перевода, ведшего фактически к существованию двух авторских текстов а, начиная с 1950-х – 60-х годов, изначальное написание текстов на общегосударственном языке. Характерно в этом смысле признание Ф. Искандера: «Я – абхазский писатель, пишущий об Абхазии на русском языке».

С 1990-х годов, на новом витке активного обращения к национально-этническим корням, вызванного первоначально интенсивным отталкиванием от «советскости», следовательно, «русскости», а ныне от «глобализации», должно было бы происходить столь же интенсивное возвращение к традиционной формуле «о своём мире на своём языке», и эта тенденция существенна, но не исчерпывающая. Так, рекомендованные как презентативные для коми поэзии лирические книги середины 1990-х – начала 2000-х годов, ставшие основным материалом данной работы, написаны на русском языке: Дмитрий Фролов «Ветровая песня колокольная», (Сыктывкар, 1996), Виктор Кушманов «Вино печали и любви» (Сыктывкар, 1996), Андрей Попов «Сокрушайся, сердце» (Сыктывкар, 2001), «О любви и смерти» (2008), Галина Бутырева «К портрету моей родины» (Сыктывкар, 2002)¹. В этом, конечно, весьма произвольном, но, возможно, показательном в своей произ-

* Работа выполнена в рамках Программы «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-литературном контексте: XVIII – начало XX века.

¹ Далее в тексте обозначенные источники будут цитироваться с указанием фамилии автора и страницы в круглых скобках.

вольности ряду, переводной с коми стала книга, само название которой – «Северные сонеты» (Альберт Ванеев, Сыктывкар, 2001) со всей прямотой обнажает художническую установку: «иным языком (в данном случае – эстетическом) рассказать о своём мире».

В ситуации далеко не ныне утвердившегося (по внелитературным, но и собственно литературным причинам) двуязычия, как это не парадоксально звучит, писание на русском языке может не только не стереть, но и усилить национально-этническую компоненту художественного мира. Необходимо оговориться: усилить, во всяком случае, для русскоязычного реципиента. И дело не только в сразу останавливающих внимание и щедро вводимых современными поэтами написанных в русской транскрипции коми словах, смысл которых становится понятен из контекста. Дело в особом статусе поэта и его слова в ситуации памяти родной речи и своеобразной измене ей, ведущей к осложнённой креативной, этнической, культурной, поэтической, персональной идентичности, специфическую суть которой можно обозначить как «принадлежность/отчуждение». Соглашаясь с тезисом, предложенным в статье, посвящённой творческому самосознанию Каллистрата Жакова, о том, что «идентичность – это всегда взрыв явлений и отношений, на первый взгляд выступающих гладкими и ровными – самотождественными, это открытие различия в пучине “того же самого” и проблематизация своего присутствия в мире, в традиции, во времени и в себе»¹. Добавим, что, проектируя проблему идентичности на характер национального образа мира, который, по Г. Гачеву складывается из единства «Космо-Психод-Логоса», применительно к современной коми поэзии можно говорить о «взрыве явлений и отношений», о «проблематизации» на всех трёх уровнях. Национальный Мир – это то, что ушло вместе с детством, но то, что невозможно забыть. Психологический портрет нации – то, что подверженоискажению, но то, что хранится в генно-этнической памяти. Язык – то, что существует как огромный потенциал в человеческом и творческом сознании, но что может быть ситуативно востребованным или невостребованным.

Внутренний драматизм ситуации притяжения/отталкивания провоцирует необходимость одновременного описания уходящего или уже ушедшего этнического своеобразия мира, рефлексии лирического «я», порой депрессивного характера, о месте своего народа и своего собственного места как поэта исчезающего народа в общественициализационном процессе.

Одним из важнейших способов моделирования, осмысления и оценки этой пограничной ситуации становится создание концептуально значимого образа Слова, которое всё ещё хранит духовную неповторимость коми и делает осмысленным личное существование поэта. В этой ситуации Слово приобретает суверенный статус, субстанционируется, существуя в трёх основных ипостасях – песня, молитва и собственно слово, и одновременно является метаобразом, структурирующим концептосферу современной коми поэзии.

Мир поэзии коми – это мир песенный и поющий. Даром песни, и это чрезвычайно значимо, обладает весь мир: и природный, и человеческий, что ведёт к одухотворению природы песней, и одушевление песни стихией: «Допоёт пусть песню вьюга, / Эта северная няня / Опустевших деревень» (Кушманов, с. 50);

¹ Созина Е.К. Риторика идентичности в книге Каллистрата Жакова «Сквозь строй жизни» // Литература Урала: история и современность. Сб. ст. Вып. 2. Екатеринбург. 2006. С. 104.

«Как песенка несмелая, / Цветёт крапива серая, / А дождик льёт и льёт» (Кушманов, с. 72); «Играл флейтист природу / Играл флейтист тебя» (Кушманов, с. 82); «У костра на лесной поляне – / маленький театр друзей, / Предчувствие песни» (Бутырева, с. 123).

Результатом благодатного «захвата» мира песней является отождествление, своеобразная синонимизация поэтического слова с песней и молитвой: «Чтоб снежный Север в песне жил моей, / Чтоб гул тайги, распев её ветвей / Строкой вплетался в таинство сонета» (Ванеев, с. 8); «Печалясь, песен не пою, / И веселюсь, не запеваю, / Ни на кого не уповаю / И ни о чём я не молю» (Кушманов, с. 10); «Перебивая друг друга, / восхищаясь друг другом, / признаются в любви – Стихи и Песня. / Две стихии» (Бутырева, с. 125).

Не менее важно и естественно отождествление песни и родины: «Север – песня. / Север –танец. / Север –тьма. И север – свет, / Лебедей роскошных / Стая, / Пролетающих, / Как снег» (Кушманов, 73). Именно песня становится знаком и залогом бессмертия народа: «Чтоб не пропасть в тысячелетней бездне, / мы, коми сыновья, слагаем песни, / и дарим их народу своему» (Ванеев, с. 96).

Нередко из системы номинационного тождества песня переходит в систему самостоятельных образов. Так, звучат на разные лады, в том числе и в негативной интерпретации, песни советских лет. Например, стихотворению В. Кушманова «Неизвестная песня ГУЛАГа» предписан эпиграф «Мы молодая гвардия рабочих и крестьян», который в тексте получает фарсовое наполнение: «Под дулами оружия / Дерьмо едим и дрянь. / Мы, граждане, осужденные / Рабочих и крестьян» (Кушманов, с. 31).

Иная (весёлая непростая) интенция характерна для непременной в современной коми поэзии русской песни: «Потом ты в трактире под песню / Русскую тихо запьёшь» (Кушманов, с. 37). Чрезвычайно интересно и показательно для ситуации сложного сосуществования двух лингвонациональных культур описание Г. Бутыревой исполнения русской песни, которая из чужой становится своей:

Так редко я слышу эту песню сегодня.
А в детстве, –
соберётся компания за столом,
придут друзья-соседи,
и непременно кто-то затянет:
«Ой, да-й ты, калинушко»...
...
По незнанию языка
слова частенько простодушно перевирали
(это я уже потом разобралась,
что к чему...),
но мелодия,
видимо, так хорошо ложилась
на зырянскую душу,
что пели всегда с огромным чувством
и нередко – на несколько голосов... (Бутырева, с. 174).

И, конечно, в современной поэзии непременно присутствие образа коми песни, который всегда подтверждает приверженность к истокам, но почти всегда окрашен горькой интонацией ухода и исчезновения детства, дома, невозвратно текущего времени: «Тогда вдали по-коми / Все пели без конца» (Кушманов, с. 82); «Жили-были коми, / жили-были коми / В очень добром доме / В мире и покое... Жили долго-долго, / Весело и честно. / Берегли, как око, / Лес, озёра, песни» (Кушманов, с. 105);

Ту же функцию охранения, спасения, необходимого для духовной устойчивости человека в современном мире символа веры несёт в себе образ молитвы. Характерно название «маленькой поэмы» В. Кушманова: «Молитва спасения», как характерна заклинательная интонация А. Попова: «И сохранить молитвенное слово, / И сохранить не помрачённый ум, / И храм, и волю, и звезду Рубцова – / Звезду полей, звезду российских дум» (Попов, с. 7).

Лирический герой современной коми поэзии, пишущий стихи, часто находится в состоянии коленопреклонения перед Богом, сам процесс писания становится адекватным ситуации свершения молитвы: «– Стань, чадо! / скучу раздави как муху, Химеры раздави и мартобри (упрёк Гоголю). / Отцу и Сыну и Святому Духу / Сердечную молитву сотвори» (Попов, с. 14).

Молитвенная ситуация влечёт за собой активное использование молитвы как жанра, главной компонентой которого становится прямое обращение к Богу:

Сладки, сладки нам смыслы туманные,
Гимны гневные, песни майданные –
Но очисти от праха словесного,
Вседержитель, спаси люди странные... (Попов, с. 81).

Интенсивное использование всех форм «молитвенного слова» инициирует распространение таких приёмов, как стилизация (цикл Г. Бутыревой «Подражание псалму»), предварение стихотворения эпиграфами из Псалмов, Священного писания и другой духовной литературы. Характерно прямое нестеснённое цитирование молитвы, столь же естественное, как цитирование песни: «Сегодня, / в день смерти отца, / всё стараюсь делать так же, / как некогда/ делали у нас дома, в деревне (...) заглядывая в пожелтевший список, / вполголоса читаю: «Помяни, Господи, души усопших Твоих / Василия и Веры... / прости их за все прегрешения / вольные или невольные, / даруй им царствие небесное...» (Бутырева, с. 85).

Самая болевая проблема современной коми поэзии – исчезновение мира коми впрямую сопрягается с уходом творца песни, молитвы, слова из этого нового безликого и, следовательно, бессловесного, беспесенного внemолитвенного мира: «И город по названию Сыктывкар, / Где нет теперь ни одного поэта. (...) Что даже стаи белых лебедей / Минуют Сыктывкар как можно / Дальше» (Кушманов, с. 55). «Милый край не одного Назона / В вечной мерзлоте похоронил...» (Попов, с. 140). «Деревня Вешки смотрит телевизор, крутой американский боевик. (...) Деревня Вешки затаила дух. / Былин не помнит. Не поёт частушек» (Попов, с. 177).

Лирический герой современной коми поэзии, не без ориентации на русскую и

мировую культуру, «отыгрывает» все амплуа человека пишущего, молящегося, поющего, все основные роли Творца в этом мире.

Поэт – пророк:

Поэты – себялюбцы, гордецы, / Но что напишут, сбудется построчно: / Сойдутся все начала и концы, / Сойдётся всё – до полуслова – точно» (Попов, с. 65).

Поэт – изгой:

«Сочиняешь стихи, / иногда их внимательно слушают, / но даже безногий нищий, / пьющий стеклоочиститель, / считает тебя неудачником» (Попов, с. 67).

Поэт – дитя природы:

«Устав от ненаписанных стихов / И сдерживая слёзы через силу, / Поэт нашёл приют среди лесов, / Ещё живых на севере России» (Кушманов, с. 54).

Постоянны и традиционны вариации на тему особой миссии и положения поэта в мире.

Противостояние «быт и бытие», «человек – поэт».

«Поэт в гостях – как скверный анекдот, / рассланный в компании пристойной»:

Всего за час, дитя страстей и блуда,
такой намелет скверной чепухи,
что хоть беги
из дома!
Но откуда
берёт он эти светлые стихи? (Фролов, с. 98).

«Время человека – вечность поэта» и непременность не прижизненной, но его посмертной славы:

Не огорчайся, даже если смерть:
твоей кончине радуйся безмерно,
глядишь, решится кто-нибудь посметь –
и вдруг объявит гением! Посмертно. (Фролов, с. 116).

Но, и в этом видится чрезвычайная в своём постоянстве и, видимо, являющаяся знаком национального взгляда на Слово, поэтическая мысль, присущая всей современной коми лирике, о том, что поэт после смерти может уйти из человеческой памяти, но его Слово обязательно возвращается в природную стихию: «На всей земле, земле печальной Коми / Никто уже меня нигде не вспомнит. / Лишь шум дождя, да мокрый куст ольхи, / Читают иногда мои стихи» (Кушманов, с. 115). «Ничего от меня не останется / (зарастут пути да осядет холм), / только песня моя, песня-странница, да весёлый бор, птичьих песен полн» (Фролов, с. 30). И вновь в цикле сонетов, посвящённом И. Куратову: «И над рассудком высились прозренье, / и свыше нисходило озаренье / стихами на луга и берега» (Ванеев, с. 171).

Современная поэзия утверждает особый вес «горностаевого слова» для молчаливых «угрюмых, словно зимний лес» коми, избегавших «крашеных словес», у которых «выше всех ценилась та строка, что по весне проводят бороздою». Отсюда и тема родовой ответственности поэта коми: «А я рождён в болтливые годы. / Но предков молчаливых череда / следит за родословною ценою» (Ванеев, с. 26). И тема нерасторжимости «слова и дела»: «...мне дед с отцом таёжные «азбуки» /

прочли по белоснежному листу» (Ванеев, с. 28). Чтобы слово стало истинным, оно должно быть буквально взращено родной землёй: «Но чтобы песня эта поднялась, / её взлелеять нужно, как младенца, / с землёй родною впитывая связь» (Ванеев, с. 40).

Непреложная непременность коми поэзии: поэт обязательно возвращает своё слово в лоно природы, думается, рождена не только известной классической традицией, но концептуально значимой для современного творческого самосознания коми поэтов мыслью о слове-медиуме, слове-проводнике в «обратный», истинный мир колыбели этноса: «...по облаку карманного формата / стремительная молния строки!» (Фролов, с. 79). Естественно, что такое слово чаще всего осуществляется в форме песни или молитвы. Но не менее важно для современной коми поэзии и книжное слово, отношения с которым весьма непросты.

С одной стороны, это ощутимый интертекстуальный пласт, с присущими ему способами и формами диалога с предшествующей культурой: прямым цитированием, аллюзиями, реминисценциями, обращением к чужим образам, сюжетам, системе героев. Претекст входит в коми поэзию порой несколько лобово и набор его весьма очевиден (школьная и литинститутская программа): «Шелудивый пёс, блохастый Шарик, / Никому не нужный дуралей, / На, бродяга, погрызи сухарик! / В наше время любят тех, кто злей» (Фролов, с. 64). «Есть в рифме озорной «узоры – взоры» / какой-то генетический задор, / и радуют морозные узоры, / который век приковывая взор» (Фролов, с. 82). «И морок от меня уходит в мрак, / и сладостен огонь духовной жажды» (Фролов, с. 110). «Прости, Калачиков Вадим. / За эту нежность и за ужас. / За плач отечества и дым / Уже, как в юности, не нужен» (Кушманов «Письмо к другу», с. 22).

«Чужое» слово может вводиться не без постмодернистского акцента: «Любезен буду людям только тем, / И только тем, что должен я не буду» (Кушманов, с. 56). «Я полюбил вас, проститутка, Как гений чистой красоты»; «Но нет в душе моей проклятья, / А только слёзы и любовь» (Кушманов, с. 104).

С другой стороны, не менее важно и показательно для современной коми поэзии, идущее от сильной культурной традиции и поддержанное философией и поэзией К. Жакова, противопоставление природы и цивилизации. Отсюда – противопоставление природы и книги, порой доходящей до жёсткой обрисовки конфликта между жизнью и культурой: «Утирался облаком румяным, / безмятежно дух переводил – / и опять к бадейке! А романы... / Я романы с детства не любил» (Фролов, с. 15).

«Тлеющий» конфликт «природа – цивилизация» рождает интенцию недоверия к книге: «Исключений не будет. / Всё сгорит. / И рукописи тоже» (Попов, с. 32). «Её стихам настал черёд, / Настали времена. / Черёд её стихам пройдёт, / Как действие вина» (Попов, с. 78). Ещё жёстче и обнажённее противопоставление религии и искусства, которое понимается как третьезаветничество:

Молитвы время –
Только в сердце ересь,
В нём снова говорят наперебой
Двуликий Блок, огнепоклонник Рерих
И граф непротивленья Лев Толстой.

И как избыть их искренние смуты,
 Метельные сомненья и пути,
 Рассудка чернокнижные цикуты?
 Молитвы нет –
 России не спасти. (Попов, с. 39)

Есть ещё один, думается, наиболее перспективный способ диалога с культурой. Это – креативная попытка через «чужое» определить «своё»: «Коми край – моя Йоконопатофа, / северная вотчина души» (Фролов, с. 25).

Щедрое перечисление мировых культурных ценностей и знаковых культурных пространств, вошедших в духовный обиход коми поэта (Питер Брейгель, Моцарт, Пушкин, Венский национальный музей, Соловецкий монастырь, Зальцбург, Мойка) необходим Г. Бутыревой для ещё одного признания в бесконечной привязанности к своей земле:

всегда и повсюду,
 в каждой разлуке с тобою,
 каждый раз так неожиданно
 настигают меня
 воспоминания о тебе, –
 моя единственная,
 моя суровая и нежная,
 моя маленькая родина, –
 КОМИ, –
 Мой дом, моя судьба, моя надежда! (98)

В заключение необходимо сказать о том, что при всей общности самоидентификации: ощущение себя поэтом Республики Коми, современная коми поэзия – это, конечно, система весьма резко очерченных индивидуальных миров, творцы которых принадлежат к разным поэтическим направлениям, школам и поколениям: от А. Ванеева, пишущего на коми и во многом приверженному основным поэтическим стратегиям прошлого века, до Д. Фролова, поэта психотипа С. Есенина, Д. Губанова, Б. Рыжего. От А. Попова, со свойственным его поэзии сильным, вплоть до агрессивности религиозным началом до В. Кушманова.

Тем симптоматичнее единство отношения поэтов к Слову: «без поэзии народ неполный». Высшая миссия поэта: закрепить словом красу своей земли, и жизнь, судьбу, страдания своего народа. Такое слово, рождённое самой природой, одухотворённое Богом и обогащённое культурой, синонимично песне и молитве и принадлежит равно как народу, так и земле, его породившей.

В стихотворении В. Кушманова, посвящённого классику коми поэзии И.А. Куратову, сосредоточены основные этико-эстетические максимы современных лирических книг, что даёт возможность привести его полностью:

Роса уже тогда была росой,
 Река уже тогда была рекой.
 Леса – лесами,

Дом – родным был домом,
А коми песни – были песни коми.
На свете не было поэта.
Представить трудно – не было поэта!
Всходило солнце утром без поэта,
И умирали люди без поэта,
А родина у них уже была,
Но не было у родины поэта...
Как женщина бесплодная, пуста,
Земля лежала мёртвой и непетой,
Трава росла – непетая трава,
Земная красота была мертва.
Берёзы руки белые тянули,
Молили небо: дайте мне поэта.
У молодой крестьянки ныла грудь,
Огнём горела молодая грудь,
Она мечтала о любви великой,
Готовая для самой высшей тайны,
Она молилась тайно
Берёзам, звёздам, полевым цветам:
«Дай мне, земля, любви,
Я дам тебе поэта...
А он тебя восславит,
И доброту твою, и красоту,
Твои страданья в слёзы перельёт,
В живые слёзы твоего народа,
Его бессилье сделает он силой.
Что родина без своего поэта?
Народ безмолвный – это не народ». (С. 113–114)

Игорь Васильев

Васильев Игорь Евгеньевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Уральского государственного университета. Автор более 100 научных публикаций, в том числе книг: «Обэриуты: теоретическая платформа и творческая практика», 1991; «Русский литературный авангард начала XX века (группа «41»)», 1995; «Русский поэтический авангард XX века», 1999 (2000 – второе издание); «Лингвистический анализ художественного текста», 2000 (в соавторстве).

Мир глазами коми поэтов первых советских десятилетий*

Коми поэзия на языке своей родной письменности стала особенно активно развиваться после 1917 года. Она приняла характер широкого увлечения и разрабатывала разнообразные проблемы, разные темы и жанры. Внушительный объём сделанного побуждает обратиться к анализу того, что изображалось, какая художественная реальность возникала в стихах коми поэтов 1920–1930-х годов.

Пространственные параметры изображения в коми поэзии этого периода, как это свойственно вообще лирике, широки и соединяют внешнее (пейзаж и интерьер) и внутреннее (жизнь души). Но если сосредоточиться преимущественно на том, что видит субъект, какими визуальными данностями оперирует, обрисовывая мир человека, протекание его земной жизни, то нельзя не обратить внимание прежде всего на присутствие космических образов в стихах коми поэтов. Таков, поистине вселенский, масштаб задаётся, например, в стихотворении Ивана Симакова «Обращение к другу»: «Колесит среди миров планета, / На её шестой – / Живём и дышим»¹. Крупный план вписывает человека в вертикаль земля / небо. Небо и его атрибуты (солнце, луна, звёзды, северное сияние, облака) активно привлекают к себе внимание и как изобразительные детали общего плана («Солнце светит-золотится; / По небу бескрайнему / Облака, как лебедицы, / Проплывают стаями»; «Покатился над крылечком / В небе месяц белый»; «Над белой тундрой – / Низкое небо; / И звёзды стылые / Ушли в зенит»; «Золотистымиискрами звёзды сыплются с неба в леса»²), и как своеобразные участники дей-

* Работа выполнена в рамках интеграционной программы УрО РАН «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте: XVIII – начало XX вв.».

¹ Антология коми поэзии. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. С. 106.

² Антология коми поэзии. С. 116; 151; 153; 85.

ствия («По-над Эжвой, над лугами / Встало солнце молодое / И лучами, как руками, / Поздоровалось со мною»; «Солнце мне ответило улыбкою, / Поцелуй мне подарило огненный»; «Круглолицая да / Разулыбчива / Проплыёт луна / Над рекой»¹), и как условно-поэтические образы в духе фольклорного параллелизма («Что же ты, солнце, за лес опустилось, / В поле оставило тьму? / Что же ты, милая, не нарядилась, / Не весела почему?»; «Выйди, звёздочка, на небо, / Выгляни из тучи! <...> Выйди, милая, из дома, / Выйди, золотая!»²). Среди небесных светил и явлений доминирует солнце – и по частоте появления в стихах, и по роли в тексте. Солнце – носитель зиждительных свойств. Оно несёт свет, тепло и энергию всем живым существам на земле и человеку. Эти общеизвестные качества солнца позволяют включать его в символический план изображения и маркировать соотнесённостью с ним положительные явления: богатый урожай и достаток в доме, любовь и образ любимого человека, общественно-политическое устройство страны и социалистические отношения, трактуемые как достижение гармонии (образы коммунистической партии, Ленина, Москвы, СССР).

Среднее положение (между землёй и небом) занимают такие природные объекты, как воздух, пар, туман, птицы, ветер, лес и вершины деревьев, гор, а из области человеческой культуры – песня. Воздух представляет собой неопределённую субстанцию, живущую собственной жизнью: праздничный первомайский воздух «звоном серебряным дышит»³. Пар поднимается над водой, охлаждает поля («Белёсый пар легко взойдёт над Эжвой, / В прибрежных нивах путаясь, как в сеть»⁴). Туман клубится над полями. Птицы поют, щебечут, звенят и летают: «Позабудется ласточек звон, / Трясогузки весёлой порханье, / Видишь, гуси летят в небосклон? / Помаши им рукой на прощанье»⁵. Здесь караван улетающих на юг гусей – осенняя примета. Внешний вид, поведение и действия птиц вполне реалистичны, однако зоологические подробности, конечно, не главное. Натуралистские наблюдения нужны, чтобы, оттолкнувшись от них, можно было высказаться о человеческих отношениях и ценностях. Так, в стихотворении Вениамина Чисталёва «Воробей» привлекательными качествами выглядят прилежание и усердие птицы при строительстве гнезда: «На душе его отрадно: / С каждым часом, с каждым днём / Вырастает аккуратный / Воробышкам славный дом»⁶. В стихотворении Серафима Попова «Мечта» стремительное пики ястреба с высоты очаровало мальчика. Автор выражает уверенность, что просторы подвластны не только птицам: «Что ты тоскуешь, мой друг молодой? / Ястребу тропы даны голубые... / Вырастешь – будет весь мир пред тобой, / будут доступны просторы любые»⁷. При изображении деревьев нередко актуализируются языческие представления. Так, отголоском древесного культа выглядит описание могучей лиственницы в одноимённом стихотворении Вениамина Чисталёва. Она соединяет небо и землю: «На скале крутой упорно / Вырастала ладно, чинно, / Глубоко

¹ Поэты Коми: В 2 т. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. Т. 1. С. 22; 25; 32.

² Антология коми поэзии. С. 53; Савин В.А. «Звени, моя парма...». Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. С. 8.

³ Размыслов А. Стихи, письма, воспоминания, критика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. С. 206.

⁴ Размыслов А. Стихи, письма, воспоминания, критика. С. 211.

⁵ Поэты Коми: В 2 т. Т. 1. С. 24.

⁶ Антология коми поэзии. С. 84.

⁷ Поэты Коми: В 2 т. Т. 1. С. 23.

пустила корни, / К тучам вскинула вершину»¹. Песня как предмет изображения, а также концептуально-понятийная и образная деталь текста имеет многоразличные смыслы, функции и способы проявления. Песня – это способ самовыражения человека и одновременно род искусства, украшающего жизнь. Как метафора птичьего пения она звучит сверху: «В реку смотрится лес, / А в лесу соловей, / Льётся песня с небес, / Но не радуюсь ей»². Но в ряде случаев она «летает», и тогда она занимает позицию над землёй: «Песня! / Лети над Россией моей. / Как символ мечты легкокрылой»; «И над городом песни плывут, Славят праздник борьбы и труда»; «Гулким и крылатым эхом / Льётся песня в вышине»³. Подобно птице, крылато время социалистических модернизаций, атрибутируемое понятиями «дни», «век» в стихотворении Александра Габова «Крылатые дни». С меньшей долей метафоричности представимо движение ветра как полёт над поверхностью земли и вод. Характеристики ветра зависят от его силы, скорости, времени года. Он может быть резким и холодным, а может быть и тёплым, нежным: «Над ручьём, над ряской, / Над кольцом дорог / Веет тихий, ласковый / Южный ветерок»⁴. Символическая природа образа позволяет включать ветер в ряд олицетворений, и он поёт («Я слышу в буйном пеньи ветра / Слова октября-ского завета»⁵); воет («За стеной холодный ветер / Без умолку воет, / В дом забраться он не может, / Потому и ноет»⁶), бегает («С юга тёплый ветер / Пробежит порой...»; «Ветерок у переката / Убегает прочь»⁷).

Землю в соответствии с географическими условиями конкретизируют объекты и явления природы: леса, реки, луга с живущими там зверями, птицами и рыбами, произрастающими травами, цветами, ягодами и грибами. Всё это источник жизни и воодушевляющей красоты. В изобилии представленные природные ресурсы распределены на необъятной территории края, сопоставимого по размерам с большим европейским государством, разнообразного по ландшафту, покрытого тайгой. Местные жители, называющие тайгу пармой, испокон веков слагали в её честь песни и стихи. Коми поэты, продолжая эту традицию, сравнивают безбрежную тайгу с морем (Виктор Савин «Коми море»; Николай Фролов «И снова я в kraю родном...»); признаются в своей неизбывной любви к ней: «Ты мне осенью люб и весной, / И зимою мне дорог, и летом, / Лес, охваченный чудной игрой / И пронизанный сказочным светом»⁸; «Наша парма! / С каждым часом / Мне милей она вдвойне»⁹. Зачинатель поэзии XX века Михаил Лебедев в стихотворении «Земля коми»¹⁰ представил художественно обработанную энциклопедию флоры и фауны края. Открывается она, как и следовало ожидать, изображением пармы: «Я иду землёю коми, – / Древняя тайга кругом. / Лес такой – могуч, огромен, – / Есть ли где в kraю другом?». Далее даются развёрнутые зарисовки и характеристики распространённых видов деревьев и диких животных: упоминаются сос-

¹ Антология коми поэзии. С. 83.

² Лебедев Михаил. Лунная ночь // Антология коми поэзии. С. 54.

³ Размыслов А. Стихи, письма, воспоминания, критика. С. 207, 218; Фролов Николай.

⁴ Савин В.А. «Звени, моя парма...». С.40.

⁵ Антология коми поэзии. С. 114.

⁶ Антология коми поэзии. С.55.

⁷ Поэты Коми: В 2 т. Т. 1. С. 18, 19.

⁸ Размыслов Ананий. Древний лес // Поэты Коми: В 2 т. Т. 1. С. 10.

⁹ Савин В.А. «Звени, моя парма...». С. 27.

¹⁰ Антология коми поэзии. С. 50-52.

на, ель, рябина, кедр, ива, осина, берёза, рысь, волк, медведь, лисица, белка, заяц, рябчики, глухари, журавль. Изображение природы наполнено сказочной поэтизацией, наглядно демонстрирующей традиционалистский дискурс коми поэзии. Деревья и животные ведут себя как люди: «Над рябиной молчаливой / Кедр морщнистый поник, / Тонкая сиротка-ива / Загляделася в родник. / С трепетной сестрой-осинкой / У берёзы разговор...»; «Зубы скаля, волк таится, / И как тень – медведь в бору; / Хитрая шмыгнёт лисица / Рыжим пламенем в нору...». Природа и человек не отчуждены друг от друга, но напротив – солидарно диалогизируют. В этих условиях окружающий мир природы мыслится в категориях человеческого поведения, «представляется не пустым или неодушевлённым, но изобилующим жизнью. Эта жизнь проявляется в личностях – в человеке, звере и растении, в каждом явлении, с которым человек сталкивается <...>. В любой момент он может столкнуться с любым явлением не как с «Оно», а как с «Ты». В этом столкновении «Ты» проявляет свою личность, свои качества, свою волю»¹.

Близость к природе – программный тезис почти каждого представителя коми национальной поэзии, готовых подписать под словами Вениамина Чисталёва: «Может, у лесной дороги / Вырос я среди черники / И подобран был прохожим. / Может, озеро лесное мне служило колыбелью, / «Баю-бай» мне птицы пели, / И тайга мой сон хранила, / А луна сказаний нити / В песенный клубок металала»². Природа является для коми поэтов мерилом красоты. Так, при описании женского облика используются сравнения и определения из области природного мира: «Глядь: красавица. Глаза / синие как небеса. / Как ручей, певучий голос, / веткой ивовой коса. / Помутился мой рассудок: / в ней природы вся краса»³. Высокий ценностный ранг природы в представлениях коми поэтов подтверждает сопоставление природы с симфонической, оркестровой музыкой: «Нам гремит / Оркестр природы / И зимой и летом»⁴.

Коми поэты осознают себя людьми, сопричастными естественным условиям существования, природным ритмам. Они видят вписанность жизни человека в календарный кругооборот: «...День и ночь – / Сутки прочь! / Так и вертится земля – / Нивы, реки и поля. / За зимой / Идёт весна. / Жизнь – одна, / И смерть – одна»⁵. Времена года довольно жёстко определяют характер занятий местных жителей: зимой – охота, прекращающаяся к весне («апрель ... охотничьи ...лыжи / на плечах унёс»), затем – весенняя пахота («Вышел в поле чистое / Конь стальной – ретив! – Бороздами первыми / Дали прочертив»), летом выпас скота, покос, заготовка ягод, кореньев, грибов, осенью – сбор урожая («Будут с ягодой и хлебом / Наша люди вновь. / После жатвы чашки-ложки, / Труженик, готовь!»)⁶.

Эта жизненная прагматика всегда определяла стратегию выживания коми – трудолюбивого северного народа. «Народ мой работящий», – констатировал Ва-

¹ Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. СПб., 2001. С. 9.

² Антология коми поэзии. С. 84.

³ Лыткин Василий. Коми девушка // Антология коми поэзии. С. 93.

⁴ Симаков Иван. Обращение к другу // Антология коми поэзии. С. 106.

⁵ Савин В.А. «Звени, моя парма...». С. 77.

⁶ Поэты Коми: В 2 т. Т. 1. С. 16-17.

силий Елькин в стихотворении «Песня». Вторая половина процитированного выше стихотворения Михаила Лебедева «Земля коми» посвящена деятельности людей, осваивающих природные богатства республики. Среди них охотник-зверолов, лесозаготовители и сплавщики, хлебопашцы. Все они вносят свой вклад в хозяйство и экономику страны, обеспечивая процветание и счастье народа. «Есть ли в мире где такое / Счастье, как в моей стране?..» – задаётся риторическим вопросом автор.

Подобным же идиллическим способом аттестует картину реальности Виктор Савин в стихотворении «Край радостный, край любимый»¹. Для этого поэта свойственно сравнивать, а то и отождествлять родную землю и мать (отсюда его излюбленные выражения «мать-землица», «мать-кормилица земля»): «Как я люблю тебя, / Край мой родимый, / Землю, где давнее / Детство бродило. / Стоит уехать / В другие края, / Рвусь к тебе сердцем, / Как к матери, я». Широту любви к отчemu kraю подчёркивает разнообразие ландшафтных привязанностей поэта: «Реки люблю / И не меньше – болота, / Где и простора / И дичи без счёта, / Горы люблю / И глухие леса, / Что подпирают собой небеса». Принцип перечисления становится у поэта средством регистрации примет мира, близкого и дорогого, обжитого и освоенного трудовым старанием. Лирический субъект обнаруживает способность и желание ловить рыбу, рубить лес, молотить хлеб, охотничать. Но он умеет и отдыхать, глубоко чувствовать красоту, приобретать знания, ценить дружбу, семейный покой и достаток: «С раннего детства / Люблю я охоту, / С паром да с веником / Баньку в субботу, / Шутку люблю / И заливистый смех, Хоть иногда / И поплакать не грех!»; «В доме родимом / Мне нравятся очень / Пышные шаньги, / Слоёные сочни...»; «Домик, / Законную землю свою / Кто же не любит / В родимом kraю!»; «Нравится в жизни моей / Повседневной / Делом гордиться / И дружбой душевной». Во всём этом чувствуется национально и культурно ориентированный взгляд человека, чьи этические и ценностные представления пропущены «через этноцентрический взгляд на отдельного человека как собственность рода, но в то же время – как на субъекта, наделённого силами и духом людей и предметов, способного проникать в духовную суть сущего, обладающего потенциалом, который выходит за пределы видимых возможностей реального природного человека»².

Этническая культура поставляет индивиду модель поведения, структура и состав которой являются проекцией родовых начал. Общее и отдельное сливаются, обеспечивая ту систему взаимодействия с действительностью, которая программируется коми ментальностью. Последняя видится современными учёными следующим образом: «В представлениях сельских коми их соплеменники – это хозяйствственные, трудолюбивые, жизнерадостные, уважающие чужие вкусы, упорные и честные люди; в представлениях городских коми – хозяйственный, упрямый, трудолюбивый, уважающий чужие обычай и вкусы, упорный, жизнерадостный народ»³. К сказанному, вероятно, можно добавить и такие черты националь-

¹ Савин В.А. «Звени, моя парма...». С. 18-21.

² Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. Избранные психологические труды. М.; Воронеж, 1999. С. 438.

³ Котов О. В., Рогачёв М. Б., Шабаев Ю. П. Современные коми. Екатеринбург: УрО РАН; Сыктывкар: ИЯЛИ, 1996. С. 111.

ного характера коми, как прямодушие, честность, дружелюбие и гостеприимство, непримитивность, терпимость по отношению к представителям другой культуры и религии.

Приведу некоторые примеры. В уже упоминавшемся стихотворении Вениамина Чисталёва «Лиственница» выведен образ жизнестойкого, «упорно» растущего «ладно, чинно», несгибаемого «ветром-супостатом» дерева: «Чудо-лиственница к лету / Нарядилась как девица»¹. Антропоморфизация образа и характер символики позволяют, или по крайней мере не мешают иносказательно представить такие этнопсихологические черты коми народности, как упорство, тяга к порядку, гармонии и природной красоте.

Преобладающая эмоциональная тональность коми поэзии – светлая и радостная. Пессимизм ей не свойствен. Во многом это связано с осмыслением исторических перспектив, открываемых советской властью для малых народностей. Поэты верили коммунистам и воспринимали исторический момент как время пробуждения народа к новой, счастливой жизни: «Сердцу так радостно / Биться без устали / В дни пробуждения / Края родимого, / Коми земли моей»². Они упивались на справедливый передел мира в пользу бедных: «Кто сегодня всех богаче, / Светлой радости не прячет, / Славит и судьбу / И свою избу? / Бедный человек, / Бедный человек!»³. Советский колlettivizm подчинял себе корневое «Мы» этноса, связанное с осмыслением своих историко-культурных задач, деформировал процесс национальной идентификации (общность устанавливается в более широких рамках советской идентичности), превращая стихи в лёгкие частушечные речёвки («Мы колхозные да / Мы таёжные / Песни новые распеваем. / Мы работаем да / словно песнь поём, / Никакой тоски / Мы не знаем»⁴) и марлевую риторику («Мы солнцем весенним согреты, / Счастливее всех мы на свете. / Мы дружно идём / И песню поём, / Хозяева нашей планеты»⁵). Но «Мы» не всё поглощалось советской ментальностью. Рядом с барабанными стихами, сквозь наслаждения идеологического песка пробивался жизнедатный родник естественной поэзии, как это происходит в стихотворении Виктора Савина с характерным названием «Когда радостно»: «Если ветер повеял теплей, / Если снег убегает с полей, / Если почки полопались вдруг, / Если всё зеленеет вокруг, – / Сердце ликует! / Жизнь торжествует!»⁶. Поэт-жизнелюб, как Савин называл себя, даже и к смерти относился полуутутиво и просил шумно похоронить его, с песнями и шутками, радостно приходить на его могилу и весело вспоминать о нём, как он писал, «Чтоб и в темень моей могилы, / В мир холодный загробный тот, / Обязательно доходила / Жизнь земли, и лесов, и вод». Остающимся же на земле поэт хотел бы сделать наказ, содержание которого формулирует народные этические приоритеты: «Честно жить на родной земле, / Не бахвалиться понапрасну / Ни успехами, ни бедой. / Быть достойным / Под стягом красным, / Под высокой его звездой»⁷. С очевидностью здесь пропагандируется идеал скромной и

¹ Антология коми поэзии. С. 83.

² Савин В.А. «Звени, моя парма...». С. 43.

³ Савин В.А. «Звени, моя парма...». С. 32.

⁴ Поэты Коми: В 2 т. Т. 1. С. 33.

⁵ Поэты Коми: В 2 т. Т. 1. С. 34.

⁶ Савин В.А. «Звени, моя парма...». С. 17.

⁷ Савин В.А. «Звени, моя парма...». С. 38.

умеренной жизни, распространённый в народе, исповедуемый и самим поэтом: «Жил негромко я, / Но честно, / С чёрной ложью не дружил»¹.

Восприятие действительности у коми поэтов 1920–30-х годов определяли опора на традиционные культурные ценности, удалённость от бурно развивающихся цивилизационных процессов. В поле зрения попадали прежде всего ближайшие предметы и вещи, обстоятельства, имеющие непосредственное отношение к человеку, его жизни, личной и общей судьбе. Осердченное видение мира реализовалось через сострадательное, участливое отношение к человеку. Этому способствовали телесные коннотации в образной ткани, опредмечивание словесных смыслов. Так, Вениамин Чисталёв, обдумывая свою писательскую миссию, отмечал в программном стихотворении «Мои слова»: «Мои слова – кровинки-капельки; / Мои рассказы – слёзы светлые». Слова у него «дышили», и в этом дыхании поэт слышит свой голос, «боль сердечную, нежность сладкую»².

Лирический герой коми поэтов – это сегодняшний или вчерашний житель деревни. Он с удовольствием и светлой ностальгией вспоминает своё детство с бабушкиными сказками, рассказанными струдившейся на печи детворе бабушкой за неторопливым вязанием (Михаил Лебедев «Сказки»), с ребячими забавами и играми (Виктор Савин «Вырос я в глухой сторонке»), с непростым, но благодатным постижением грамоты, школьных знаний (Виктор Савин «Как я постигал грамоту»), походами за лесными дарами (Фёдор Попов «Сбор ягод»). Много стихов посвящено матери, взаимоотношениям с отцом, братом и сыном (Виктор Савин «Матери», «Отец и сын»; Ананий Размыслов «Брату»; Василий Лыткин «День Октября»). Семейно-родственные связи и представления проецируются и за пределы родного дома: земля оказывается матерью, поэт называет себя её сыном (Василий Елькин «Счастливая земля»), материнско-сыновьи отношения связывают страну и её жителей-мужчин (Павел Шеболкин «Неугасимые звёзды»), сливающиеся реки сравниваются с сёстрами (Фёдор Щербаков «На слияние рек»), люди одной национальности и близкие народности видят друг в друге братьев (Михаил Лебедев «Наша смелость»; Афанасий Маегов «Коми народу»). Такое одомашнивание мира связано с соответствующим образом жизни и сформированными этим образом жизни взглядами. В деревне все знают друг друга близко, живут в кругу своих родных, соседей и приятелей, называет по именам, дружески разговаривают, общаясь запросто, порой фамильярно. Вот приглашение в баню: «Тётка Дарья, Натка, Лена, / Приходите, пар отменный»³. Вот описание деревенской свадьбы: «За Семёна Тутуруту / Вышла девушка Марфута. / Вышла по любви. <...> / Гости добрые пируют, / Не чудят, не озоруют. / Все кругом – родня. <...> / Тут и Власий чернобровый, / Тут и Пётр, как бык здоровый, / Тут и Моисей. <...> / Эгре, круглая, как бочка, / Марья, Ярослава дочка, / Дорогой народ»⁴.

Многие стихи – это сценки из сельского быта, драматические либо юмористические зарисовки. Особенно характерно это для творчества Виктора Савина. Тяга к миметическому изображению, театральности помогает его показать разыгрыва-

¹ Савин В.А. «Звени, моя парма...». С. 60.

² Чисталёв В.Т. Менам кывъясой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 5.

³ Антология коми поэзии. С. 101.

⁴ Савин В.А. «Звени, моя парма...». С. 32-33.

ние и исполнение народной песни «Солнцеликая» разными людьми и в разных обстоятельствах, использовать звуковой жест и попутное комментирование в сатирических целях («Латкин им ногою – зым! / Богатеи на пол – гым! / (Чувствуют порядки)», вспоминать эпизоды из детства («Плачет брат и ты рыдаешь – / Слёзы льём рекою. / В рот рожок ему вставляешь – / Хочешь успокоить»), обильно цитировать речь персонажей («Рыбная ловля в ненастье»), побуждать вступать в диалог деревья, реку, старого рыбака («Осенняя сказка»), изображать различные случаи и происшествия («Жатва», «Поимка коня», «Архиерей», «Девичье горе»), поездки и встречи («Спор»)¹.

Пространство бытовое размыкалось в пафосных стихах, осмысливающих судьбу нации и долю народа. Ещё в 1913 году Михаил Лебедев в стихотворении «Наша смелость» призывал народ коми к гражданской активности, росту самосознания, бесстрашной борьбе со злом и национальным бесправием: «Жить станем гордо и смело, / Горе оставим в былом. / Встанем за общее дело – / Будем бороться со злом!»². Аналогично по настроению стихотворение Афанасия Маегова «Коми народу», также написанное до революции 1917 года. В нём звучат призыва к просвещению, духовному пробуждению нации: «Коми народ, пробуждайся! / Раскрепощая умы, / Ты неустанно сражайся / С грозными силами тьмы»³. После революции поиски национальной идентичности требовали коллективной сплошённости для решения общих задач: отпора врагу, овладения грамотой и знаниями, строительства социализма. Укреплялась вера в свои силы и историческую перспективность вводимых новшеств: «А мы – бесстрашны, / А мы – сильны, / Нам день вчерашний – / Как злые сны!»⁴. Народ коми рисовался богатырским исполином, ищущим своих дорог к счастью (Иона Чисталёв «Всезырянскому съезду»; Афанасий Маегов «Грядёт Коммуна»; Фёдор Попов «Сбор ягод»). Сюжеты стихотворений с социально-политической проблематикой развивали отдельные стороны единого сверхсюжета, организованного идеей революционных перемен и поступательного движения от старого к новому, из тьмы невежества, косности, забитости к свету коммунистических идеалов: «Из тьмы из этой / Мы третий год, / Рванувшись к свету, / Летим вперёд»⁵.

Подведём основные итоги. Анализ материала показал, что в стихах коми поэтов 1920–30-х годов представлен многогранный образ действительности того времени. В центре внимания авторов человек, вписанный в природный универсум и социокультурный контекст. Изображённый мир воплощает своеобразную национально-историческую картину мира.

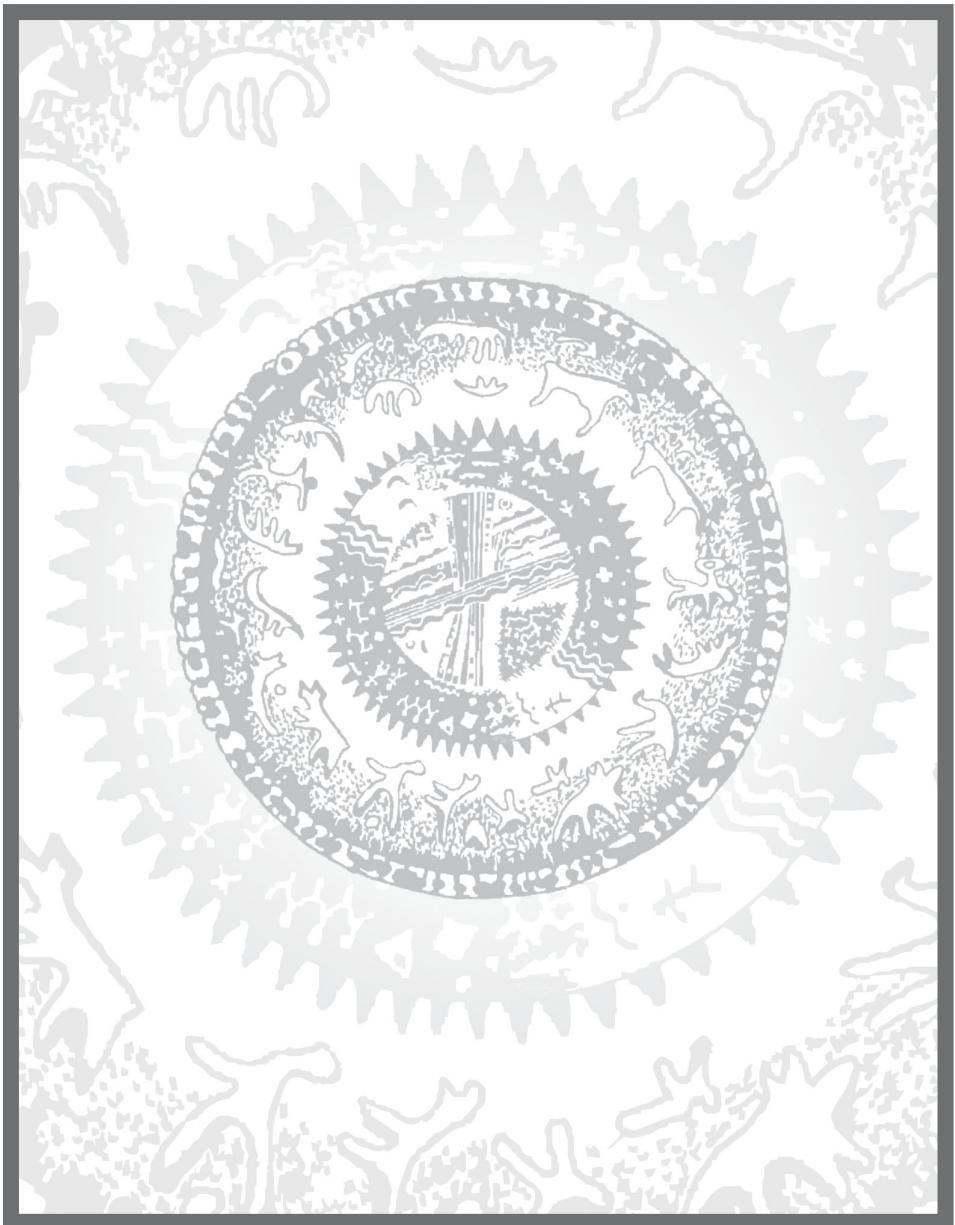
¹ Савин В.А. «Звени, моя парма...». С. 9-11, 14, 16, 22-26, 28-31, 52-59, 59-65, 41-44.

² Антология коми поэзии. С. 49.

³ Антология коми поэзии. С. 88.

⁴ Антология коми поэзии. С. 89.

⁵ Антология коми поэзии. С. 89.

АРТ-ФАКТ

Людмила Кочерган

Кочерган Людмила Ивановна – выпускница исторического факультета Сыктывкарского государственного университета. С 1995 года работает в Национальной галерее Республики Коми. С 2006 г. – заместитель директора по экспозиционно-выставочной работе. Аспирантка заочного отделения аспирантуры Сыктывкарского государственного университета, кафедры Отечественной истории.

«Листья осени...»

О творчестве Анатолия Васильевича Копотина

«Жизнь хороша!» – сказала как-то художнику одна из его моделей, пожилая женщина из коми села Аныб, разменявшая не один десяток лет. «Жизнь хороша!» – утверждает и сам художник, создавая в своих произведениях окружающий мир: людей, природу, человеческие отношения, бытийные сюжеты. Поставив ещё в молодости перед собой задачу писать картины, он и сегодня не отказывается от этого непопулярного в настоящее время жанра. Два законченных в этом году сюжетно-тематических полотна – «Встреча Алексия II в Усть-Выми в день празднования 600-летия успения Стефана Пермского» и «Весенним днём в местечке Париж г. Сыктывкара» – стали украшением персональной выставки, открывшейся в Национальной галерее Республики Коми к 60-летию со дня рождения А. Копотина.

Анатолий Васильевич Копотин – уроженец деревни Демидово Вологодской области. Родовые крестьянские корни стали основой мироощущения художника, заключающегося в восприятии жизни такой, как она есть. Желание рисовать появилось в младших классах школы г. Череповца, когда молодой учитель рисования на глазах заворожённых учеников растекающейся по листу акварелью воссоздавал то, что они видели перед собой, но не в обыденном, привычном взору варианте, а в наполненном какой-то особой красотой. Чуть позже начались занятия в студии А. Алексеевой, ученицы великолепнейшего мастера работы с чистым цветом К.С. Петрова-Водкина, затем – овладение азами профессионального мастерства в Ивановском художественном училище, где все заговорили о таланте художника.

В молодости сложились художественные приоритеты, остающиеся и по сей день. Любимейший мастер – Эль Греко. Русская живопись – особенная, идущая «от души» на протяжении всех веков её существования. В современном мире

только русские художники пишут этюды – фрагменты собственных впечатлений, дающие им моральное право и живописную возможность создания достоверного произведения. Американским и европейским мастерам, приверженцам прагматичного искусства, этого просто не надо. Этюды для А. Копотина – «святая святых» живописца, фактический багаж мастера, с которым никогда не стоит расставаться.

Совсем другое отношение к картинам, требующим серьезной, кропотливой работы. Сколько времени работать над полотном – подсказывает сердце, именно оно ведет сам ход создания произведения. Можно работать бесконечно, так как нет предела совершенству, но нужно вовремя остановиться. Вовремя – значит, почувствовать сердечное спокойствие при взгляде на созданное. Но это еще не все – доведенная до определенной степени совершенства форма будет «зажата», если немного не «похулиганить» цветом, оживив ее.

Слово «похулиганить» художник применяет и по отношению к маститым известнейшим живописцам. Серьезная академическая пропись хороша, но есть мастера, которым с помощью нескольких ярких пятен удается создать достоверный образ – такой, каким его видит зритель, невольно дорисовывающий недостающие детали в своем воображении. По мнению А. Копотина, это и есть настоящее мастерство, к которому он стремится в своих работах.

Сторонник чистого цвета, он позволяет работать себе всеми красками. Цвет вовсе не должен соответствовать зримой действительности, но обязан содержать в себе верно отраженную эмоцию от ее восприятия. Еще важен эмоциональный накал, выраженный в сочности краски. Особое отношение – к красному цвету (ценители живописи обратят внимание на его звучание в представленном на экспозиции «Портрете матери», 1973); непревзойденный пример - «Вихрь» Ф. Малавина, способный раскрутить зрительское восприятие до ощущения экстаза.

Тематика произведений – приближенная к жизни. В 1970-е годы, работая в училище искусств (в настоящее время Колледж искусств Республики Коми), он побывал со студентами в селе Аныб, в которое позже приезжал не один раз. Любимыми моделями стали коми старушки – умудренные житейским опытом, непосредственные и непоседливые, которых достаточно сложно было уговорить на часовые сеансы позирования. Размеренный жизненный уклад, сельскохозяйственный труд, деревенские праздники – все эти темы воплощались с образами многих современников («Сельчане», 1981; «Старушка с овцами», 1982, «Песня», 1985).

Эдгар Бартенев

«Не говорить больше, чем говорит кадр...»*

Речь пойдёт о кино, которое более чем какое-либо другое озабочено взглядом. Жестом. Усилием. Которое каждым движением камеры решается видеть, не зная, куда это движение приведёт. Речь пойдёт о молчании, об отказе от литературы, о доверии к телесности, к «физике», которую принято высокомерно рассматривать как инструмент и атрибут, о новой ответственности перед реальностью. Как бы странно ни показалось сегодня сочетать два этих вышедших из моды термина.

Адресат этой речи – Эдгар Бартенев, тридцатисемилетний писатель и режиссёр документальной картины «Одя». Автор, чьи ленты уже второй раз отбираются в программы Каннского фестиваля.

Эдгар Бартенев родился в 1966 году в Казани. Десять лет работал врачом – невропатологом и реаниматологом. Тайно, с детства, занимался литературой, публикуясь обычно под вымышленными именами и почти никогда не предпринимая усилий к тому, чтобы напечатали. Заочно учился драматургии во ВГИКе в мастерской О. Агишева и В. Туляковой, не доучился, так как надо было платить за второе образование. В 1999 году, узнав, что режиссёрскую мастерскую на Высших курсах набирает Алексей Юрьевич Герман, решил поменять профессию и рванул в Москву. Снял три короткометражных фильма: «Грядки» (1999), «Вальс» (2001) и «Одя» (2003). Последний демонстрировался в программе «Двухнедельник режиссёров» 56-го Каннского фестиваля.

– Что такое Одя и почему, собственно, Одя? Есть ли такая национальность на карте или это поэтический вымысел?

– На карте есть Республика Коми. Наши персонажи живут в двухстах километрах от Сыктывкара. Эти двести километров, в зависимости от сезона, преодолеваются в два-три дня, когда на вездеходах, когда на лошадях и лодках. Одя – женское имя. Оригинальный язык фильма – коми, его удорский диалект. В титрах «Ö» с двумя точками сверху, обозначает средний звук между «ы» и «э». Так

* Интервью «Не говорить больше, чем говорит кадр...» с Эдгаром Бартеневым было опубликовано в журнале «Искусство кино», № 8, 2004. (На сайте <http://www.kinoart.ru/magazine/08-2004/names/Bartenev0408>).

зовут одну из героинь, хромоножку, которую в картине мы видим чаще других. Первоначально, до того как появилась возможность производства фильма, мы со сценаристом Денисом Осокиным собирались рассказать именно её историю. Фильм мыслился полнометражным эпическим повествованием о фигурах народа коми. Кинорассказ «Одя» и так называемые «сцены к фильму» опубликованы в книге Дениса Осокина «Барышни тополя» (М., 2003), занимают в ней обширную площадь, и теперь этот литературный пласт вместе с нашей картиной образуют своего рода «гипертекст». И картина, и книга, каждая по-своему, отворяют вселенную, в которую мы и проникали, которую созидали и которая сама развертывалась перед нашими глазами. Если бы мы перевели на русский язык имя Одя как Дуня, Авдотья, фильм прекратил бы своё существование, потребовав непрерывных сносок в виде субтитров, закадрового голоса автора и монологов персонажей. Название «Одя» стало для нас ключом к заветной радости, пережитой нами в удорской деревне на реке Вашке, притоке Мезени. Об этой радости до слёз, что лето уходит, что его никак не остановить, что пора выкапывать утиные следы на берегу и прятать их в тряпочку до следующего лета, мы и хотели рассказать зрителю. У нас было шесть неполных коробок плёнки, эпической картины на этом не снять. Вышел тридцатiminутный фильм. Снимая, практически не делали дублей. Жанр мы определили как фильм-чётки. Чётки можно трогать, любоваться ими, перебирать до бесконечности. Каждый кадр, за немногим исключением, — миниатюра.

— Вернёмся к героям «Оди». Действительно ли эти люди так живут? Такую одежду носят? Не говорят на другом языке? У них всё ещё живы обряды?

— Вас, видимо, интересует, насколько реальные люди отличаются от персонажей картины? Теперь, когда вы видели наше кино, вы можете поехать в Удорский район Республики Коми, добраться до деревни Коптюга, если сумеете, и проверить воочию. Всю дорогу до Коптюги вас будут сопровождать чудесные явления, если вы способны им отвориться: увидите на ветке голую белку, пламя, скачущее между деревьями и не подпаляющее лес, ёлку, которая исчезнет на ваших глазах, встретитесь взглядом с дремучей старухой, которая косит косой-горбушей траву возле своей избы, а трава не кончается, и во взгляде старухи вдруг прочитаете то, что случится с вами через год. Чудеса, разумеется, все языческого свойства, немногого пугающие. Если же вы сермяжный документалист, гражданин с публицистической жилкой, с проблемным взглядом и любовью к толкованиям, то обнаружите деревни с развалившимися домами и одинокими брошенными бабушками, поразитесь нещадной вырубке лесов, которым испокон века живущие здесь люди давно не хозяева. Поэтому вы, скорее всего, до Коптюги не доберётесь: местный охотник подумает, что вы вёрса — лесной демон, и пальнят вам в лоб... Прибавит ли что-нибудь к фильму, если я отвечу на ваш вопрос традиционным образом? Что речь идёт об удорских коми, той их части, что триста лет живут на средней и нижней Вашке. Что живут они именно так, как вы наблюдаете в фильме. Женщины носят красные платки, а мужчины не расстаются с ружьями. Говорят они на вашкинском говоре удорского диалекта языка коми. Птичий, щебечущий язык. Слов для обозначения птиц, животных и трав больше, чем для объяснения своего самочувствия. Если и говорят по-русски, то фонематически так же, граница меж-

ду языками почти неразличима. И все обряды у них именно живые, потому что ими же самими никогда не повторяются в деталях и совершаются не по календарю, а по обстоятельствам: надо поклониться реке, проводить лето, испросить прощения у убитой утки.

— Мне показалось, что собственно этнографический момент вас интересовал мало. Зритель «Ёди» с порога заброшен в мир одновременно близкий и далёкий, вынужден выбираться на ощупь, вслепую. Я настаиваю на этих

«тактильных» ассоциациях. Есть некоторая хорошая трудность в перемещении по пейзажу, где ничего не названо, где нет привычных указателей на объекты, как это принято в этнографическом жанре: скажем, это китаец, это пагода — жилище китайца... Словно вас интересовала общая, присущая нам всем соматика (вернее, обращение к ней), но именно нами, в силу «замыленного» цивилизацией зрения не считываемая. Вы словно снимаете из точки, откуда ничего не известно ни про жесты, что мы совершаем, ни про то, как мы устроены. Почему смеются старухи, почему поле и ноги из стога сена?

— Нам важно было идти именно на ощупь, путём поэзии. Вы всё правильно говорите. Можно сказать, что есть две реальности: одна, меньшая и мнимая, которая целиком покрывается нашим её пониманием или стремится к этому, и другая, вмещающая в себя первую лишь как часть, доопытная и сверхопытная реальность, абсурдное в ней становится чудесным, и инструмент её постижения — творчество. То есть это такая реальность, где невозможное становится бывшим. Разумеется, каждый эпизод-миниатюру в фильме можно разгадать. Ответить на ваши «почему». Успех разгадки зависит от силы внимания зрителя и его искусшённости, скажем, в этнографии. Но при этом будет получено знание лишь о первой, внешней, реальности, а почему это хорошо и красиво, когда две женщины в красных платках шествуют по полю так, словно плывут по небесам, останется тайной. Если приоткрывать карты, то первый принцип, исповедуемый мной в «Ёде»: не говорить больше, чем говорит кадр, изображение; второй принцип (он касается целого): не говорить больше, чем говорит любовь. На каком языке, кроме библейского, она — если она живая, а не абстрактное понятие — могла бы с нами говорить? И о чём бы она нам поведала? Неужели о чём-то большем, чем о своём присутствии? И если бы я узнал, что глаза зрителя и глаза Бога суть одно, что бы я сказал? Может быть, я бы второй раз снял «Ёдю».

— Откуда эти странные сцены с падающим ведром, птицей на голове? Вы их планировали? Наблюдали в действительности или это такой эстетический кунштюк?

— Если вы посмотрите сцену с падением ведра из-под рукомойника на большом экране, то увидите, что ведро опрокидывается само по себе. Бесхитростно

«Вальс».

берёт и падает. Нет никаких лесок. На спецэффекты в документалистике не бывает денег. Эту сцену мы снимали в избе, где, по рассказам жителей, куролесит некий демон. Нас интересовал только примитивистский интерьер комнаты, задача стояла описательно-бытовая, но в кадр вошло нечто странное, чьё-то присутствие. Хотя почему присутствие? Может быть, это просто сила, таящаяся в самом ведре или в грязной воде, которая хотела выплеснуться? Тема сосуществования людей с демонами, возможно, в фильме ведущая. Кадр с падением ведра задает один из векторов её решения. Собственно, это четвёртый кадр в фильме, и с этого момента исключается возвращение зрителя в привычный мир, где всё более или менее ожидаемо и соответствует его представлениям о реальности. Дальше он волен смотреть или не смотреть картину, либо он ждёт трезвого объяснения происходящему – такого человека картина будет раздражать, либо параметр не-предсказуемости начинает определять восприятие, и тогда зритель уже не нуждается в рациональных подпорках. Я зарёкся рассуждать о нашем фильме, это точно не делает его лучше, и сейчас, отступая от правил, сам себя слушаю больше с ужасом, чем с интересом. Демонов ведь в фильме нет, мы только слышим их голоса – шорохи, стуки, скрипы, звуки вообще неясного происхождения – и видим людей, поведение которых основано на знании, что эти звуки принадлежат миру мёртвых.

– В такого рода повествовании есть опасность: введение драматургически слишком эффектного момента чуда. Даже если вы, как вы утверждаете, его поджидали, а не производили вручную. Чудо ведь не считывается нами как нечто привычное, что может быть не замечено в повседневном скользяще-созерцательном обиходе. Чудо может быть слишком эффектно, красиво. Вы не боялись, что в этой неспланированной реальности вы (совершенно случайно) окажетесь производителем зрелищ? Не было ли у вас слишком красивых чудес, которые бы вам хотелось вырезать при монтаже?

– Ей-богу, ни о каких чудесах, ни о каком волшебстве я специально не думал. Это всё равно что думать о том, о чём я думаю. Сейчас я рассказываю о моём отношении к тому, что я уже сделал, отношении запоздалом, потому что я давно находусь вне фильма и уже сам другой, в других замыслах. А когда начинаешь кино и когда его делаешь – с самой первой грёзы о фильме до печати первой копии, – разве же рассуждаешь? Просто берёшь и делаешь, потому что знаешь всё, что случится, сердцем знаешь, первобытным каким-то образом. И меньше всего заботишься о том, чтобы ответить на все «почему». Если чудесное вторгнется в повседневность, то я к этому готов – в меру своих сил.

– Итак, чудо – нечто принципиально далёкое от выразительности. От спецэффекта, от расставления акцентов. Чудо, как вы точно сказали, бесп hitростно, оно не предполагает уловку зрения, когда всё, что «раньше» и

«Одя».

«позже», уничтожается оригинальностью фокуса, и напряжение зрительского зрения ослабевает от момента к моменту. Иными словами, чудом оказывается переживание банального в его уникальности (как проживает его режиссёрская камера в мире «Ёди»). И всё же... Удорская деревня Коптуга – это дальняя даль... Тысячи километров, другая цивилизация. Не возникает ли у вас желания поместить это чудо географически ближе к нам? В заведомо неинтересных местах? Задача ведь при этом остаётся той же самой: не важно где это «переживание реальности» имеет место – в современном офисе, супермаркете или... Государственной думе.

– Не везде же цветут папоротники... Скажите, возможно ли там, где существует контроль над реальностью, естественным и непредсказуемым образом эту контролируемую кем-то реальность переживать? Там, может быть, уже и самой реальности нет. Чтобы «пережить» Государственную думу, требуется всего лишь угол зрения, а зрение у меня слабое.

– Ваши герои редко разговаривают, но даже если начинают говорить, их речь мало понятна зрителю. Насколько для литератора (вы ведь пишете, насколько я знаю) было трудно отказаться от слова?

– Совершенно безболезненно отказался, как раз потому, наверное, что знаю цену слову. К тому же, всё, что я пока снял – три получасовые короткометражки, – фильмы всё-таки ученические. В «Ёде» помимо чисто художественных ставились ещё и учебные задачи: в качестве эксперимента отказаться от нарративной драматургии, управляемой словом, попытаться построить картину исключительно на драматургии ощущения, если таковая водится, и научиться киноживописи. Не уверен, что хорошо справился с первой задачей, но со второй, кажется, сладил. На картине был замечательный оператор – Николай Васильевич Волков, волшебно чувствующий кадр. На первом же фестивале, в Клермон-Ферране – это самый большой в мире фестиваль короткометражных фильмов, его ещё называют Канном короткого метра, и там соревнуются сотни фильмов, – «Ёдя» получила приз за лучшую операторскую работу.

– Можно ли сказать, что ваше кино принципиально неиллюстративное, что оно не повествует о чём-то, потому что у него нет задачи что-то повествовать, а только про-из-вести? Что оно осваивает телесность как жанр? Не оттого ли оно манкирует словом?

– Вы говорите точнее, чем я. И мне совершенно понятно недоумение критиков, которые ничего не могут сказать вслед фильму. Фигура молчания как результат восприятия – отлично. Фигура умолчания – печально. Привести зрителя к молчанию – может быть, только этого мы и хотели.

– Меня восхитило, что синтаксически «Ёдя» выстроена по принципам игрового кино. Вы монтируете действие к действию. Без задумчивости и пауз, без подживающей камеры, этого излюбленного документалистами кинозеффекта?

– Я воспитан как режиссёр игрового кино. До «Ёди» у меня были две игровые короткометражки, соблюдающие жанровые принципы: «Грядки» и «Вальс». Что

касается «Оди», я и не думал снимать её как-то иначе, чем снял. Поджидающая документальная камера сейчас выглядит как псевдоподождание, как иллюстрация того, что документальное кино снимается за маленькие деньги. Я вообще не знаю, что такое документальное кино. Любое неигровое? Фильмы Майкла Мура для меня примеры отличной телевизионной эссеистики. Многие картины Би-Би-Си про животных гораздо более художественны... Или такое неигровое кино, которое, прежде всего, художественно? Не разобраться. Мне очень нравится, как наблюдает за жизнью Сергей Дворцевой. Но фильмы-наблюдения на киноплёнке всё труднее делать с производственной точки зрения. Российское документальное кино, по моему ощущению, сейчас заговорено настолько, что авторское слово (обычно закадровое) важнее материала. Убери голос автора или монолог персонажа – и нет фильма, есть набор кадров, которые сами по себе ничего не говорят. Почему публицистичность российской кинодокументалистики не греховна? Почему слово должно значить больше образа? Почему звучание речи иногда не ценнее её самой? «Одя», возможно, протест против моды говорить. Можно было произнести все смыслы вслух и перевести все коми слова, звучащие в фильме, на русский язык, и тогда бы о фильме начали говорить и писать привычные вещи.

– Разрешите отвлечься и вернуться к вашим «Грядкам» и «Вальсу». О чём они были, о грядках и вальсе? Если да, я продолжу... без всякой иронии. Знаете, я всё больше замечаю сегодня, что названия фильмов, вещей и предметов стремятся к тавтологии, самоповтору. Журнал «Журнал», газета «Газета», кафе под названием «Место». И ваши (если об этом) «Грядки» и «Вальс». Словно сейчас становится важным не умножение смыслов вокруг чего бы то ни было, а проживание этого места ли, вещи. Ведь смыслы высокомерны и уводят ввысь от предмета. В сущности, классическое европейское сознание по-прежнему презирает предмет, желая им только пользоваться. Впрочем, это мои наблюдения за языком, эдакие колебания реальности...

– А у алжирского дяя под самым носом шишк... Не вижу проблемы, как бы её ни формулировать. Да как будет угодно авторам! В «Грядках» есть грядки, хотя фильм не о них. В «Вальсе» никто не танцует, но два разных вальса звучат за кадром. Оба фильма – о человеческих неразрешимостях, о таких крайних неразрешимостях, которые даже на уровне драматургии могут быть развязаны только гадательно. В «Грядках» герой и героиня – муж и жена – разучились любить друг друга, и вместо того, чтобы молчать, они продолжают говорить, но язык их – исключительно матерный. Смешно и грязно. Небрежение любовью ведёт к измене – и только тогда любовь возвращается. «Вальс» – история неизбывной, бесконечной ревности без возможности простить измену. Непосильное испытание для героя и абсолютный для него тупик, разрешимый, кажется, лишь смертью. Невзаимность. Но при этом возможность любви не перестаёт быть. Впрочем, я опять рассуждаю, как посторонний, о своих же собственных делах... Нынешняя же одержимость тавтологией – своего рода попытка поставить подножку сразу и реалистам, и номиналистам, о которых, впрочем, мало кто помнит. Модно и не дерзко. Хотя сущность слить с существованием – это, если помните, всего лишь номинализм. Вытекающее из этого «не умножай сущностей без нужды» способно остановить даже историю и водку, наконец, сделать просто водкой...

— Но ведь история, та, о которой мы привыкли рассуждать в классических терминах объективности и непрерывности, давно остановлена. Современность предполагает так много конкурирующих микроисторий, что кажется удивительным, что они всё ещё могут существовать параллельно. И почему бы водке не быть водкой, а не, скажем, «огненной водой» или «божественнымnectаром»? Мне кажется, сегодня очень важно хоть иногда перестать выражаться эвфемизмами. Сегодняшняя эвфемистическая речь (за которой сакральность и набожное молчание) — популярная тактика телевидения и других идеомонстров, пресловутых авторов «окончательных решений» по очередному национальному вопросу. Да и речь не о номинализме вовсе, а о некоем возвращении к предметам, о пристальности взглядывания в предмет (в ту же водку, если угодно), нежели о метафизическом уклонении или усилении языка, предполагающем бесконечную комбинаторику, пресловутое «умножение смыслов»!

— Я не против любого молчания, пусть набожного. Мне дела нет до истории, о которой можно рассуждать. Спор между номиналистами и реалистами гораздо насущнее, чем кажется. Его, собственно говоря, нет. Есть проблема личного выбора между верой и неверием. Если я вам скажу, что верю, что Христос — Сын Божий, вы возразите примерно в том же духе, что и суфии ордена Аль-Кадирийя, говорящие, будто тот, кто скажет, что Аллах существует, тотчас Его и теряет. Если бы мне хватило разумения, я бы вслед за Василием Великим хотел бы познавать «не по сущностям, но по именам». Потому что имена ткнутся любовью — и возвращают нас к предметам. Ведь что толку мне возвращаться к предмету, если я его заранее не люблю? Что тогда толкает меня к предмету? Он сам? В нём его тяга ко мне или во мне самом? Или мы с ним суть одно? Как тут быть? Предмет заслуживает стихотворения, взглядывания, проживания, может быть, псалма, если дышит любовью создавшего его. Что он сам по себе? Разве больше имени, которое я ему даю? В этом смысле я — сугубый реалист. Что касается окончательных решений, то они всецело в руках человеческих, и суть кумиры.

— У современности есть свой язык: гиперссылки и полиграны; свои фобии; скорость; свои режиссёры — Гринуэй или Фиггис. Есть и другие. Не хотелось бы называть их вне временными (это пошлый «универсализм»), но как бы смиряющиеся перед временем, наблюдающие за собой из неизвестной точки, словно не было до них никакой истории человека. Для меня такое кино началось с дюмоновской «Человечности» и фильмов Дарденнов. Картин, гениально непредсказуемых (это в данном случае не эпитет, а свойство), совершенно осознанно удаляющихся от литературности, работающих с соматикой, тактильностью, телом как союзником, а не только инструментом. Мне кажется, эта визуальная инициирующая особенность присуща и вашему письму?

— Игровые фильмы братьев Дарденн сделаны по безупречным с точки зрения жанра, сценариям. К сожалению, незнаком с их документалистикой. Они умеют перевести хороший сценарий в кино такого эмоционального накала, что история становится как бы незаметна, пружины событий разжимаются за кадром, в подтексте, а зритель погружён в состояние героев, находится с ними как бы в одной

«точке кипения» и поэтому не заботится о том, что же произойдёт дальше. Я перебираю мысленно героев трёх известных мне фильмов братьев Дарденн – «Обещания», «Розетты» и «Сына» – и вижу, что все они буквально одержимы действиями во что бы то ни стало, даже вопреки здравому смыслу, поиском поступка, который изгнал бы из них муку неуспокоенности, невозможности жить: например, плотник из фильма «Сын» готов казнить мальчишку, убийцу своего ребёнка, но чудо спасения ему – и зрителю – открывается в том, что он может воспитать его и полюбить, как родного сына. Литературная составляющая, хотя она не заметна в исполнении, очень всё-таки сильна в фильмах, упомянутых вами – и тоже любимых мной – режиссёров и восходит, структурно и степенью личной ответственности перед сакральным, к античной драме и принципам Аристотелевой «Поэтики». Я об этом, кстати, говорил с братьями Дарденн, и они соглашались со мной. Другое дело, что литературность может и должна разрешаться пластически, становиться жестом и деянием. Когда зритель в каждом кадре фильма угадывает фразу из сценария и таким образом «читает» и воспринимает рассказываемую с экрана историю, это плохо; век типового американского кино, законсервированного таким способом рассказывания, не будет долгим. Зато потом, возможно, кино некоторое время будет эволюционировать из развлечения и трюка в сторону сообщения и рукотворности – и снова переживёт ренессанс.

– Думаю, тут вы абсолютно правы. В кино и в жизни пока медленно-медленно происходит возвращение к жесту, к проживанию жеста, к ответственности перед ним. Как сказал Александр Зельдович: «Современный человек встроен в мир, как ключ в замочную скважину. И он от неё никак не отделён». Если сегодня от манипуляции клавиш одного человека рушатся банки, следовательно, мир стал куда более антропоцентричен, чем когда бы то ни было ранее. Может, именно тому, что наши слова и жесты значат, нам прежде всего стоило бы сегодня учиться?

– Экзюпери сказал лучше: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Я не думаю, что человек настолько прикован к миру, что призван к полной ответственности за всё происходящее. Такой современный человек Зельдовича (я вращаюсь сейчас внутри тезиса, а не вокруг Зельдовича) неизбежно становится внешним человеком по преимуществу, потому что узурпирует власть этической ответственности, гордо беря на себя вину за любую детскую слезинку и сам ею умываясь. Тогда как лучше бы он плакал над своими грехами. Мы, кажется, дожили до тех времён, когда уже мечтаем быть смиренными обывателями, а массовая психология не велит. А что значит наши слова и жесты и куда они ведут, нам не узнать до конца. Мы только можем не забывать о любви.

Уже после нашего интервью на память пришли другие примеры современного прямоговорения. Театр.doc в его лучших вариациях («Война молдаван за картонную коробку») – попытка такой намеренно неметафорической банальной речи, предполагающей проживание «современного слова» как слова прежде всего бедного, нериторического. Другое дело, что подобные примеры всего лишь векторы меняющейся современности, и тот же театр.doc может быть не менее цветасто-риторичным, чем старозаветный МХАТ.

Интервью вела Виктория Смирнова

Обзоры. Рецензии. Новости. Письма

* * *

13-18 октября, Эстония. Ассоциация финно-угорских литератур (президент Арво Валтон, Эстония) в рамках Дней родственных народов провела ряд мероприятий для переводчиков и издателей финно-угорской литературы. В национальной библиотеке Эстонии прошла конференция «Взаимные финно-угорские переводы и их издание» / «Soome-ugri vastastikused tõlked ja nende avaldamine». На мини-конференциях литераторы обсудили опыт взаимных переводов, перспективы развития переводческой деятельности и издания переводов.

На конференцию собрались известные в финно-угорской литературе персоны. Это А. Валтон (Эстония), Т. Сейленталь (Эстония), Я. Пустай (Венгрия), Е.-Ю. Салминен (Финляндия), П. Захаров (Россия, Удмуртия), С. Каньоли (Франция), А. Иванова (Россия, Марий Эл), В. Аликов (Финляндия, Карелия), А. Очей (Россия, Удмуртия), В. Дёмин (Россия, Мордовия), Р. Орлова (Россия, Мордовия), С. Тот (Венгрия/Эстония). Республику Коми представляла известный поэт, переводчик, ведущий рубрики «Логос» на сайте www.finnougoria.ru Финно-угорского культурного центра России Нина Обрезкова.

В рамках программы «Рабочая мастерская» переводчики и издатели познакомились с опытом и продукцией эстонских издателей. Они посетили издательства «Kirjastuskeskus» и «ТЕА» (Таллинн), «Пламаа» (Тарту), типографии «Greif» (Тарту) и «PrintBest» (Вильянди), встретились с эстонскими писателями.

В рамках мероприятий «Я есть» были организованы выставки-продажи книг, литературные вечера и часы автографов, где переводчики и издатели смогли представить своё творчество.

17 октября в Таллинне литераторы стали гостями гала-концерта Дней родственных народов.

Ольга Худяева

X Российско-Финляндский культурный форум. Сыктывкар (Россия). «Этнокультурное многообразие: традиции и инновации»

Российско-Финляндский культурный форум отмечает в этом году свой юбилей, в десятый раз собирались на ежегодную встречу деятели культуры и руководители культурных организаций двух стран. Юбилейный форум состоялся в столице Республики Коми городе Сыктывкаре (Россия), и прошёл под названием «Этнокультурное многообразие: традиции и инновации».

Российско-Финляндский культурный форум – инновационный международный проект в рамках программы приграничного сотрудничества стран Европейского Союза. В обеих странах этот проект отнесен к числу наиболее важных программ сотрудничества, и его главной целью является повышение значимости культуры в двусторонних связях, поддержка с помощью культуры развития регионов двух стран, содействие возникновению и развитию совместных партнёрских проектов.

Высокий статус руководителей и членов рабочих групп форума даёт возможность конструктивной работы между деятелями культуры обеих стран и значительно ускоряет принятие решений на государственном уровне.

В координационных группах форума представлены губернаторы 5 губерний Финляндии, руководители органов культуры 28 субъектов Российской Федерации и члены Общества «Финляндия – Россия», что свидетельствует о серьёзных намерениях партнёров.

Основная идея создателей форума состоит в том, чтобы помочь встретиться тем, кто заинтересован в культурных обменах с коллегами из соседней страны и готов предложить интересный проект для совместной партнёрской работы.

Подготовка к этому масштабному событию (на форум обычно приезжает около 300 участников и гостей из Финляндии и России) ведётся в течение года: страна-организатор объявляет о предстоящем событии и о подаче заявок на партнёрские проекты, а страна-гость – подыскивает со своей стороны подходящих партнёров для участия в их обсуждении.

Интерес к партнёрским встречам чрезвычайно велик, и на форум в Сыктывкаре было подано рекордное количество заявок – 224. Но поскольку экономический кризис оказал негативное влияние и на сферу культуры, своё участие в поездке в Коми сумели подтвердить не все желающие. В результате для обсуждения на X форуме осталось 52 партнёрских проекта.

Как уверены сами участники форумной деятельности, сотрудничество в любом случае будет продолжаться: ведь после знакомства на форуме многие партнёры российско-финляндских культурных проектов продолжают общение самостоятельно.

В двусторонних переговорах по проектам на форуме в Сыктывкаре приняли участие молодёжные объединения, инновационные центры, организаторы фестивалей, мастерские народного творчества, национальные телевизионные каналы, музеи, библиотеки, музыкальные училища, художественные школы, колледжи культуры, вокальные и танцевальные коллективы, – представители многих направлений культурной сферы.

В рамках X культурного форума прошёл тематический семинар «О знаменательных событиях и о значении 1809 года», посвящённый 200-летию со дня окончания русско-шведской войны и заключения Фридрихсгамского мирного договора, по которому Финляндия вошла в состав Российского государства. На форуме состоялись презентация уникальной финно-угорской библиотеки профессора Будапештского университета Петера Домокоша, переданной им в дар Республике Коми. Кроме того, были представлены новые проекты, такие как Финно-угорский портал в сети Интернет, медиийный проект «Коми народное радио», и проект «Финно-угорский этнопарк».

Впервые за всю историю форума он проводился в финно-угорском регионе.

Как отметил в своём приветствии к участникам и гостям X Российско-Финляндского культурного форума Глава Республики Коми Владимир Торлопов, последовательное развитие международных культурных связей между финно-угорскими странами – одно из основных направлений государственной и культурной политики Республики Коми.

Партнёрство с Финляндией охватывает все сферы экономики и социальных отношений, и культурные связи всегда были и останутся одним из приоритетных направлений сотрудничества Коми и Финляндии.

В работе форума приняли участие министры культуры и спорта Финляндии, а также различные политики, общественные деятели и учёные. В работе форума, как обычно, помогала большая группа переводчиков, чьей задачей было обеспечить «взаимопонимание» на переговорах в группах по направлениям и между партнёрами по проектам.

Культурные форумы проводятся с 2000 года ежегодно и поочерёдно – то в Финляндии, то в России – при поддержке Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ и Министерства образования Финляндии.

Конкретную информацию о партнёрских проектах, программе X культурного форума в Сыктывкаре, его участниках, а также архив предыдущих форумов можно найти в Интернете на финском языке: www.kultforum.org. И на русском языке по адресу: www.kultforum.natm.ru

А также получить в Обществе «Финляндия – Россия» у секретаря проекта Ольги Кауппинен:

Тел.: +358 9 6938 688

GSM +358 40 841 0430

E-mail: olga.kauppinen@venajaseura.com

*Наталья Еришова, пресс-координатор русскоязычной информации форума
Медиа-агентство Media Comnatel Oy, Helsinki, Finland*

* * *

В октябре этого года Представительство Республики Коми в Северо-Западном регионе РФ провело I фестиваль творческой молодёжи коми «Связь времён», организованный по инициативе студентов и выпускников Санкт-Петербургских ВУЗов, уроженцев Республики Коми.

В программе фестиваля состоялась выставка художественных работ Студии этнодизайна, Клуба художников «Виктория», а также студентов и выпускников Колледжа технологии, моделирования и управления СПбГУТД, Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина; мастер-классы по батику, этно-боди-арту, мезенской росписи, ткачеству; интерактив «Национальные коми игры»; концерт студентов и выпускников Музыкального колледжа им. Н.А. Римского-Корсакова, Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства, Консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова, Академии русского балета им. А.Я. Вагановой.

На фестиваль были приглашены министр культуры Республики Коми Владимир Юрковский, заслуженная артистка России Ольга Сосновская, преподаватель флейты и волынки, руководитель оркестра «Волынки и барабаны Санкт-Петербурга» Владимир Молодцов, представители Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга, Комитета по культуре Санкт-Петербурга, Комитета по культуре Ленинградской области, Комитета по молодёжной политике Санкт-Петербурга, Дома Национальностей Санкт-Петербурга, представители субъектов РФ и консульств зарубежных стран, члены национально-культурных диаспор Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургское отделение Российского союза работников культуры, а также военнослужащие в/ч 75752 пос. Бугры Ленинградской области, выходцы из Республики Коми.

* * *

16 октября 2009 года в Национальной галерее Республики Коми открылась выставка «Становление Финляндии», освещавшая хронологически удалённые от нашего времени, порой сложные и запутанные, но в то же время героические события, приведшие к государственному самоопределению финского народа.

Экспозиция выставки – содержательная и многоплановая, в ней вошли экспонаты, привезённые из Санкт-Петербурга и ранее не показывавшиеся в столице Республики Коми. Среди хранилищ, отправивших свои сокровища в Сыктывкар, – Всероссийский музей А.С. Пушкина, Центральный военно-морской музей, Российская Национальная библиотека, Российский государственный исторический архив.

Выставка рассказывает об истории российско-финляндских отношений, прежде всего, посредством изобразительного искусства. Основу экспозиции составляет оригинальная и печатная графика XVIII–XIX веков (рисунок, гравюра, литография), живопись. Сюжетами произведений искусства, отобранных для выставки, стали сцены баталий («Баталия при Гренгаме», «Гангутское сражение»), события международной истории и политики («Венский конгресс 1814–1815 гг.», «Наполеон у гробницы Фридриха II»), портреты русских царей, полководцев, государственных и общественных деятелей. Художественный ряд экспозиции дополняют медали, посвящённые победам России над Швецией, редкие книги, документы того времени. Отражая события русско-шведской войны, экспозиция представляет и героев Отечественной войны 1812 года, а также культурную и общественную жизнь рассматриваемого периода: отклики на борьбу Финляндии за свой суверенитет и отношение к ней общественности России.

Людмила Кочерган

* * *

Финно-угорский культурный центр Российской Федерации совместно с «творческим объединением «Культура», Государственным музеем Природы и Человека и Центром народных художественных промыслов и ремёсел провели ме-

роприятия, посвящённые Дням родственных финно-угорских народов в Ханты-Мансийске.

В Государственном музее Природы и Человека состоялась презентация работ венгерского художника-эмальера Светланы Тот «Древо жизни». Посетители познакомились с мифологическими представлениями финно-угорских народов, восходящими к эпохе их общности (III–II тысячелетия до н.э.). Международная выставка детского художественного творчества «Завещание предков» открылась в Центре народных художественных промыслов и ремёсел. В зале Дома дружбы народов состоялось открытие сразу двухотовых выставок, отражающих культуру и быт финно-угорских народов. «Единство и разнообразие» – это выставка из 30-летнего экспедиционного архива студентов Эстонской художественной академии, которые побывали у всех финно-угорских народов с целью изучения быта и народного искусства. На выставке «Мы есть и будем» были представлены работы финно-угорских фотожурналистов и фотолюбителей.

Сохранить звезду счастья

Высокая и чистая любовь – это Вселенная, способная к самоочищению от мусора, привносимого в неё безнравственностью, распущенностью и вседозволенностью. Но даже самый высокий романтизм и трепетность чувств не свободны от вольного или невольного обмана, ревности, подозрительности и выяснения отношений. И всё-таки главное среди горечи разлук и сплетен, среди ерунды и шелухи повседневности – это умение сохранить звезду или хотя бы искру ошеломляющего и несравненного испытания счастьем и способностью любить.

Обо всём этом – новая книга сыктывкарского поэта Алексея Иевлева, вобравшая в себя лучшую любовную лирику автора. Поэт сумел показать всё разностороннее богатство души и чувств лирического героя в наиболее трепетных, ранимых и в последнее время более всего опошляемых человеческих отношениях. Читатель вместе с автором сопереживает и проживает целую историю трогательной и уважительной любви, которая, конечно, не исключает взаимного разлада, непонимания, но «через тернии» зовёт за собой не в постель, как большинство нынешних бестселлеров и телесериалов, а «к звёздам», призывающая познавать высокое на небесных вершинах, а не в подвалах, грязных подворотнях и злачных местах.

И вместе с тем, это глубоко земная книга, т.к. чувствуется, что большинство произведений в ней адресовано нашей современнице, а не выдуманному образу.

Книга будет интересна читателям разных возрастов. И тем, кто уже испытал чувство любви. И тем, кто нуждается в примере или образце чистых, высоких и совершенно нормальных отношений, к которым и должны стремиться нормальные люди.

Андрей Попов

Книжный мир

Радостное известие пришло из Венгрии, здесь в сборнике «Visszhangok Osszhangja. Komifoldi memorokseg» в переводе Иштвана Балога изданы стихи поэтов Республики Коми: Н.Мирошниченко, А.Суворова, Н.Обрезковой, С.Журавлева, И.Вавилова, Андр.Попова, А.Илларионова, В.Тимина, Г.Бутыревой, Н.Кузьмина, М.Плехановой, Л. Терентьевой, А. Канева, А. Клейна, М.Елькина, А.Ельцовой, А.Пашнева.

В Сыктывкаре изданы: «Коми челядьлы антология» (Антология коми детской литературы), том первый; Н.Куратова «Менам дона сикётиш-ожерельёй»; перевод на коми язык А.Попова «Рассказов для детей об истории Коми края» И.Жеребцова и П.Столповского. Для детей младшего и среднего школьного возраста издана книжка М.Н. Лебедева «Зарни чукёр». На русском языке появились романы В.Давыдова «Влюбиться в президента» – это исторический детектив, а также Е.Киселевой – «Тропинки сухарского леса».

Традиционно одиннадцатый номер московского журнала «Наш современник» предоставил свои страницы нашим писателям, в нём опубликованы стихи Н.Мирошниченко, В.Вьюхина, А.Иевлева, а также проза Н.Обрезковой и Т.Ломбийной.

Национальная библиотека Республики Коми выпустила биобиблиографический указатель «Галина Васильевна Бутырева».

Подписавшись на журнал «Арт»

в Год учителя,

вы получаете возможность расширить свои знания в области русской и финно-угорской истории, этнографии, культуры и искусства.

Кроме журналов вы получите 4 компакт-диска «Школьная хрестоматия» с аудиозаписями произведений коми и русских писателей в авторском исполнении.

Федеральное государственное унитарное предприятие "ПОЧТА РОССИИ" Ф. СП-1

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **7 8 5 0 3**

журнал «Арт»

(наименование издания)

КОЛИЧЕСТВО
КОМПЛЕКТОВ

На 20 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

Линия отреза

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
ПВ	место	литер

**ДОСТАВОЧНАЯ
КАРТОЧКА**

7 8 5 0 3

(индекс издания)

На **газету** **журнал «Арт»**

(наименование издания)

Стои- мость	подписки	руб.	коп.	Кол-во комп- лекто-	
	каталожная	руб.	коп.		
	переадресовки	руб.	коп.		

На 20 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
----------------------	----------------------	----------------------	----------------------

город

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
----------------------	----------------------	----------------------

село
область

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
----------------------	----------------------	----------------------

район

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
----------------------	----------------------	----------------------

улица

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
----------------------	----------------------	----------------------

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
----------------------	----------------------	----------------------

дом корпус квартира

фамилия и. о.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск контрольно-кассовой машины. При оформлении подписки (переадресовки) без контрольно-кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля почтового отделения. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Всю моральную и материальную ответственность за нарушение условий подписки и качество полиграфического исполнения несут издательства и редакции периодических изданий.

— — — — — Линия отреза — — — — —

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах.

Заполнение месячных клеток при переадресации издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» производится почтовыми работниками.

Summary

In our 4th issue we offer you a new supplement: a CD-disk «Michael Elkin. Poetry».

This is the 4th poetical disk issued by the magazine in the Year of Komi Language.

You can see an article about Komi written language and formation of Komi literary tradition by well-known Komi linguist G. Fedyuneva.

The magazine keeps publishing materials about Komi-Zyryan dictionaries (A. Turkin) and letters to academician A. Shegren (publication by M. Leinonen, Finland).

2009 was also a Youth Year. Young Russian writing poets made their debut on the magazine's pages.

We keep publishing a narrative in Russian called «Blue Gramophone» by well-known Komi prose writer P. Shachov in our traditional rubric «Prose. Poetry».

For the first time you can see the poetry by A. Ivlev, the author of several collected poems, published in the Art Magazine. The related items «Who am I, oh, Lord?» are very interesting new works of the author.

Also you can find three articles about Komi literature by well-known scientists from Yekaterinburg University E. Sozina, T. Snigireva and I. Vasilyeva.

Next to it – works of young scientists from Syktyvkar D. Oksuzyan and L. Lobanova.

This time the Art Fact offers you the works of an experienced master, a painter A. Kopotin and a sculptor-beginner A. Neverova. Besides, you can read an interview with E. Bartenev about his movie that the young director shot in Udar (Komi Republic).

And at the end of the issue, as usual, collected news from cultural life.

Translated by Ksenya Zhmako